

ПСИХОЛОГИЯ

РАБОТЫ
ЗАБОТЬ

ОПЫТ РАБОТЫ
СОЦИАЛЬНО—
ВОЛОНТЕРСКОГО
ЦЕНТРА МУЗЕЯ
ИСТОРИИ ГУЛАГА

Музей истории
ГУЛАГа
Фонд Памяти

ПСИХОЛОГИЯ ЗАБОТЫ

ОПЫТ РАБОТЫ СОЦИАЛЬНО— ВОЛОНТЕРСКОГО ЦЕНТРА МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГУЛАГА

Книга «Психология заботы» рассказывает об опыте Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа.

«Психология заботы» — это волонтерская помощь людям, пережившим массовые репрессии в СССР. Помощь самая разнообразная: от работ по дому и покупки продуктов до решения юридических вопросов и похода в театр.

Для волонтеров общение с жертвами репрессий — возможность узнать об истории своей страны из первых уст, для подопечных — приобрести необходимую поддержку и поделиться опытом.

На всех этапах реализации проекта с волонтерами работает психолог, который обучает тонкостям возрастной психологии и основным аспектам взаимодействия с подопечными, методам борьбы с психологическим выгоранием. Психолог помогает разрешать внутренние проблемы, находить ответы на волнующие вопросы.

Проект стартовал в октябре 2018 года при поддержке Фонда Памяти, с использованием средств из бюджета города Москвы, выделенных в качестве Гранта Мэра Москвы по итогам Конкурса, проведенного Комитетом общественных связей и молодежной политики города Москвы для социально ориентированных некоммерческих организаций.

ББК 63.3(2)6-4+88.50

Музей истории ГУЛАГа
Фонд Памяти
Издательская программа

Музей истории ГУЛАГа благодарит всех, кто помог подготовить это издание:
Валерия Наумова,
клинического психолога, психотерапевта
Сашу Галицкого,
арт-терапевта, художника, писателя,
автора идеи «Музея искусства пожилых людей»
Машу Кушнир,
фотографа
Игоря Кравченко,
генерального директора ООО «ВИД-Консалтинг»
Ольгу Глухову,
президента Благотворительного Фонда «София»
Евгению Овчинникову,
заместителя директора
ГБУ города Москвы «Мосволонтёр»
Елизавету Батину, Ирину Пастернак,
специалистов по связям с общественностью
ГБУ города Москвы «Мосволонтёр»
Олега Комаровского,
координатора региональной
сети Международного Мемориала
Дарью Белимову,
консультанта направления
«Волонтерская помощь медицинским организациям»
Всероссийского общественного движения
добровольцев в сфере здравоохранения
Ольгу Никитину,
заместителя регионального координатора
ВОД «Волонтеры-медики» в Москве
Ирину Воробьеву,
председателя правления региональной
общественной организации UMIRA (ЮМИРА)
Молодежный совет Департамента здравоохранения
города Москвы и лично
И Сун Чера,
специалиста организационно-методического отдела
по неврологии ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ»

Особую благодарность выражаем всем волонтерам,
участвовавшим в расшифровке материалов.

- 008 Вступительное слово Романа Романова, директора Музея истории ГУЛАГа, руководителя Фонда Памяти
- 009 Вступительное слово Саши Галицкого, арт-терапевта, художника, писателя, автора идеи «Музея искусства пожилых людей»
- 010 «Птица за птицей»: опыт социально-волонтерской работы с пожилыми людьми
- 015 История Социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа
- 018 Об опыте проекта «Психология заботы»
- 020 Заметки психолога. Волонтерское движение и психология

Подопечные и волонтеры первого набора проекта «Психология заботы»

- 026 Арина Коледова: «Я обрела двух близких людей, которые щедро делятся своим теплом и мудростью, крепостью духа»
- 028 Эльга Юделевна Силина: «Когда брату было 10 лет, он написал маме письмо на Колыму: “Когда уж кончится твоя проклятая командировка?”»
- 042 Майя Яковлевна Боярская: «Вы можете гордиться своим отцом»
- 052 Алексей Стехов: «Чтобы осталась память — такой рефрен был у наших встреч»
- 054 Елена Владимировна Маркова: «Каторжане не имели имен и фамилий — только номера. Я была “Е-105”»
- 060 Ольга Хотимская: «Волонтерам музея приходится иметь дело с живой историей из первых рук»
- 062 Маргарита Даниловна Андриющенко: «Нас связала судьба под названием ГУЛАГ»
- 068 Галина Ускова: «Меня восхищает ее способность расправить крылья и жить»
- 070 Гюльнар Аслямовна Мамлеева: «Что было главным в сознании людей в 1937—1938 годов? Страх»
- 076 Ольга Беляева: «Общение с Зинаидой Платоновной дает мне колоссальные силы, мудрость, осознание ценности того, что мы имеем»
- 078 Зинаида Платоновна Волкова: «Я написала статью “Я никогда не видела глаз своих матери и отца”»
- 086 Анна Удалова: «Я очень боялась на первой встрече задавать вопросы о семье»
- 088 Галина Николаевна Герман: «Когда меня стригли, парикмахер удивлялась: “У девочки седые волосы!”»
- 098 Мария Искрина: «Проект мне понравился, мне было понятно, зачем я там»
- 100 Кима Алексеевна Дандурова: «Отца арестовали 13 февраля 1936 года, а я родилась после ареста, 27 февраля»
- 104 Галина Мазина: «Волонтеров часто спрашивают: почему вы это делаете?»
- 106 Лия Степановна Малинина: «У нас в семье все долгожители, кроме папы — он умер рано, в 62 года, потому что лагеря — это не курорт»
- 108 Елена Касаткина: «Александр Андреевич буквально заряжает жизнью, понимаешь, что со всеми трудностями можно справиться»
- 110 Александр Андреевич Грицаук: «Нас обвиняли в том, чего мы не совершали, но наши оправдания никого не интересовали»
- 116 Светлана Савельева: «Я узнала, что при музее есть Социально-волонтерский центр, и задумалась, смогу ли я быть там чем-то полезна»

- 118 Татьяна Казимировна Анохина: «2 апреля 1939 года мама написала письмо Сталину с просьбой пересмотреть дело мужа. Она не знала, что уже больше года как его нет в живых»
- 122 Евгений Сучков: «Для изменения ситуации в обществе нужно думать не о тех, кто написал донос»
- 124 Алексей Георгиевич Нестеренко: «Моя главная задача — убедить депутатов принять закон “О запрете прославления Сталина”»
- 128 Мария Титова: «“Иногда мне кажется, что это мне 84, а Вам 21”, — сказала я ей. В ответ она просто рассмеялась»
- 130 Елена Николаевна Острина: «Больше она его никогда не видела, его расстреляли в 1937-м»
- 132 Татьяна Кирюхина: «Наши подопечные не живут прошлым, через них протекает река истории»
- 134 Владимир Николаевич Осипов: «9 февраля 1962 года меня осудили на семь лет лагерей. Арест не стал для меня неожиданностью»
- 140 Анна Толстухина: «Возможность соприкоснуться с историей казалась очень важной»
- 142 Алла Владимировна Обуховская: «Мама все время звонила по телефону и требовала свидания с Ежовым»
- 146 Евгения Ершова: «Я очень люблю слушать истории дедушек и бабушек»
- 148 Галина Денисовна Зацепина: «По тем временам, если бы такую фотографию у нее нашли, ее бы саму расстреляли»
- 154 Марина Власкина: «Это был шанс разобраться в себе»
- 156 Елена Константиновна Пугаева: «Радостное детство длилось недолго»
- 162 Ольга Кузнецова: «Для меня тема волонтерства очень близка. Сейчас много возможностей для реализации себя в этой деятельности»
- 164 Ирина Александровна Соловьева: «Каждый раз, знакомясь с каким-то человеком, я должна была думать, а не испорчу ли я ему биографию?»
- 170 Валерий Харламов: «Погружение в частные истории жизни моих подопечных позволило мне больше узнать о репрессиях и их последствиях»
- 172 Ирина Михайловна Крыжановская: «Я понимала, что папа — заключенный, но с самого начала верила в его невиновность»
- 174 Диана Дзис: «Не знаю, как можно объяснить, почему ты идешь помогать людям?»
- 176 Инна Александровна Акдальдер: «Пока живу, надеюсь»
- 188 Вместо послесловия.
Варвара Усаневич,
руководитель Социально-волонтерского центра
Музея истории ГУЛАГа

Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа, руководитель Фонда Памяти

проект социально-волонтерского центра

Отделы по работе с волонтерами в музеях уже давно не редкость. Однако Социально-волонтерский центр Музея истории ГУЛАГа — особенный, потому что поддерживает людей, переживших массовые репрессии в СССР.

Волонтеры Музея помогают подопечным по дому, сопровождают в медицинские учреждения, поздравляют с праздниками, организуют посещение музеев и театров, решают юридические вопросы и даже делают макияж во время специальных «Дней красоты».

Для волонтеров поддержка жертв политических репрессий — это возможность узнать больше об истории нашей страны, прикоснуться к последним свидетелям эпохи, а для подопечных — способ поделиться опытом, испытать чувство восстановления исторической справедливости.

На наших глазах устанавливаются межпоколенные связи и зарождается настоящая дружба. Основной заслугой за шесть лет работы Центра стало то, что подопечные могут доверить волонтерам любую просьбу, а Музей считают вторым домом, куда они могут прийти в любое время.

Саша Галицкий,
арт-терапевт, художник,
писатель, автор идеи
«Музея искусства пожилых людей»

Читая эту книгу, я узнаю уходящее поколение старых уже людей, рассказывающее о своей судьбе. Это поколение моих родителей, да и родителей многих моих друзей. Мой отец успел оставить воспоминания, часть из которых тоже посвящена четверем с половиной годам, проведенным в лагере.

До лагеря ему удалось предпоследним эшелонам, пока в противоположный край города Смоленска уже входили немецкие войска, успеть эвакуироваться в Среднюю Азию. Последний эшелон был атакован с воздуха и сожжен. Потом была учеба в техникуме и поисковые экспедиции по розыску нефти для фронта.

Потом Парад физкультурников в Москве, «я Сталина видел», но вместо учебы в институте был неожиданный арест и заключение.

Из его воспоминаний я узнал, к примеру, что он наряду с другими заключенными строил архитектурную гордость сталинской эпохи — здание Московского университета.

Вообще, возвращаясь к проекту и книге, без передачи и сохранения памяти прошлого будущее не имеет смысла, ибо последующие поколения, не чувствуя своей истории, обычно повторяют ошибки предыдущих. Последние 100 лет российской истории были особенно наполнены катаклизмами и потрясениями, пропали без следа семьи, целые деревни и города, сгорели и были намеренно уничтожены архивы и личные документы. Кто из нас может проследить историю своей семьи хотя бы три-четыре поколения назад? А ведь это корни народа и государства, именно на знании прошлого можно построить достойное будущее.

Поэтому волонтерский проект имеет высшую ценность в первую очередь для самих волонтеров, а через них и для всего общества в целом.

«Птица за птицей»¹:

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ВОЛОНТЕРСКОЙ РАБОТЫ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

¹ Название отсылает к знаменитой книге Энн Ламотт, которая пишет: «Тридцать лет назад мой старший брат — тогда ему было десять — бился над школьным заданием, которое должен был сдать на следующий день. Им велели описать наших местных птиц; изначально на все отводилось три месяца, но брат ничего не успел. И вот он, чуть не плача, сидел за кухонным столом у нас дома в Болинасе, весь обложенный альбомами, карандашами и непрочитанными книгами про птиц. Объем работы парализовал его. Тогда пришел папа, сел рядом с ним, обнял и сказал: “Птицу за птицей, друг. Описывай птицу за птицей”». Ламотт Э. Птица за птицей: заметки о писательстве и жизни в целом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 49.

² Краснова О. В. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. 2005. № 3.

За последние сто лет средняя продолжительность жизни выросла почти в два раза. Если в XIX веке этот показатель варьировался в районе 30—40 лет, то к началу XXI столетия увеличился до 70—80 лет. В то же время изменилось само понятие возраста. Как отмечает Ольга Краснова, кандидат психологических наук и доцент кафедры возрастной психологии Московского педагогического государственного университета, сейчас «пожилые люди» — это категория, которая нуждается в уточнении, и в группе пожилых людей можно выделить самые разные подгруппы. Например, возрастные — от «молодых пожилых» (60—70 лет) до людей старшего возраста (90 или даже 100 лет), гендерные — пожилые мужчины и пожилые женщины, ведь у этих групп старение происходит по-разному.

«Одни пожилые живут в мегаполисах, другие — в маленьких поселках или деревнях. Среди них есть люди с высшим и начальным образованием, академики и безграмотные, семейные и одинокие, профессионалы и те, кто всю жизнь трудился разнорабочим. Наконец, пожилые люди различаются по степени сохранности познавательной сферы: одни обладают хорошей памятью, вниманием, способностью к дальнейшему развитию и обучению, а у других наблюдаются умственные нарушения, спутанность сознания, депрессия или деменция. Все эти факторы влияют на то, как у человека проходит старение, на его самовосприятие как личности и как члена общества. Но влияют они и на то, как старого человека воспринимает общество»².

Вместе с ростом этого сегмента аудитории перед обществом возникают новые задачи: как помочь людям преклонного возраста, чем занять их свободное время и чему новое поколение может научиться у них. В силу сложной истории нашей страны, волонтерские движения в России стали активно развиваться только в последние двадцать лет. Причем, как правило, в основе часто лежала частная инициатива. В 2006 году первокурсница-филолог Лиза Олескина отправилась в фольклорную экспедицию в Псковскую область. В поисках народных песен она решила посетить местный сельский дом престарелых. Бедность, тоска и одиночество стариков в этом доме настолько поразили ее, что, вернувшись, Лиза стала искать благотворительные организации, к которым можно было бы обратиться за помощью. Когда таких не оказалось, Лиза опубликовала пост в социальной сети, пригласив всех желающих отпраздновать День Победы в одном из подмосковных домов ветеранов. Желающих на удивление оказалось много. Волонтеры посетили один дом престарелых, потом другой, иногда персонал просил заглянуть в соседний. Так, в 2011 году волонтерское движение превратилось в фонд помощи пожилым людям и инвалидам «Старость в радость». На данный момент фонд курирует 150 домов-интернатов в 25 регионах России, оплачивает труд примерно 100 дополнительных помощниц по уходу и культработников для самых слабых стариков, оплачивает медикаменты, подгузники, средства по уходу для подшефных домов престарелых и больниц. За прошедшие годы изменился и масштаб социально-волонтерской деятельности в России. Сейчас, к концу 2019 года, на информационной платформе «Добровольцы России» зарегистрировано 20 315 организаций

и 909 641 добровольцев со всей России, многие из них работают с пожилыми людьми.

Однако часто старшему поколению нужна не только физическая и медицинская помощь, но и возможность подстроиться под современный ритм жизни. Интересный подход к решению этой проблемы нашли представители Региональной общественной организации «ЮМИРА», создав проект «Вкус жизни. Связь поколений». В рамках этого проекта ученики старших классов и студенты младших курсов помогают пожилым людям освоить навыки работы с компьютером, научиться работать с программами и пользоваться интернетом. За шесть месяцев проект «Вкус жизни. Связь поколений» смог оказать помощь 90 людям старшего поколения. Во время обучения подопечные не только приобретают новые умения, но и знакомятся, общаются со своими единомышленниками.

Стремление к общению и участию в жизни общества для пожилых людей иногда становится причиной самим вступить в ряды волонтеров. В мире это явление получило название «серебряного» волонтерства. Согласно данным опросов ФОМ, более четверти россиян в возрасте 50+ включены в добровольческую деятельность. При этом исследователи отмечают, что удовлетворенность жизнью напрямую зависит от интенсивности вовлеченности добровольцев в свою деятельность.

В Москве направление «серебряного» волонтерства развивает ГБУ города Москвы «Мосволонтёр». Сейчас более 600 человек в возрасте от 55 лет участвуют в различных социальных проектах Москвы. Кто-то из них навещает детей в больницах, кто-то учит играть в шахматы воспитанников детских домов и интернатов, другие ухаживают за животными в приютах.

ГБУ города Москвы «Мосволонтёр» предлагает для пожилых людей целый комплекс мероприятий, направленных на их вовлечение в социальную жизнь города, чтобы они могли развиваться, интересно проводить свое свободное время. Например, с 2016 года «Мосволонтёр» совместно с МГИМО МИД России проводит для «серебряных» волонтеров специальную программу «Серебряный мост», на которой выпускники и студенты старших курсов МГИМО преподают участникам английский язык. Программа представляет собой комплекс лекционных и семинарских занятий по английскому языку, на каждом из которых участники получают необходимые знания для участия в мероприятиях в сфере добровольчества и повышают свою квалификацию. За 2018—2019 год в рамках реализации программы обучение прошли более 90 «серебряных» добровольцев.

На Западе масштабные волонтерские организации также довольно часто выросли из частных инициатив. В 1954 году несколько добровольцев из Филадельфии объединились для того, чтобы готовить и доставлять еду тем соседям, которые в силу возраста не могли выйти из дома или самостоятельно приготовить себе обед. Первые доставленные ланч-боксы состояли из горячего блюда на обед, холодного сэндвича с гарниром и стакана молока на ужин. Вскоре к волонтерам присоединились школьники старших классов, за что получили прозвище «Ангелы с подносами». Постепенно то, что начиналось как жест сострадания, разрослось в одно из самых масштабных волонтерских движений США Meals on Wheels («Еда на колесах»). Сейчас организация проводит собственные исследования и развивает для пожилых людей по всей стране около 5000 программ, направленных на решение проблем голода и одиночества в пожилом возрасте. Теперь Meals on Wheels не только доставляет еду,

3
 Галицкий С. Я боялся преподавать старикам и острых стамесок в их руках // Правмир.
 Ссылка доступа: <https://www.pravmir.ru/hudozhnik-sasha-galitskiy-ya-boyalsya-prepodavat-starikam-i-ostryih-stamesok-v-ih-rukah/>

4
 Galitsky S. Seniors Art Museum // Patreon.
 Ссылка доступа: <https://www.patreon.com/sashagalitsky>

но и занимается обеспечением медицинской помощи, предоставляет подопечным услуги адвокатов и подбирает волонтеров для ежедневного общения. Обратиться в Meals on Wheels может любой американец старше 60 лет, состояние здоровья которого не позволяет ему самостоятельно передвигаться. Доход, наличие визы, грин-карты или гражданства не имеют значения. Иногда участниками программы становятся на непродолжительное время: например, в период восстановления после операции или во время тяжелой болезни. Основное преимущество Meals on Wheels заключается в том, что программа дает возможность миллионм одиноких людей, несмотря на возраст или болезнь, жить в своих собственных домах, не переезжая в дома престарелых. Только в США Meals on Wheels обеспечивает помощью около 2,4 миллиона американцев. Аналоги программы уже существуют в Австралии, Великобритании, Канаде и Ирландии.

Однако социальное волонтерство, то есть помощь в быту и обеспечение потребностей повседневной жизни, далеко не единственный тип помощи людям пожилого возраста. После Второй мировой войны большое развитие получило направление арт-терапии, в основе которой лежит воздействие на психоэмоциональное состояние человека при помощи творчества. Методы арт-терапии, например, использовались в работе с детьми, вывезенными из фашистских лагерей во время войны. Сейчас художественные студии существуют даже при домах престарелых. Одна из таких студий, открытая в Израиле, стала известной в русскоязычном культурном пространстве и послужила основой для создания Музея искусства пожилых людей на волонтерских началах.

Репатриант из России, художник и скульптор, Саша Галицкий начал обучать пожилых людей резьбе по дереву с начала 2000-х годов. Сейчас средний возраст его учеников составляет 80—100 лет, многие из них пережили Вторую мировую войну, Холокост и концлагерь. Занимаясь резьбой по дереву, старики часто рассказывали свои истории: одному удалось избежать Холокоста из-за раздела Польши и эвакуации в тыл России, на глазах у другого нацисты расстреляли всю его семью. «А потом он оказался в списке Шиндлера, — рассказывает Саша в интервью про одного из своих учеников, — затем воевал в Израиле, выучился в престижном техническом заведении и создал первый завод электронной техники, а потом уехал в Америку работать в космической программе. И все это в одной судьбе. А сейчас он сидит и вырезает козликов. Вот это потрясающе»³.

«Специалист по межпоколенческим разрывам», как называет себя Саша Галицкий, художник начал публиковать истории учеников на своей странице в фейсбуке, предваряя каждый пост фотографией созданной работы. Блог быстро набрал популярность, люди стали спрашивать, как можно купить произведения, — так возник Музей искусства пожилых людей. «Мы придумали Музей искусства пожилых людей, в котором бесплатно рассылаем на экспозицию по всему миру всем желающим работы по-настоящему старых мастеров», — пишет Саша Галицкий в своем блоге⁴. Желающий получить рисунок, скульптуру или картину должен отправить запрос на электронную почту и оплатить почтовые расходы. За 2018 год основатели Музея Саша Галицкий и Таня Цыткин разослали 43 работы в 9 стран мира. Мы попросили Сашу Галицкого написать предисловие для этой книги. Так мы узнали, что его отец был репрессирован.

Открытия в собственной семейной истории подчас могут стать основанием для создания волонтерского проекта. В 2017 году Бриттани Бэйр приехала к своей бабушке Грэм в Цинциннати и получила от нее в подарок две автобиографии, написанные прабабушкой и прадедушкой Бриттани. Из них Бриттани узнала, что ее прадедушка во время Второй мировой войны создал первый корпус женской армии американских войск, а после войны стал одним из инициаторов учреждения университета для американских студентов, живущих в Европе. История Второй мировой войны и Америки периода дегрегации, рассказанная сквозь призму семейной истории, настолько поразила Бриттани, что она задумалась: как можно помочь другим людям сохранить свои воспоминания? Так родилась идея некоммерческого проекта My Life, My Stories («Моя жизнь, мои истории»). Волонтеры этого проекта помогают пожилым людям не только сохранить, но и опубликовать мемуары в виде книги. Волонтер проводит много времени со своим героем, записывая его воспоминания на диктофон. Затем аудиозаписи расшифровываются, проходят редактуру и публикуются отдельной книгой в твердом переплете. Среди героев проекта люди с самым разным бэкграундом: ветеринарный врач военно-морских сил, на 14 лет ушедшая в монастырь, и влюбленная в Одри Хепбёрн эмигрантка из Филиппин, инженер и владелец регги-клуба, ставший бездомным, и танцовщица из Италии. Герои рассказывают о пережитых войнах и трагедиях, о хрусте кринолиновых юбок в младших классах, о жизни в приютах для бездомных и походах в церковь по воскресеньям. В качестве кредо проекта Бриттани любит цитировать фразу известной американской писательницы Энн Ламотт: «Что если однажды ты проснешься в свои 65 или 75 лет, а ты так и не написал роман или мемуары, так и не погрузился в глубину озер или океанов только потому, что твои бедра казались тебе слишком рыхлыми, а живот слишком большим, или, что еще хуже, ты был настолько зациклен на перфекционизме и удовлетворении желаний других людей, что забыл прожить глубокую, сочную, творческую жизнь, полную воображения, глупостей и устремлений в космос, о которых так мечталось в детстве? Это разобьет твое сердце. Не позволяй этому случиться».

Отдельное направление социально-волонтерской деятельности составляют благотворительные фонды и организации, в фокусе которых находятся пожилые люди, пережившие глубокую травму: например, войну, геноцид, Холокост и другие катастрофы XX века. На Западе наиболее крупным представителем подобного направления является всемирная организация Claims Conference. Созданная в 1951 году как Комиссия по еврейским материальным искам к Германии, поначалу организация занималась ведением переговоров с правительством Германии о программе компенсации материального ущерба, причиненного Германией еврейскому народу в период Холокоста. Однако сейчас в сферу деятельности Claims Conference входят не только компенсации, но и социальная помощь, возвращение имущества и активов, просветительская и исследовательская деятельность по истории Холокоста. С момента первого соглашения с Западной Германией, заключенного в 1952 году, организация добилась выплат на сумму более 70 миллиардов долларов США более чем 800 000 жертвам Холокоста. Текущими программами поддержки пожилых людей, переживших Холокост, являются Фонд Article 2, Фонд Центральной и Восточной Европы, Hardship Fund и Фонд «Дети Холокоста». Сейчас Claims Conference — это сеть, включающая около 250 организаций-партнеров, которые помогают 130 000 жертвам Холокоста

5
Холокост и ГУЛАГ:
что остается после
памяти? Постпамять
без постполитики
в России:
как определить
«виновных»? //
Гефтер.
Ссылка доступа:
[http://gefter.ru/
archive/17231](http://gefter.ru/archive/17231)

в 47 странах, обеспечивая уход на дому, питание, медикаменты, медицинскую помощь, экстренную денежную помощь, транспорт, юридическую опеку и участие в жизни общины.

В российском пространстве работа с людьми, пережившими сильный травматический опыт, началась в 1990-е годы на пике второй волны десталинизации. Именно тогда Фонд Солженицына запустил программу денежных компенсаций бывшим узникам ГУЛАГа и пострадавшим от политических репрессий.

В отличие от памяти о Холокосте, исторический опыт ГУЛАГа часто вытесняется из семейной и исторической памяти людей, оставаясь непережитым и неосознанным опытом. Как отмечает профессор Лейденского университета Эрнст ван Альфен, отчасти это связано с тем, что в советском контексте существует проблема идентификации понятия жертвы⁵. В разные периоды советской истории палач мог стать жертвой, затем вновь палачом. И даже на несложный вопрос «Кто был виновен?» далеко не всегда можно дать ясный ответ. Как следствие, в России не существует полного списка жертв и палачей, не развита система мемориалов, музеев и памятников. Кроме того, прошло совсем немного времени с момента распада СССР. Несмотря на то, что Холокост продолжался пять лет, а ГУЛАГ просуществовал три десятилетия, временная дистанция между окончанием советского периода и современной Россией все еще слишком коротка. Возможно, нужно подождать еще двадцать лет, чтобы знание истории сталинизма оказалось по-настоящему востребованным.

Тем не менее в последние десятилетия появились организации, специализирующиеся на помощи жертвам политических репрессий. Это направление деятельности началось в конце 1990-х годов и получило свое развитие уже в 2000-е годы. Например, в 2012 году волонтерская социальная служба пермского «Мемориала» запустила социальный проект «Вместе», включающий в себя три этапа. Первый из них был посвящен развитию психологических и когнитивных способностей пожилых людей. На консультациях подопечные обучались инструментам самопомощи в пожилом возрасте, а также работе с посттравматическим стрессовым синдромом — психологической травмой, полученной в результате страданий в годы политических репрессий. В основе второго курса лежала программа медико-социальной помощи пожилым людям с участием волонтеров. Эта работа велась в форме групповых занятий, на которых обсуждались вопросы здорового образа жизни. И, наконец, третий курс был направлен на развитие компьютерной грамотности. Помимо новых знаний в этой сфере, обучение отразилось на улучшении когнитивных функций — памяти, внимании, мышлении. Кроме Международного Мемориала и Фонда Солженицына в современной России пострадавшим от ГУЛАГа помогают Фонд Памяти, Бутовский мемориальный комплекс, Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий, Московская ассоциация жертв политических репрессий, Московский Мемориал и Музей истории ГУЛАГа. Социально-волонтерский центр Музея оказывает не только материальную, медицинскую и социальную помощь своим подопечным, но и способствует сохранению исторической памяти и фиксации устной истории ГУЛАГа.

Музей истории ГУЛАГа. История Социально- волонтерского центра

Идея создания центра помощи пожилым людям, пережившим массовые репрессии, возникла у директора Музея истории ГУЛАГа Романа Романова в 2013 году. В то время Музей запустил проект «Мой ГУЛАГ», посвященный записи видеоинтервью с людьми, прошедшими лагерь и ссылку. Героями съемок становились раскулаченные и депортированные, жертвы репрессий и их семьи, дети, родившиеся в лагере, побывавшие в детских домах «особого режима», носившие клеймо сына или дочери «врага народа».

Во время съемок первых видеоинтервью режиссеры фильмов столкнулись с тем, что многие из героев — одинокие люди пожилого возраста. В силу пережитого травматического опыта не все смогли создать семью и остро нуждались в бытовой и социальной помощи, некоторые из них становились жертвами мошенников и были не в силах противостоять несправедливости в одиночку. Так было принято решение о создании в Музее истории ГУЛАГа Социально-волонтерского центра.

Первым сотрудником Центра стала Александра Ювженко. Саша сформировала анкету волонтера и базу добровольцев, основу которой составили знакомые сотрудников Музея и съемочной группы. Из 100 человек, появившихся за первый год работы Центра, в инициативах Музея поначалу участвовали только 10. Волонтеры навещали подопечных на дому, поздравляли с праздниками, устраивали чаепития в Музее.

В 2015 году руководителем Центра стала Варвара Усаневич. Варя расширила анкету: теперь в ней можно было отметить удобный график занятости и географию передвижений волонтера, а также наиболее интересный для него способ волонтерской деятельности. Музей разместил анкету во входной зоне и на сайте — база стала пополняться.

Сейчас в месяц приходит около десяти новых заявок: одни записываются в Центр после знакомства с экспозицией, другие узнают из интернета, кому-то рассказывают друзья. Координатор Центра встречается с каждым претендентом и проводит небольшое собеседование.

В начале сотрудничества волонтеры подписывают кодекс, в котором зафиксированы основные правила и принципы работы: солидарность, добровольность, вовлеченность, безвозмездность, добросовестность, законность. Одно из условий работы заключается в том, что волонтер получает только одну задачу — пока он ее не выполнит, новая не появится. Доброволец становится лицом Музея, поэтому он всегда должен быть доброжелателен, вежлив, опрятен.

Социально-волонтерский центр курирует 125 подопечных и объединяет 890 волонтеров разного возраста, из которых 210 человек постоянно находятся на связи с Музеем. Центр старается реагировать на все просьбы подопечных и уделять внимание каждому вопросу. Волонтеры помогают людям преклонного возраста с уборкой по дому и покупкой продуктов, сопровождают в больницы и поликлиники, посещают с ними спектакли и выставки. Однажды после смерти одинокой подопечной

Социально-волонтерский центр с помощью спонсоров организовал похороны, установку памятника и уход за могилой — больше этим заниматься было некому. С тех пор Центру неоднократно приходилось повторять этот печальный опыт.

Раз в месяц для подопечных, способных выходить из дома, проводятся мероприятия в Музее истории ГУЛАГа. Гостей приглашают на концерт или просмотр фильма, после чего волонтеры устраивают для них обед. Это очень важные события для подопечных — своего рода «выход в свет», когда есть возможность пообщаться друг с другом и с волонтерами. С 2017 года по инициативе одного из волонтеров Музей организует Дни красоты, во время которых женщины могут воспользоваться услугами косметолога.

С 2016 года при участии аппарата уполномоченного по правам человека в России в Музее проходят Дни правовой помощи: профессиональные адвокаты проводят бесплатные юридические консультации для подопечных Центра. Особое внимание уделяется вопросам о льготах жертвам политических репрессий, социальной помощи репрессированным, защите жилищных и медико-социальных прав и пенсионному законодательству.

Чтобы расширить способы взаимодействия волонтера и подопечного, в Социально-волонтерском центре существует большая культурная программа. Центр сотрудничает с ведущими театрами и музеями Москвы и Московской области. Среди постоянных культурных партнеров: Театр имени А. С. Пушкина, Театр на Таганке, Театр наций, «Сатирикон», «Современник» и многие другие.

Раз в три месяца волонтеры вместе с руководителем Центра посещают достопримечательности, после чего отправляются в кафе и обсуждают свою работу, делятся впечатлениями. Общение волонтеров друг с другом важно для поддержания духа сообщества, психологической разгрузки и обмена опытом.

Кроме участия в жизни подопечных, волонтеры помогают зрителям в залах Музея во время крупных мероприятий, расшифровывают интервью для проекта «Мой ГУЛАГ», переводят тексты на иностранные языки, участвуют в издательской программе Музея, а также в комплекции и описании фондов. Так, волонтеры вместе с сотрудниками отдела хранения Музея разбирали и описывали объекты, привезенные из экспедиции в бывший лагерь «Бутугычаг» Магаданской области, где с середины 1940-х годов силами заключенных добывали урановую руду для создания первого советского ядерного оружия.

Волонтеры ежегодно участвуют в субботниках на бывших расстрельных полигонах и местах массовых захоронений жертв репрессий в Бутово и Коммунарке.

Для мотивации волонтеров Музей истории ГУЛАГа совместно с ведущими музеями Москвы разработал карту лояльности «Спутник», которая дает право бесплатного прохода на крупнейшие площадки и постоянные экспозиции Третьяковской галереи, Политехнического музея, Музея современного искусства «Гараж», Государственного исторического музея, Дарвиновского музея и других. Помимо этого, карта предоставляет бонусы партнерам программы.

Социально-волонтерский центр Музея истории ГУЛАГа дважды становился победителем конкурса «Доброволец Москвы» — в 2016 году в номинации «Культурное волонтерство», а в 2018 году в номинации «Лучший волонтерский проект». На XX Международном фестивале «Интермузей» Центр был признан «Лучшим проектом, направленным на социальное взаимодействие».

Сегодня в Центре работают три человека. В 2018 году Центр выиграл грант Мэра Москвы на реализацию проекта «Психология заботы». В рамках проекта каждый волонтер ежемесячно получал помощь профессионального психолога и навещал подопечного один раз в неделю на протяжении четырех месяцев. Во время встреч волонтеры записывали воспоминания подопечных, которые и легли в основу этой книги.

«Психология заботы»: об опыте проекта

Для того чтобы улучшить качество помощи, а также найти индивидуальный подход к волонтерам и подопечным, был разработан проект «Психология заботы».

Его суть заключается в том, что за одним подопечным закрепляется один волонтер. На протяжении четырех месяцев доброволец навещает пожилого человека каждую неделю, оказывает ему бытовую помощь, а также записывает воспоминания.

Кроме того, волонтеры в течение месяца слушают специально разработанные лекции клинического психолога. Ежемесячно проводятся групповые психотерапевтические сессии, где участники проекта могут обменяться опытом.

Чтобы воплотить проект в жизнь, весной 2018 года Социально-волонтерский центр подал заявку на Конкурс грантов Мэра Москвы, который проводит Комитет общественных связей и молодежной политики города Москвы.

10 октября 2018 года проект «Психология заботы» получил грант Мэра Москвы. Началась работа. Первым делом были организованы встречи со студентами вузов, в которых есть волонтерские движения, а также проинформированы волонтеры, которые уже взаимодействовали с Центром.

Следующим шагом стало привлечение подопечных в проект. Это было непросто: не каждый пожилой человек согласится пускать кого-то к себе домой каждую неделю. Важно подробно рассказать о проекте и его возможных положительных результатах.

О датах и времени проведения лекций и психотерапевтических сессий сообщалось в закрытой группе в Facebook, там же публиковались фотографии и видеозаписи лекций для волонтеров.

В ноябре 2018 года для 32 волонтеров начались лекции психолога Валерия Наумова. Он разработал цикл, состоявший из следующих тем: «Типология личности и характера. Возрастная психология, особенности работы с пожилыми людьми», «Психология утраты и травмы», «Особенности травматизации в историческом контексте репрессий на территории СССР», «Профессиональное выгорание; методы психогигиены для волонтера». Во время кофе-брейков у волонтеров была возможность обсудить с психологом личные ситуации, возникающие во время проекта.

После итоговой лекции было проведено собрание, на котором волонтеры выбрали себе пару из подопечных, согласившихся принимать участие в проекте. Немаловажным в выборе был территориальный признак, а также личные истории и прежние знакомства, если они уже состоялись.

Сразу же после обучения волонтеры начали посещать подопечных один раз в неделю. Особенно полезным было получение обратной связи и постоянное общение: ребята писали руководителю проекта небольшие отчеты о посещениях, присылали фотографии, а также рассказывали

о просьбах, возникавших у подопечных. Благодаря этому Центр стал больше узнавать о бытовых условиях и проблемах каждого подопечного, быстрее реагировать на их запросы.

В конце каждого месяца центр проводил психотерапевтические сессии. Психолог Валерий Наумов назначал несколько часов приема, чтобы разделить волонтеров на группы — это давало возможность создать камерную обстановку. Волонтеры знакомились между собой, рассказывали о своих визитах, делились радостями и сложностями: что делать, если подопечный постоянно старается угостить едой или чрезмерно опекает? Как быть с различиями в мировоззрении? Были рассказаны и забавные случаи.

С каждой психотерапевтической сессией ребята чувствовали, что они не одни, находили ответы на свои вопросы в опыте других волонтеров, а иногда и успешно разбирались с личными переживаниями.

К концу первого этапа проекта образовалось семь пар подопечных и волонтеров, которые стали настоящими друзьями и продолжают общаться между собой.

В завершение Центр провел итоговое собрание для всех участников проекта, на котором показал отчет о работе и фотографии. Волонтеры получили памятные подарки от Музея и карту волонтера «Спутник», позволяющую в течение года посещать 17 крупных музеев Москвы бесплатно. Поощрение волонтеров — важная часть любого волонтерского проекта. По итогам первого этапа Музей и Фонд Памяти признали проект «Психология заботы» успешным и открыли новый набор и начали обучение волонтеров.

Валерий Наумов: заметки психолога

Волонтерское движение и психология

Участие психолога в программе, реализуемой в рамках волонтерского движения, — явление достаточно новое для нашей страны. Психологическая поддержка волонтерства имеет более сложившуюся историю за рубежом, где специалисты в области психологии и психотерапии участвуют как на стадии обучения волонтеров, так и на этапах реализации различных волонтерских программ. Причины для этого очевидны: некоторое погружение в нюансы такой работы как на стадии подготовки, так и в процессе работы позволяет избежать неожиданностей, риска травматизации и выгорания. Менеджеры волонтерских команд также учатся замечать сигналы, свидетельствующие о травматизации команды, использовать методы ее преодоления и понимать, когда просить о помощи.

Однако если отечественное волонтерское движение неуклонно развивается в самом широком смысле, психологические компоненты еще далеко не всегда вписываются в культуру волонтерства. Да и практическая психология еще не всегда успевает за нарабатываемыми исследованиями и методиками поддержки. При этом многомерная картина целого ряда важнейших аспектов психологии человека, раскрывающаяся в рамках, например, такого замечательного проекта, как «Психология заботы», заинтересовала бы любого профессионального психолога. Связь поколений и трансгенерационная передача травмы, особенности психологии преклонного возраста, психические механизмы совладания с утратой и травматизацией, особенности организации личности и характера человека, увлеченного волонтерским движением, формы психологической поддержки, требующейся для более безопасной работы волонтера, — пылкий психолог-исследователь и неутомимый практик в области психологии найдет в этом проекте все это и многое, многое другое. Таким образом, не только психология может помочь в реализации такого проекта, но и сам проект — подарок для современной отечественной практической психологии, которая постепенно находит все новые области, где она может быть востребована.

Такое взаимно обогащающее переплетение волонтерского движения и психологии может быть для нашей сегодняшней реальности роскошью. Со временем это становится более доступно, но пока далеко не везде, наверняка не в большинстве волонтерских проектов. Как и в других аспектах опыта Государственного музея истории ГУЛАГа, в части такого взаимодействия социально-волонтерским центром накоплен определенный опыт, которым лидеры проекта всегда готовы делиться. Насколько психологическая поддержка окажется доступной, зависит от многих факторов. Однако при всей ее очевидной полезности не психология как наука и не психотерапия как ремесло определяют успешность и ценность проекта для подопечных и волонтеров. Смыслообразующим центром всего является коллективная личностная зрелость и готовность команды волонтеров осуществлять такую работу.

«Дороги, которые мы выбираем»: что ищет и находит для себя каждый участник проекта «Психология заботы»?

Только на первый взгляд удивительно, насколько разными могут быть волонтеры. Казалось бы, идеология помощи нуждающимся, внимание к определенной категории подопечных — жертвам политических репрессий, находящимся в преклонном возрасте, — должны объединять какую-то предсказуемо определенную группу единомышленников. Ожидаемо, что участием в проекте могут заинтересоваться историки и культурологи, начинающие или состоявшие литераторы и журналисты. Однако опыт работы в проекте показывает, что в действительности проект объединяет людей с самыми разными интересами и судьбами. «Есть ли какой-то определенный профиль волонтера проекта “Психология заботы”, соответствую ли я этому профилю?» — это вопрос, который могут задавать себе те, кто размышляет об участии в проекте или подобном начинании в любом другом городе. Оказывается, что не соответствовать невозможно: команду составляют люди самых разных возрастов, рода занятий, мнений и убеждений. Наверное, в этом есть и свой, не сразу бросающийся в глаза, дополнительный ресурс, который придает этому проекту ценности и жизнеспособности. Именно индивидуальность каждого, некоторая непохожесть друг на друга, оказывается фактором, который сближает команду. Наверное, в этом гораздо больше логики, чем можно было бы ожидать. Молодые делятся современным взглядом на мир и общество, зрелые — богатым жизненным опытом. И впечатления, и переживания от работы с подопечными во многом зависят от личной истории волонтера, но во многом и разделяемы всеми, независимо от принадлежности к определенному поколению. Невероятно интересными становятся обсуждения в группах! Если кто-то отваживается говорить о трудностях, с которыми сталкивается во время работы, другие участники с облегчением обнаруживают похожие переживания и охотно делятся собственным опытом взаимодействия с подопечными, какими-то находками, позволившими им преодолеть свои сложности. Частые переживания на тему, как именно говорить с подопечными, что говорить, собственная стеснительность — все это уходит уже после первых двух-трех встреч с подопечным, придавая волонтеру совершенную уверенность в себе и своей ценности. Быстро становится очевидным, что полезность волонтера не в отсутствии стеснительности, не в каких-то особых словах, которые «нужно обязательно найти», а в том самом обычном человеческом присутствии в жизни человека с трудной, но такой содержательной историей.

Многие волонтеры именно с приходом в проект могут найти то, чего им не хватает: друзей, единомышленников, собеседников, человека, который в них нуждается, наконец. Поэтому вопрос «Почему я стал волонтером?» не так однозначен. Быть полезным другим — важная составляющая ощущения собственной значимости, самоуважения, чувства удовлетворения от своей деятельности. Вместе с тем каждый волонтер находит и что-то, в чем сам нуждается: в более широком и объективном понимании истории своей страны и своего народа, в смелом взгляде на свое собственное будущее и итоги своей жизни, что-то смыслообразующее в каждом проживаемом дне. Такое сообщество, в котором реализуются и свобода мышления, и свобода общения, и разница мнений без присущего этому явлению напряжения, найти удается достаточно редко. «Психология заботы» предоставляет такую возможность любому, как и возможность создать похожую команду

единомышленников там, где объединиться в единый организм неравнодушным людям из разных слоев общества и разных поколений почти невозможно.

Кто Я?

Счастлив тот, кто может без труда ответить на этот вопрос. Формирование уверенного представления о самом себе происходит всю жизнь, дополняется новыми смыслами, не терпит тайн и неизвестности. И один из важнейших факторов — это понимание себя как представителя нового поколения, которое унаследовало опыт, трудности, боль, достижения поколений предшествующих. Без преемственности поколений не может сложиться полноценное представление о себе, и притвориться, что в каждом из нас нет пустоты, связанной с незнанием жизнеописания наших предков, невозможно. Знание о ранах, стыде, боли наших предшественников не страшно — страшно незнание. Большое число психологических трудностей, с которыми может столкнуться человек, вообще связано с защитной попыткой «не знать». Если очень упрощать, с этим связан и феномен трансгенерационной передачи травмы, унаследования последующими поколениями механизмов, как будто и позволяющих жить, изолируя в своем внутреннем мире и игнорируя какие-то пустоты. Но тайна о таких пустотах сохраняется в каждом новом поколении, становясь все более и более значительной, крадущей свободу мышления, чувств, самореализации во всех смыслах этого слова. Часто бывает, что человек страдает от мысли «со мной что-то не так». Причиной же для этого вполне может быть переживаемая с детства невозможность опереться на достоверное знание чего-то очень важного о своих родителях, дедушках и бабушках, прадедушках и прабабушках. «Психология заботы» открывает волонтерам возможность узнавать, думать, осмысливать опыт предыдущих поколений, и, как ни парадоксально, в равной степени для потомков репрессированных и потомков тех, кто осуществлял репрессии. Было бы ошибкой думать, что пострадали только те, кто был неза заслуженно обвинен. Незаживающие раны образовались и у тех, кто был «на другой стороне», и это такая же травма для души, и она так же не будет давать покоя потомкам. Соприкосновение с этой историей, смелое ее исследование оказывают неоценимое влияние на собственное душевное благополучие. В конце концов, здоровая завершенность картины мира включает все цвета. Попытка «не сталкиваться» с какой-то частью реальности, прошлого, настоящего, «не увидеть» или «побороть» то, что не нравится, ведет к ошибкам в понимании самого себя. Велик соблазн присвоить знаки «плюс» или «минус» событиям прошлого и отрицать минусы, однако отрицание части прошлого неизбежно ведет к искажению настоящего. Проект «Психология заботы» в том числе и способ написать свою картину мира без смысловых ограничений и искажений.

Возможно, и этот аспект работы волонтера в проекте «Психология заботы» делает свой вклад в то, какими становятся волонтеры к окончанию работы в проекте. Их суждения становятся более сложными, возникает впечатление, что они даже говорят медленнее, с постоянным взглядом внутрь себя и смелостью задавать себе вопросы, на которые они пока могут и не знать ответа. Это означает, что, став поддержкой для другого, человек и свои тайные душевные «пустоты» смог наполнить жизнью во всех ее проявлениях.

О смысле жизни

В этом заголовке заключена ирония, смысл жизни — неисчерпаемая и, наверное, не до конца постижимая тема, столь же древняя, сколь древним может являться человеческое сознание. Наверное, серьезнее было бы сказать о «еще одном смысле жизни», который обнаруживается каждым волонтером и которому каждый волонтер дает свое собственное название. Страх своего старения зачастую заставляет нас отворачиваться даже от родных нам стариков. Но страх определяет ограничения, тогда как преодоление страха определяет свободу. Осмысление жизни человека, находящегося в преклонном возрасте, могло бы столкнуть нас с тем, чего мы боимся: с отчаянием и одиночеством. В действительности же очень приятно слышать, когда волонтеры говорят о том, насколько содержательным, насыщенным, самодостаточным предстает перед ними бытие их подопечных. И уже не столь удивительным становится «неожиданный» феномен: притом что подопечные нуждаются в нашей поддержке, они же являются для нас примером неукротимой способности человека преодолевать даже самые тяжелые события в своей жизни или жизни своих близких, сохраняя и зачастую преумножая силу своего характера для самоопределения, самореализации, профессиональной и личностной. Такое обнаружение помогает и волонтеру в его или ее непростых вопросах собственного будущего.

Существует и еще один немаловажный аспект в жизни каждого думающего человека: попытки с течением времени снова и снова задавать себе вопрос, насколько наша жизнь наполнена смыслом. С этим часто сопряжены и так называемые возрастные кризисы, когда мы не обнаруживаем, в какую область мы могли бы вложить свою душу и время. Профессиональная реализация, образование нам помогают лишь отчасти: к сожалению, далеко не все могут испытывать счастье посвящать свою жизнь тому делу, которое они могли бы искренне любить. Для многих из нас даже поиск такого дела в своей собственной фантазии затягивается на десятилетия. И волонтерская деятельность привлекает большое количество людей в том числе и потому, что дает каждому возможность такое дело найти. Груз ответственности за свою жизнь и за благополучие наших близких оказывается не столь тяжелым, когда мы можем снова и снова выходить из предсказуемой рутины нашего бытия и обнаруживать себя тем незаменимым человеком, которого всегда ждут наши подопечные.

Арина Коледова, Эльга Юделевна
Силина, Майя Яковлевна Боярская;
Алексей Стехов, Елена Владимировна
Маркова; Ольга Хотимская, Маргарита
Даниловна Андрющенко; Галина
Ускова, Гюльнар Аслямовна Мамлеева;
Ольга Беляева, Зинаида Платоновна
Волкова; Анна Удалова, Галина
Николаевна Герман; Мария Искрина,
Кима Алексеевна Дандурова; Галина
Мазина, Лиля Степановна Малинина;
Елена Касаткина, Александр Андреевич
Грицаюк; Светлана Савельева, Татьяна

Казимировна Анохина; Евгений Сучков,
Алексей Георгиевич Нестеренко;
Мария Титова, Елена Николаевна
Острина; Татьяна Кирюхина, Владимир
Николаевич Осипов; Анна Толстухина,
Алла Владимировна Обуховская;
Евгения Ершова, Галина Денисовна
Зацепина; Марина Власкина, Елена
Константиновна Пугаева; Ольга
Кузнецова, Ирина Александровна
Соловьева; Валерий Харламов, Ирина
Михайловна Крыжановская; Диана
Дзис, Инна Александровна Акдальдер

Арина Коледова:

«Я обрела двух близких людей, которые щедро делятся своим теплом и мудростью, крепостью духа»

Я пришла в волонтерский проект «Психология заботы» со своими «корыстными» целями психологического характера. Поначалу я даже не представляла, какую могу оказать поддержку своим подопечным, которые сами очень опекающие и в этом смысле самодостаточные люди. Я решилась на этот опыт, чтобы проникнуть в историю их детства. Так сложилось, что у меня с родителями нет близких и доверительных отношений. В семье было много отвержения и насилия, в первую очередь эмоционального, и в этой связи меня всегда волновали вопросы: почему так устроена жизнь внутри общества, семьи и как это связано?

Я выросла благодаря своим бабушкам — заботились и по-настоящему мною интересовались именно они. Однако став самостоятельной и взрослой, я заметила, что по-прежнему ощущаю себя заложницей той «тюрьмы», и родительская модель воспроизводится мною теперь уже по отношению к самой себе. Так я обнаружила острую потребность в поддержке, доверии и принятии. И, к счастью, такая возможность пришла в мою жизнь.

Я наконец нашла ответ на давно мучивший меня вопрос — стало очевидным влияние травматичного прошлого на жизнь уже взрослой личности. Это повсеместное притеснение из поколения в поколение, а в особенно отчаянные времена истребление инакомыслящих, перешло в подсознательный, животный страх высунуться и заплатить жизнью за правду. Страх думать, страх говорить. Мне видится здесь закономерность в глобальном и локальном «отмораживании» чувств и рассудка — почему у нас столько разных «отношений» к прошлому и оправдания зверств — нет разрешения себе на правдивое и страшное признание и называние вещей своими именами, такая игра в прятки под громкие лозунги.

Участие в проекте позволило мне узнать из первых уст, как мои подо-

печные — Майя Яколевна Боярская и Эльга Юделевна Силина, — имея в детстве и юности столько ограничений в правах и возможностях, все же смогли стать и остаются по сей день активными и счастливыми людьми. При всех сложностях, при всем чудовищном страхе, который и сегодня до конца не ушел, они остались чуткими, человечными и здравомыслящими. Для меня это очень жизнеутверждающий и вдохновляющий пример того, как много значит опора, которая формируется из любви, заботы, радости, бескомпромиссной честной жизни — всего того, чему научили и что оставили им в наследство их отцы, преступным образом вырванные из жизни. У обеих подопечных были удивительные матери, которые через всю жизнь пронесли образ любящего и любимого мужа и отца. И я убедилась, что счастливое детство не может оборваться из-за разрыва физической связи, не может исчезнуть бесследно, даже если времени, когда все были вместе, так ничтожно мало, что почти не сохранилось в памяти. Пока есть этот образ, он питает и охраняет от подлости, трусости, лжи и насилия, поддерживая твою жизнь.

Помочь зафиксировать устные воспоминания пострадавших в годы репрессий для меня огромная

психология заботы
**аккаунт-менеджер
 в архитектурной
 компании,
 27 лет**

честь. И я благодарю за этот подарок — кроме знакомства с замечательными семьями, я обрела двух близких людей, которые щедро делятся теплом, мудростью и крепостью духа.

Первая встреча с Эльгой Юделев-ной Силиной произошла 14 декабря 2018 года, в 59-ю годовщину ее назначения на должность лекционного ассистента, начала ее научной деятельности. На тот момент ей было 87 лет, сейчас уже 88. Мы много говорим о репрессированных и их удивительном наследии — книгах.

Иногда мы меняемся ролями — Эльга Юделевна не так хорошо владеет современными средствами связи, детали и неочевидные операции уже запоминает с трудом и иногда просит меня помочь решить тот или иной вопрос, для меня совершенно пустячный. Я всегда делаю это с радостью, потому что всякий раз вижу ее неподдельное восхищение. Научила ее паре «фишечек» в обращении с техникой и интернет-серфингом — вот и мне удалось почувствовать себя хорошей учительницей. Однажды она встретила меня словами: «Пойдем, я в фейсбуке репостнула одну статью, тебе точно будет интересно».

Еще один очень дорогой мне человек — Майя Яковлевна Боярская. Она недавно отметила 94-й день рождения. Майе Яковлевне «повезло» чуть больше — ее отца арестовали, когда ей было 14 лет. Она запомнила его как эталон правдивости, мужественности, интеллигентности. По профессии Майя Яковлевна врач-ревматолог, она спасла сотни жизней. В этой хрупкой и миниатюрной женщине столько выдержки, силы и любви! История с одной ее пациенткой из Грузии — Ниной — позволила мне многое понять. Нина страдала от порока сердца, в операции ей

отказывали из-за большого риска для жизни. Майя Яковлевна проявила себя как проницательный и чуткий доктор, добилась, чтобы ее пациентку осмотрел хирург, и убедила его в необходимости оперативного вмешательства. Ниночку прооперировали, все прошло хорошо, она поправилась и уехала домой. Иногда они переписывались. Майя Яковлевна со многими пациентами поддерживала связь после их выздоровления. Позже вместе с мужем они навещали Нину в Грузии, их встречали как дорогих гостей. Ниночка вышла замуж, ждала ребенка, но жизнь ее все же оборвалась в 27 лет. Когда Майя Яковлевна рассказывала о ней, я еще не знала, чем закончится эта история, но по ее глазам я видела, как ей до сих пор горько от того, что Ниночка прожила немного. И такая пациентка у нее не единственная.

Майя Яковлевна всю свою жизнь занималась спортом, много путешествовала, ходила в походы. С мужем они объездили всю Россию и бывшие советские республики, а после его смерти она освоила Европу и побывала в Канаде. Однако у нее осталась неосуществленная мечта — Байкал. Когда я спросила, хотелось бы ей туда поехать, она ответила: «Есть стимул дожить до лета».

Мою волонтерскую историю можно назвать «Возвращение» — так же, как историко-литературное общество, которое вместе с другими «колымчанами» основала мама Эльги Юделевны — Ольга Адамова-Слиозберг. Она про отношения, про взросление в них, про раскрытие сердца и осмысление своего влияния на других, про признание ценности в близости. И это постоянное обращение заботы друг о друге — суть человеческого взаимодействия и большое счастье для меня.

«Когда брату было 10 лет, он написал маме письмо на Колыму: “Когда уж кончится твоя проклятая командировка?”»

Мои родители познакомились в Москве, мама училась в университете, а папа там преподавал. Отец, Закгейм Юдель Рувимович, родился в 1898 году в Витебске в религиозной семье, учился в еврейской школе, потом в гимназии и демонстрировал по всем предметам блестящие успехи, за исключением русского языка. Когда выехал из черты оседлости, русского он не знал. Но папа был очень способным, довольно быстро выучил язык и в 1922 году поступил в Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Отец был атеистом, но интересовался различными религиями и хорошо в них разбирался, и еще во время обучения его пригласили читать лекции по истории религий. Учась на четвертом курсе, папа начал преподавать курс по истории биологии на биологическом факультете. Он был прекрасным лектором, рассказчиком и собеседником. Не ограничивался лекциями и семинарами,

водил своих студентов на концерты и выставки, а в музеях вокруг него собирались толпы экскурсантов. Он был прирожденным педагогом и настоящим энциклопедистом.

Мамины предки имели право жить вне черты оседлости и поселились сначала в Москве, но после покушения на царя, в котором участвовал еврей, из Москвы изгнали всех евреев. Так семья Слиозберг оказалась в Самаре, где в 1902 году и родилась моя мама Ольга Львовна.

Родители поженились в 1929 году, но официально брак не регистрировали. В то время так было принято и даже поддерживалось властью. В 1930 году родился мой брат Саша, а я появилась в 1931-м. Когда я родилась, мама думала, как меня назвать. К отчеству Юделевна было непросто подобрать звучное имя. Маме очень нравилось имя Ольга, но у евреев принято не называть детей именами

Арест отца был для нас совершенно неожиданным. Его обвинили в том, что он троцкист-террорист, участвующий в заговоре против Сталина.

живых близких родственников. Она объясняла происхождение моего имени так: «Я взяла “Ольгу”, из “О” вырезала кусочек, положила поперек, и получилась Эльга». Домашние меня зовут Элла. Так и мама меня всегда звала. Фамилия Закгейм, которую я носила 25 лет, на идиш означает «семья их священо». Получается, и я из святых потомков. И среди атеистов могут быть святые, это же не чисто религиозные вещи, это облик человека высочайшей нравственности.

В 1930-е годы папа был доцентом и заместителем декана биологического факультета университета. Проводилась какая-то кадровая проверка преподавателей, в ходе которой выяснилось, что у доцента Закгейма нет научной степени. Отца вызвал директор и предупредил, что ему нужно срочно защитить диссертацию, иначе будут неприятности, вплоть до увольнения. Задача казалась почти невыполнимой: у отца было

свойство — рассказывал он блестяще, а писал очень трудно. Тогда мама предложила: давай, ты будешь мне рассказывать свою мысль, а я буду писать... И вот папа ходит по комнате, носит при этом меня, может быть, под мышкой, говорит маме какой-то тезис, она записывает. Кажется, через месяц диссертация была готова, и отец ее блестяще защитил. Эта проблема отпала. Но возникла другая — вскоре папу арестовали.

Арест отца был для нас совершенно неожиданным. Его обвинили в том, что он троцкист-террорист, участвующий в заговоре против Сталина. У них в университете действовал своего рода кружок, где обсуждали политическую ситуацию в стране. Туда входили не только студенты, но и преподаватели. Студенты не могли не интересоваться всем этим, потому что молодежь во все времена хочет все знать. Хотя папа не занимался политической работой, не был членом пар-

Совершенно явно убирали тех, кто понимал, куда все идет. Сталин боялся людей, могущих составить ему конкуренцию.

тии, его оценка ситуации, конечно, могла влиять на студентов. Они его очень любили.

В деле отца — в протоколах допроса и очной ставки — я читала о том, что во время обсуждения возможного покушения на Сталина (пока тот едет в машине) отец настаивал на том, что принципиально против терроризма. «Изучайте историю, никогда и нигде террор ничего хорошего не дал», — говорил он. Узнать, когда Сталин едет в Кремль, было проще простого. Мой отец жил на Арбате, и Сталин каждый день проезжал мимо его дома. Этих слов оказалось достаточно, чтобы обвинить его в организации покушения на вождя.

В Московском университете была истреблена почти вся профессура. Мама вспоминала, как следователь спрашивал ее об одном профессоре, а она, думая, что спасает его, отвечала: «Это блестящий ученый, гордость страны — будущий второй

Тимирязев». На что этот мальчишка, который, не знаю, когда научился читать, глядя ей в глаза, сказал: «А нам такие и нужны, нам дураки не нужны». Совершенно явно убирали тех, кто понимал, куда все идет. Сталин боялся людей, могущих составить ему конкуренцию.

6 октября 1936 года папу расстреляли, но нам сообщили приговор — «10 лет без права переписки». В 1942 году мы получили известие о том, что наш отец умер от сердечной недостаточности. Тогда всем рассылали ложные свидетельства. Все эти годы мы думали, что он где-то есть, раз «без права переписки»... Но оказалось, все кончилось еще в 1936 году. Я лишилась отца, когда мне было 4,5 года, а брату 6 лет.

Через полтора месяца после папы арестовали и маму. Бабушка, как тысячи и тысячи родственников осужденных, сутками про-

6 октября 1936 года папу расстреляли, но нам сообщили приговор — «10 лет без права переписки».

1
Каганович
Лазарь Моисеевич
(1893—1991) —
советский
государственный
хозяйственный
и партийный деятель,
входил в ближайшее
политическое
окружение
И. В. Сталина.

стаивала в очередях, чтобы хоть что-то узнать. В обвинительном заключении у мамы было написано: «Могла слышать антисоветские разговоры и не донесла», а также что она участвовала в заговоре об убийстве Кагановича¹. Почему Кагановича, никто понять не мог. Потом это обвинение убрали. Маме дали 8 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. Она отбывала срок наказания в тюрьмах на Соловках, в Казани и Суздале, в лагере на Колыме.

Из детской памяти у меня мало что осталось, но я помню, что у нас с братом было счастливое детство. Мама и папа были страстные родители, обожали нас. Когда их арестовали, мы попали к маминим родственникам. Нас любили, жалели, и поэтому, хоть мы и остались без родителей, я считала, что мы живем хорошо. Тем более долгое время мы вообще не знали, что они арестованы. Когда брату было 10 лет, он написал маме пись-

мо на Колыму: «Когда уж кончится твоя проклятая командировка?» Лагерные пункты, где заключенные валили лес, как известно, назывались «командировками»... Мама вспоминала, что они с женщинами горько смеялись, читая это письмо. Мы действительно очень долго были уверены, что наши родители в командировках. И тем более не знали, что отец погиб. Потом началась война, которая вообще все списала. Ни у кого не осталось отцов, все погибли.

Я встретилась с мамой в 1946 году, уже в 8-м классе. С той, именем которой меня столько лет воспитывали. Когда прибыл состав и она вышла из поезда, я наконец увидела ее и произнесла это слово: мама. Свое состояние я могу выразить только одним словом — «странно». Я плакала и смеялась одновременно. Странно было видеть маму и называть ее так, я не привыкла к ней и к этому обращению, нам нужно было знакомиться заново. Конечно,

Маме дали 8 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. Она отбывала срок наказания в тюрьмах на Соловках, в Казани и Суздале, в лагере на Колыме.

были и письма, и в семье много говорили о ней, но это было другое. Мама была здесь, рядом с нами, и в это было трудно поверить. Мы так привыкли ждать ее из «проклятой командировки».

Мама стала центром внимания всей семьи: несчастная, пострадавшая, любимая. Мамины родственники принимали огромное участие в нашей жизни и маминой судьбе, и никто не боялся об этом открыто говорить. Муж сестры Полины, член правительства, взял на себя ответственность за детей, хотя мог за это пострадать. Шел на большой риск, когда хлопотал за маму, ее брат Михаил Львович, главный инженер военного завода. Я видела отношение к маме и понимала, что она — самый главный для меня человек, мама — божество. Я всегда была в ее внимании — это для мамы, мама будет недовольна и т. п. Получается, она через своих родственников занималась моим воспитанием.

Маме не разрешалось жить в Москве, только за «сто первым километром». Она прописалась в Гусь-Хрустальном у хорошей женщины, которой платила за квартиру. Они договорились, что если мамой начнут интересоваться, хозяйка тут же даст знать: все-таки за 100 км в один день вернуться можно. И мама жила с нами, пряталась от каждого звонка, боялась всего. Все три года мы ждали с минуты на минуту, что за ней придут.

Мама взвалила на себя основную работу по хозяйству и нашему воспитанию. У нее были замечательные руки, она прекрасно рукодельничала. Сшила мне беленькое платьице из какой-то простыни. Пояс от этого платья, весь вышитый гладью, я отдала в Музей истории ГУЛАГа. Мама очень любила литературу, не могла жить без книг и очень страдала от того, что я мало читаю. Мы с ней много разговаривали,

В обвинительном заключении у мамы было написано: «Могла слышать антисоветские разговоры и не донесла».

2
В 1948 году начались повторные аресты бывших политических заключенных. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» и на основании решений Особого совещания при МГБ СССР бывшие заключенные («повторники») направлялись в бессрочную ссылку на поселение.

она рассказывала о своей жизни в заключении, о людях, с которыми свела ее судьба. Я была первой слушательницей ее будущей книжки. У нее оказался писательский талант, о чем она не подозревала. Мама так легко записывала свои рассказы, их и редактировать было не нужно. Первый вариант книги она сделала еще в 1946—1949 годах, когда вырвалась с Колымы. Писать о лагерях было большой смелостью, поскольку при освобождении давали подписку о неразглашении, и в любой момент маму могли арестовать повторно. Рукописи мы помещали в бутылки и закапывали на даче. Когда мама вернулась через пять лет после второго ареста, мы ничего не нашли. Но она очень легко все восстановила и дописывала книгу еще 36 лет, до конца жизни. Мама писала о лагерях, о любимом муже, не предполагая, что книга будет художественным произведением. Ей было важно объяснить своим детям, как все было.

Я никогда не скрывала того, что мои родители репрессированы. Об этом знали все, об этом с самого начала знал и мой будущий муж Володя, с которым я познакомилась в десятом классе. В 14 лет, вступая в комсомол, на школьном комитете я заявила, что мои родители — умные, талантливые люди, ни в чем не виновны и осуждены ошибочно. Я в этом была твердо убеждена. Когда окончила институт, выяснилось, что у многих была такая же биография, но никто об этом не решался говорить.

Во второй раз маму арестовали 28 августа 1949 года. Она была на даче с больной бабушкой и почти слепым дедом. Они умерли практически сразу после ее ареста, просто не вынесли горя. Маму арестовали, как и всех «повторников»², просто так, ни за что. Брали всех, выживших после 1937 года, ходили слухи, что по алфавиту. Мама на Колыме вышла замуж за Николая Адамова

Мы с мамой много разговаривали, она рассказывала о своей жизни в заключении, о людях, с которыми свела ее судьба.

и фамилию поменяла, стала Адамова. Когда начались аресты, думала, ей это поможет — не помогло. Знали все, за всеми следили. В декабре 1949 года маму приговорили к бессрочной ссылке в Караганду. Потом она вернула девичью фамилию и стала Адамова-Слиозберг.

Мы с мамой были очень близки, я с ней делилась всем на свете, в том числе делами сердечными. Когда мама была в ссылке, кто-то пустил слух, будто отец Володи — полковник КГБ. Он действительно ходил в военной форме, был майором войск связи, а работал простым бухгалтером. Никакого отношения к КГБ, конечно, не имел. Мама знала, что мы с Володей уже шесть лет дружим, все идет к свадьбе, и была в ужасе от того, что я попаду в семью к кгбешнику. И в это время, весной 1954 года, Наум Коржавин³, который не был ссылкой, а жил в Караганде по собственной воле,

поехал в Москву. И мама этому необыкновенно умному человеку поручила разузнать, что за семья Володи, а если действительно отец — кгбешник, как-то на меня повлиять. Я помню, мы ехали с ним в электричке на дачу, и он меня расспрашивал. Выяснив, что отец Володи майор связи и бухгалтер, Эмка сказал: «Да что ж они с ума сходят! Мама считает, что он полковник КГБ!» В общем, он успокоился по этому поводу и успокоил мою маму. «Женись!» — сказал своим неподражаемым тоном. Вот так мы и поженились в декабре 1954-го, когда мамина ссылка была отменена, и она смогла приехать на свадьбу. Мы прожили с мужем вместе еще 53 года, до конца его жизни.

Мама вернулась из ссылки в 52 года. У нее была пеллагра, больная печень, выпали все зубы, но в целом она была достаточно бодрой. Максимально, насколько могла, мама помогала своим уже

Штampы «дети врага народа» и «еврей» очень повлияли на нашу с братом жизнь.

3

Наум Моисеевич Коржавин (14 октября 1925, Киев — 22 июня 2018, Дарем, Северная Каролина, США) — поэт, прозаик-публицист, переводчик, драматург, мемуарист

4

Дело врачей — 1951—1953 гг. — последний сфабрикованный процесс. Ведущие врачи-профессора Лечебно-санитарного управления Кремля обвинялись в заговоре, злонамеренном лечении и даже убийстве ряда советских руководителей. После смерти Сталина дело было закрыто, врачи освобождены.

пожилым сестрам. Старалась как-то отблагодарить их за то совершенно неоценимое, что они сделали, воспитав двух ее детей.

Для прописки в Москве маме была нужна справка о реабилитации. Когда в 1956 году пришла за ней к следователю, тот показал на шкаф, где сплошь стояли папки «Дело №...», и сказал: «Там больше ста, и все это — университет. Я же не могу сразу разобраться». Мама спросила: «Много ли среди них живых?» «Ну, есть некоторые», — ответил он. «Нельзя ли с них начать? Я не имею права жить в Москве, у меня здесь дети, с которыми я столько лет была в разлуке...» Через неделю ей позвонили и сказали, что все готово и можно приходить за реабилитацией.

В 1949 году развернулась широкая кампания по борьбе с космополитизмом, на фоне которой резко усилился государственный анти-

семитизм, его вершиной стало знаменитое «Дело врачей»⁴. Целью этой кампании была депортация еврейского народа — надеялись, что евреи-«врачи-убийцы» так возмутят народ, что потребуется переместить всех их в далекий Биробиджан, чтобы спасти от неистовства толпы. Эта кампания очень повлияла на мою семью. Выросшая нас тетя была врачом и заведовала поликлиникой. От увольнения ее спасла огромная любовь пациентов поселка Нагатино, они не позволили ее уволить.

Штampы «дети врага народа» и «еврей» очень повлияли на нашу с братом жизнь. Моего чрезвычайно талантливого брата не приняли с золотой медалью в университет. Меня не приняли с золотой медалью в два пединститута — потом я узнала, что в 1949 году ни в один пединститут ни один еврей не был принят. А я с раннего детства так мечтала быть учительницей...

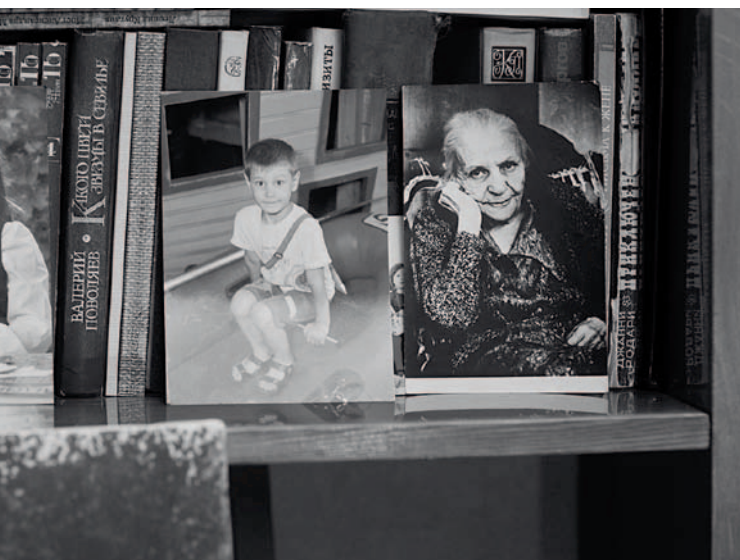

Окончив институт с красным дипломом, я оказалась без места работы. Завод, на который меня распределили, от меня отказался.

Нас с братом приняли в Химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева. Окончив институт с красным дипломом, я оказалась без места работы. Завод, на который меня распределили, от меня отказался. Я никак не могла устроиться на работу, ходила из одного места в другое, заполняла анкеты, а на следующий день мне неизменно сообщали, что вакансия уже закрыта. И так в пяти-шести местах. Мне было очень важно остаться в Москве, чтобы не лишиться квартиры: в то время должна была вернуться моя мама. Володя говорил: «Давай распишемся». Я отвечала: «Ты знаешь, Володь, твоя мама антисемитка в душе, она вообще недовольна, что я, дочь “врагов народа”, с тобой дружу — это может помешать твоей карьере. Она никогда в жизни не поверит, что я вышла замуж по любви, а не потому, что мне надо остаться в Москве. Я хочу сначала устроиться на работу, а потом мы с тобой спокойно распишемся,

это решено». В конце октября мне позвонила моя тетушка: в школе, где учился племянник, срочно требовался учитель химии. Я связалась с завучем, и на следующий день меня взяли на работу.

В 1959 году я решила поступить в аспирантуру. Все лето готовилась к экзаменам. По английскому языку и химии получила пять, а по истории партии — четыре. В сентябре мне сообщили, что я не прошла. Были приняты два человека, которые получили все пятерки — Зина Лещинская, мы вместе учились в институте, и парень по фамилии Епихин. Как-то мне позвонила Зина и сказала, что Епихин не мог получить пятерку по английскому: их распределяли по группам, и он попал в самую слабую, начального уровня. Я была довольно активная и настояла на том, чтобы ознакомиться с протоколом экзаменационной комиссии. Оказалось, что у него вместо пятерки стояла тройка. «Бывает, это ошибка,

«На прощание я хочу Вам сказать, что Вы — антисемит». Он на меня пристально посмотрел и спросил: «Почему Вы так?»»

но сделать я ничего не могу», — сказал ректор. Забирая документы, я напоследок заглянула к проректору по научной работе, аспирантура была в его ведении. «На прощание я хочу Вам сказать, что Вы — антисемит». Он на меня пристально посмотрел и спросил: «Почему Вы так?» — «Потому что я не вижу других оснований меня не принять. Я получила одну четверку и две пятерки, у меня есть тема, есть руководитель, и у вас по институту недобор. Какие же у Вас еще могут быть причины, чтобы меня не взять?» В тот год действительно был сильный недобор в аспирантуру. Проректор, видимо, очень смутился и вдруг спросил: «Пойдете лекционным ассистентом?» Это была преподавательская должность. Три года выплачивалась зарплата в размере аспирантской стипендии, шел стаж работы (аспирантам не шел). Так же назначался руководитель, так же утверждалась тема, как и положено аспирантам. Так набирали «блат-

ных» — без экзаменов и с трудовым стажем. Я согласилась и уже в декабре 1959-го стала лекционным ассистентом — впервые в жизни «по благу».

Как бы там ни было, я все же стала преподавателем, пусть и без педагогического образования. Я была хорошим учителем, могу точно сказать. Во всяком случае, мои лекции были достаточно интересные, я никогда их не читала по бумажке. Наверное, это у меня от папы — он был блестящий педагог. Если говорить о моих регалиях, я — доцент, кандидат химических наук.

Моя мама всю свою оставшуюся жизнь поддерживала связь с женщинами-колымчанками, их в Москве оказалось довольно много. Они собирались каждую неделю по 8—12 человек, разговаривали, вспоминали. На одной из таких встреч в 1989 году мы с мамой были вместе и познакоми-

Мамина книга «Путь» оказалась необыкновенно хорошей: она пережила пять изданий, много тысяч людей ее прочли.

лись с Семеном Самуиловичем Виленским⁵. Как всегда, было много воспоминаний, рассказов. Он тогда сказал маме: «Ольга Львовна, Вы так хорошо рассказываете, Вы не пробовали писать?» Мама сказала, что не только пробовала — все уже написано. Мамина рукопись давно «ходила» в самиздате. Очень многие откликались на книгу, напрашивались в гости. Никаких записывающих устройств тогда не было, но с мамой говорили часами. Однажды, еще в 1964 году, у нас дома раздался телефонный звонок: «Ольга Львовна, это говорит Маршак». Мама обомлела. Она потом передала их разговор, цитирую по памяти: «Вы написали хорошую книжку, сейчас ее не напечатают, но она будет жить. Завет старика: не давайте редактировать, у Вас замечательный язык. Вас захотят подправить и испортят хороший текст. Я сейчас болею, вот поправлюсь, и приходите в гости». Он так и не поправился, вскоре умер.

Виленский прочел мамины рукописи и понял, что должен включить их в книгу «Доднесь тяготее», составленную из воспоминаний узников ГУЛАГа, выходящую в августе 1989 года. Он сумел уговорить Баруздина — редактора журнала «Дружба народов» — напечатать журнальный вариант маминой книги в июльском номере, так как в августе уже было невозможно — после издания книги печатать в журнале нельзя.

Мамина книга «Путь»⁶ оказалась необыкновенно хорошей: она пережила пять изданий, много тысяч людей ее прочли, и огромное количество отзывов получила мама, а после ее смерти — и я. Главная оценка в отзывах: «Книга потрясает».

У мамы была удивительная старость: к ней тянулись молодые люди, появлялись новые друзья. Жизнь ее была наполнена интересом и любовью. Ее снимали

5
Семен Самуилович Виленский (13 июня 1928, Москва — 23 апреля 2016, там же) — бывший заключенный, советский диссидент, поэт, мемуарист и издатель. Основатель и глава историко-литературного общества «Возвращение» и журнала узников тоталитарных систем «Воля».

6
Адамова-Слиозберг О. Путь. М.: Возвращение, 1993, 2002, 2009, 2015; АСТ, 2018. Воспоминания о двадцати годах жизни от ареста до реабилитации.

Моя жизнь на старости лет оказалась насыщенной, востребованной и полезной.

7
Региональная благотворительная организация Московское историко-литературное общество «Возвращение» объединяет бывших узников ГУЛАГа и их единомышленников. Издает и распространяет книги о ГУЛАГе.

в фильме «Власть Соловецкая», художники рисовали портреты, писали о ней статьи. Мама не дожила полгода до девяноста лет, до самого конца ее голова оставалась абсолютно ясной.

Моя жизнь на старости лет оказалась насыщенной, востребованной и полезной. Я одно из главных действующих лиц в обществе «Возвращение»⁷. Я продаю наши книги о ГУЛАГе — это воспоминания переживших от первого лица, документы, художественные произведения. Я рассказываю покупателям об этих книгах, часто встречаю полное незнание вопроса и даже встречаюсь с восхвалением Сталина. Меня приглашают выступать в школы, в музеи, на собрания, меня благодарят — что может быть лучше, когда тебе почти 88 лет. И все это дала мне моя мама. Несколько раз я бывала на Соловках от общества «Мемориал». На встречах с местными

жителями я рассказывала о маме, прочла посвященное мне стихотворение мамы, написанное на Соловках. Встречали нас очень тепло, женщины плакали. Я подарила Соловецкому музею мамину книгу, в музее висит мамин портрет.

Ты цвела, золотой мой лютик,
Как цветок на стройном стебле.
Про тебя говорили люди,
Что легко ты пройдешь по земле.

Я легко тебя родила,
И вскормила тебя без труда.
От того тебя и любила
Я легкой любовью тогда.

Но полмира легло между нами,
И приходишь ты только во сне.
Голубыми большими глазами
Ты светло улыбаешься мне.

И походкою быстрой и легкой —
Это снится мне каждую ночь —
Темно-русой кивнув головкой,
Беззаботно уходишь прочь.

Что бы я сказала Сталину? Мне нечего ему сказать. Разговаривать с ним бессмысленно.

Нету голоса, нету силы,
Воротить тебя, удержать...
Вот теперь тебя полюбила
Настоящей любовью мать.

Что бы я сказала Сталину? Мне нечего ему сказать. Разговаривать с ним бессмысленно. Хватало людей, которые могли с ним говорить, ему бесконечно писали письма из лагерей, тюрем, ото- всюду, не может быть, чтобы он не знал, что творится. Я видела его подписи под расстрельными списками. Он — палач своего народа. Для меня он был не человек — какое-то высшее существо. Нормальный человек таким быть не может. Он сумел заразить, вернее, поразить страхом много- миллионную страну. Какая-то в нем была дикая сила. Он — гений зла. Нет, я бы не хотела разговаривать со Сталиным.

«Есть ли какой-то определенный профиль волонтера проекта “Психология заботы”, соответствую ли я этому профилю?» — это вопрос, который могут задавать себе те, кто размышляет об участии в проекте. Оказывается, что не соответствовать невозможно: команду составляют люди самых разных возрастов, рода занятий, мнений и убеждений. Наверное, в этом есть и свой, не сразу бросающийся в глаза, дополнительный ресурс, который придает этому проекту ценности и жизнеспособности. Именно индивидуальность каждого, некоторая непохожесть друг на друга, оказывается фактором, который сближает команду. Наверное, в этом гораздо больше логики, чем можно было бы ожидать. Молодые делятся современным взглядом на мир и общество, зрелые — богатым жизненным опытом.

В. Наумов.

Заметки психолога

«Вы можете гордиться своим отцом»

Я родилась в очень счастливой семье. Мои родители были прекрасными людьми — порядочными, умными, интеллигентными, очень любящими. Папа, Яков Иосифович Боярский, был двоюродным братом маминной мамы, моей бабушки, так что родители познакомились по родственной линии. Папа сразу влюбился и всю жизнь ее обожал, мама была действительно очень привлекательной, начитанной, прекрасно играла на рояле. И он был мужчина интересный — остроумный, общительный. Папа вообще был очень талантливым человеком. С молодых лет занимался общественной работой, это увлечение прошло через всю его жизнь. Постоянно помогал людям, умел их организовывать, к тому же был блестящим оратором. Благодаря этим качествам отца часто направляли на работу в разные города. Он был председателем губкома в городе

Кимры Тверской губернии, заведующим отделом агитации и пропаганды, председателем Смоленского губернского Совета профсоюзов. Вскоре после моего рождения его направили в Кызыл-орду (Казахстан). Оттуда он написал мне первое письмо, мне был всего месяц от роду. В 1929 году папа руководил ЦК профсоюза работников искусств, и ему дали в Москве квартиру на Русаковской улице. По сравнению с нашей предыдущей коммунальной квартирой на Волхонке это была роскошь — со всеми удобствами, ванна, газ. В этой квартире мы жили до 1938 года. Это был почти загородный район, рабочий. Мама организовала при домоуправлении что-то вроде образовательных курсов — учила неграмотных женщин читать и писать. Она всегда была занята общественно-полезными делами, состояла в школьном родительском комитете, организовывала папины лекции по искусству.

психология заботы
Майя Яковлевна
Боярская

«Вы извините, но Якова Иосифовича арестовали. Собирайте вещи, я подготавливаю вам транспорт до Москвы».

1
Молотов (Скрябин)
Вячеслав
Михайлович
(1890—1986) —
один из высших
руководителей
партии и государства.
Входил в ближайшее
окружение
Сталина; один
из организаторов
массовых репрессий
1930-х — начала
1950-х гг.

В 1935 году отца назначили заместителем председателя Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. От ЦК партии комитет курировал Молотов¹, очень жестоко расправлявшийся с деятелями культуры. Папе приходилось плотно иметь с ним дело, что терпеть было невозможно, и он искал любую возможность сменить работу. Когда в 1937 году освободилась должность директора Московского художественного театра, папа буквально «выплакал» себе это место. С Немировичем-Данченко он был хорошо знаком, и его «легко» назначили на эту должность. Надо сказать, что директора театра, папиного предшественника М. П. Аркадьева, арестовали. Время было тревожное, людей хватили тут и там, и отец очень напряженно его проживал. Очень нервничал, если видел подъезжающую к дому машину «Хлеб» или «Молоко» — было ясно, что прибыли

за кем-то. Так что произошедшее с нашей семьей 5 июля 1939 года, конечно, было ударом, но постепенно нарастающим.

МХАТ гастролировал по Украине, и режиссеры Харьковского театра упростили отца после окончания гастролей приехать к ним прочесть ряд докладов. Вернувшись в Москву, папа отправил нас в дом отдыха Художественного театра и сказал, что уедет на несколько дней, а затем — сразу к нам: «Так что вы отдыхайте и ждите меня». Прошли обещанные дни, папы не было. А он был очень пунктуальный человек во всем. Мы начали волноваться: что случилось?

...Отец сделал доклады и вернулся в Москву. В то время мы жили на углу улицы Горького и Камергерского переулка. У нас была домработница Дуся, папа попросил ее собрать его вещи, пока он

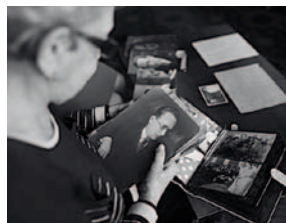
Папу обвиняли в том, что он «франко-английский шпион», притом что он ни одного иностранного языка не знал.

зайдет в театр и даст необходимые распоряжения.

В нашем доме был лифтер, в тот день дежурила женщина. В летнее время в проеме подъездной двери обычно ставили табуретку, чтобы было не так жарко. Это позволило ей все услышать и увидеть — на обратном пути из театра в арке отцу преградили дорогу двое мужчин: «Боярский, идемте с нами». Папа сказал: «Товарищи, вы, наверное, ошиблись», на что получил ответ: «Мы никогда не ошибаемся». Его посадили в машину и увезли.

А в это время мы в полном неведении находились в доме отдыха. Вечером к нам зашел директор дома отдыха и сказал: «Вы извините, но Якова Иосифовича арестовали. Собирайте вещи, я подготовлю вам транспорт до Москвы». Мы приехали домой уже довольно поздно. Лифтерша нам все рассказала.

Минут через 20 после того, как мы поднялись в квартиру, раздался звонок в дверь — пришли с обыском. Ковырялись у нас до самого утра. Что искали, непонятно, перерыли все что можно, только мою комнату не тронули. Искали даже в маминной пудренице — поднимали пуховку и заглядывали. Когда закончили, заявили, что опечатают две комнаты. У нас была трехкомнатная квартира, и нас хотели оставить в детской, но мама не растерялась и сказала, что я учусь в музыкальной школе, и рояль в моей комнате не поместится, комната была не больше 8 метров. Хорошо, что попался приличный человек и разрешил нам остаться в столовой, где стоял рояль. Моя и папина комнаты были смежные, там осталась вся его роскошная библиотека, нам ничего не позволили взять. Мне было разрешено забрать только мои книги и письменный стол. Комнаты

Раздался звонок в дверь — пришли с обыском. Что искали, непонятно, перерыли все что можно, только мою комнату не тронули.

2
Расстрельные списки — досудебные перечни лиц, подлежащих осуждению Военной коллегией Верховного суда СССР к разным мерам наказания, предварительно утверждавшиеся Сталиным и другими членами Политбюро.

3
Общая могила № 1. Захоронение невоинственных прахов с 1930 по 1942 год на кладбище московского крематория у Донского монастыря. По решению Политбюро от 17 января 1940 года № II 11/208, было расстреляно 346 человек. Их тела были кремированы, и прах смешан с прахом других убитых.

опечатали и ушли. На этом жизнь кончилась.

Папу обвиняли в том, что он «франко-английский шпион», притом что он ни одного иностранного языка не знал. Я папино дело не читала. Знаю, что многие, читавшие следственные дела, получали инфаркты и инсульты. Когда я обращалась за реабилитацией в 1956 году в ЦК партии, со мной беседовал инструктор. Перед ним лежала толстая папка — папино дело, он при мне его листал и только пожимал плечами. Когда закончил, сказал: «Вы можете гордиться своим отцом». Я поняла: это значит, что он ни на кого не «настучал», не оговорил, никого не «подсадил». У меня есть «расстрельные» списки², и позже я узнала, что папа захоронен на Донском кладбище³. 2 февраля 1940 года были расстреляны Боярский, Мейерхольд и Кольцов, был такой извест-

ный журналист, который прошел всю испанскую войну.

После ареста папы мы стали семьей «врага народа». И сразу бывшие друзья исчезли с нашего горизонта. А первый, кто к нам пришел, была Анастасия Платоновна Зуева, народная артистка. Человек, с которым до этого никакой дружбы не было. «Вы как, в порядке? Может быть, вам нужны деньги?» Потом, конечно, мы стали большими друзьями до самого последнего дня.

У нас не было ни дач, ни машин, никаких сбережений. Мама с папой были очень общительными людьми, часто устраивали приемы, дома всегда было много гостей — нашу квартиру даже называли «однодневный дом отдыха». Мама прекрасно готовила и всегда мастерила роскошное угощение. Приемы были большие, и порой бывало так, что не хватало

После ареста папы мы стали семьей «врага народа».

денег, чтобы накрыть стол как полагается, маме приходилось брать деньги в долг до зарплаты у соседей. Мы жили скромненько. У меня всегда было одно платье. Я в нем ходила в школу, формы еще не было.

Нам всегда очень везло на людей. Во-первых, директор моей школы, которому стало известно о нашей беде, устроил маму школьным библиотекарем. Хоть бы кто-нибудь в классе в мой адрес когда-нибудь что-нибудь сказал, как будто ничего не произошло. Кроме того, в нашем классе я была единственная еврейка. Никто из ребят не перестал со мной дружить. Все продолжали общаться, как ни в чем не бывало, приходиться в гости. Эта школьная компания друзей прошла со мной через всю жизнь.

Меня даже в комсомол приняли через год после ареста отца. Сейчас я думаю, с ума они сошли,

что ли? Я была общественницей, первой ученицей школы, у меня было много грамот. Ну как же иначе, у такого папы. Занималась в кружках — физкультурном, литературно-драматическом. Я была сверх-активная и верила, что комсомол — это отдельно и не имеет отношения к системе. Я была очень наивной.

За десять дней до начала войны мама отправила меня на каникулы в Минск к родственникам. Впервые в жизни я ехала куда-то одна. Провожала меня мама с компанией моих друзей. Рассказывали, когда они вечером вернулись домой, взошла какая-то особенная яркая луна, огромная. Мама посмотрела на нее и сказала: «А ведь это к войне...»

У родственников под Минском была дача, буквально в 10 километрах от города. Как-то возвра-

Взошла какая-то особенно яркая луна, огромная. Мама посмотрела на нее и сказала: «А ведь это к войне».

щаясь с прогулки, я услышала заливистый смех — мне навстречу шли знакомые актеры Художественного театра, в том числе и Анастасия Зуева. Оказалось, что театр в Минске на гастролях. Мне немедленно выдали адрес гостиницы, чтобы я могла прийти в гости. Той же ночью под утро я проснулась от грохота. Даже встала, чтобы закрыть окно, думала — дождь, гроза. Выглянула — небо чистое, никакого дождя. Ничего не понятно. А в 6 утра мы включили радио и услышали, что началась война. Мама прислала Зуевой телеграмму, чтобы та взяла меня с собой, когда театр будут эвакуировать. Я быстро собиралась и в суете забыла свою метрику, оставила ее на буфете. Зато комсомольский билет у меня был всегда в кармане... Минск бомбили уже квартал за кварталом. Я кое-как добралась до гостиницы, и до вечера мы сидели в гостиничном подвале.

По железной дороге в Москву добраться было уже невозможно, потому как вокзалы уже бомбили. Театру дали грузовик, сказали, что доведут до города Борисов, а дальше мы отправимся поездом. Чемоданы велели оставить в гостинице, чтобы не занимать места в машине. А мама, собирая меня к родственникам, положила в чемодан лучшее, чтобы они не думали, что я нуждаюсь. И вот так, оставшись в летнем пальто, с комсомольским билетом в кармане, я отправилась в Москву. В Борисове стало понятно, что и оттуда поездом нам не уехать. Нам выделили автобус, но все туда не поместились, и нас разделили на две партии — часть ехала, часть шла пешком. В лесах вдоль шоссе мы прятались от бомбежек. Я «отпраздновала» свое 16-летие в этих лесах. Помню, шла и думала: сейчас бы в Москве с друзьями собрались, поговорили.... Иду, грущу, слезу пустила. А одна

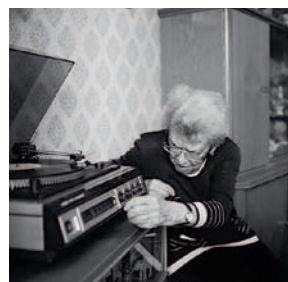
У меня есть «расстрельные» списки, и позже я узнала, что папа захоронен на Донском кладбище.

актриса, увидев это и узнав, почему я плачу, купила в деревне яйцо и «торжественно» вручила мне подарок.

Ни в Орше, ни в Смоленске пересеть на поезд было невозможно, постоянно бомбили вокзалы. Наконец, на седьмой день, мы добрались до Можайска, а оттуда электричкой до Москвы, где на вокзале меня встречала измученная переживаниями мама.

К осени оставаться в Москве стало опасно, был организован интернат в Рязанской области, в селе Ерахтур, для детей из московских школ. Маме предложили быть воспитателем, а мне — вожатой. Нам вручили 28 девочек с 1-го по 8-й класс. Расселили нас по избам у местных жителей. Мы и учились, и нянчили, и делали уроки, и обучались военному делу — мы же комсомольцы, должны быть готовы

к обороне. Еще и хозяйством занимались, ближе к зиме дрова заготавливали, лес валили. Я всегда много читала и на ночь рассказывала девочкам книги — Майн Рида, Конан Дойля и прочих. Мальчишки очень завидовали, что у девчонок такая вожатая. Вскоре немцы высадили десант недалеко от тех мест, и наш интернат «погрузили» на пароходик и отправили вниз по Волге, в Саратовскую область, в заброшенное село поволжских немцев — Брунненталь. Их оттуда выселили стремительно, остался скот, собаки, чистенькие пустые домики, неубранный урожай. Мы его собирали, уже замерзший, и этим кормились. Все это время мы не знали, где находится мой брат Иосиф, и неожиданно получили от него письмо, где он сообщал, что его эвакуировали в Уральск с летной школой в качестве преподавателя. К тому времени многих детей родители забрали, и директор смог отпустить нас к брату.

Когда я окончила школу и захотела поступать в университет, до меня наконец дошло, что я с клеймом «дочь врага народа» на всю жизнь.

В декабре 1942-го мы перебрались с мамой в Уральск, а в октябре 1943-го вернулись в Москву, и я пошла в 10-й класс. Когда я окончила школу и захотела поступать в университет, до меня наконец дошло, что я с клеймом «дочь врага народа» на всю жизнь. Я получила аттестат с золотой каемочкой (золотые медали ввели на следующий год). Он давал мне право без экзаменов поступить в институт. Мечтала об искусствоведении, а это МГУ. В университет «детей врагов народа» не принимали. Кончилось тем, что я пошла в Первый медицинский институт на лечебный факультет. Туда брали.

Вспоминаю День Победы... Я тогда училась на первом курсе. Радио в квартире не было, после ареста папы все конфисковали. Но мы жили на улице Горького, и все «новости» происходили под нашими окнами, никакого радио не нужно. Толпы людей,

крики «ура». Мы понеслись на Красную площадь, все радовались, шумели, какого-то летчика качали на руках.

После окончания института нас распределяли на периферию, где мы должны были работать три года. Я осталась в Москве, так как у меня был грудной ребенок. Работу по распределению мне не предоставили. Мамина подруга позвонила папиному знакомому — Микитинскому, он заведовал райздравотделом у Савеловского вокзала. С Микитинским я была также знакома, он раньше был главврачом санатория в Кисловодске, где мы с папой часто бывали. «Ну как же, помню. В память о Якове Иосифовиче я сделаю все, что в моих силах». Все последние курсы я очень интересовалась болезнями сердца, мечтала быть кардиологом, о чем и поведала ему при встрече. Он мне сказал: «Ты знаешь, с этим

Папа так меня воспитывал — казенное нельзя.

плохо. У меня есть детская инфекционная больница. Там врачи возраста твоей мамы. Ты будешь единственный молодой кадр. Они тебя всему научат. Это для тебя наилучший вариант». Я согласилась. И действительно, я была единственной «молодой кадрой» и многому научилась. Проработала там недолго, потому что больницу закрыли на ремонт, и меня, практически девчонку, назначили заведовать яслями дизентерийных хроников. Я была единственным врачом, работающим в таком закрытом лечебном учреждении, который питался не из больничного котла, а все приносил из дома. Папа так меня воспитывал — казенное нельзя. В какой-то момент я почувствовала, что там подворовывают — то ли в пищеблоке, то ли возницы. Я понимала, что-то нечисто, но ничего сделать не могла. Я пришла к главврачу и сказала: «Освободите меня. Я не могу работать в учреждении, где

я не доверяю». И расплакалась. Меня освободили — перевели в поликлинику участковым педиатром. Годы были послевоенные, голодные. Иногда после окончания приема под кушеткой я находила «подарочки» от матерей. Кто-то кусочек мыла оставлял в благодарность, какую-то еду. Через пару лет я вымолила себе возможность «заниматься сердцами» — меня отправили на стажировку, и вернулась я уже ревматологом. В 1964 году меня переманили в детский ревматический санаторий, по сути — стационар и очень солидный. Мы работали совместно с ведущими профильными институтами, готовили пациентов к операциям на сердце, принимали на послеоперационную реабилитацию. Котировались очень высоко и этим себя погубили. Нас как удивительное учреждение, которое занималось не только лечением, но и диагностикой, «на минуточку» прикрыли

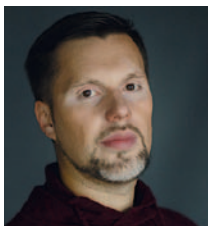

И я по-прежнему возмущаюсь,
когда говорят неправду.
Такой выросла, так и живу.

в 1980 году. Потом я еще немно-
го поработала в поликлинике
и в 1987-м ушла на пенсию.

Я сейчас живу в том районе,
где когда-то работала. И вот я
иногда хожу и думаю: вдруг это
мои пациенты? Но они сейчас
уже совсем старенькие,
ну а мне-то уже 93. Говорят,
с годами мой разум крепнет.
Я всю жизнь живу по режиму,
всегда занималась спортом,
с детства — большим теннисом,
в старости — настольным,
а еще я люблю бильярд.
В двенадцать лет взрослых
обыгрывала. Сейчас как ненор-
мальная смотрю международные
соревнования. Меня пока все
интересует. И я по-прежнему
возмущаюсь, когда говорят
неправду. Такой выросла,
так и живу. А жизнь у меня была
очень сложная и очень интересная.

Алексей Стехов:

«Чтобы осталась память — такой рефрен был у наших встреч»

С проектом Музея истории ГУЛАГа «Психология заботы» я познакомился случайно, увидел объявление в социальной сети о наборе волонтеров. Первым делом обратил внимание на слово «психология». За семь лет психология из разряда интересов переросла в профессиональную деятельность. Я работал с маленькими детьми, школьниками, родителями, но никогда не встречался с людьми пожилого возраста, и мне захотелось расширить опыт.

Мне кажется, в нашей стране нет семьи, которой бы не коснулись преступления советского режима: кто-то был по одну сторону, кто-то по другую. Вопрос лишь в знании или незнании этих фактов. В моей семье о репрессиях не говорили, как если бы они прошли мимо. А может, не хотели ворошить прошлое. Это незнание или молчание стало второй причиной моего участия в проекте. Встретиться с живым свидетелем эпохи, услышать голос человека, пережившего репрессии и сохранившего достоинство, дорогого стоит.

Моя подопечная (неподходящее слово для моей героини) — Елена Владимировна Маркова, человек жизнелюбивый, мужественный и стойкий. Представить только, что ей пришлось пережить: арест и расстрел отца, жизнь с клеймом «дочь врага народа», война, оккупация, обвинение в измене родине, приговор — 15 лет каторжных работ с последующим поражением в правах. Елена Владимировна говорила, что у каждого узника в лагере была своя наиболее чувствительная болевая точка. У нее самой это мама и университет. Она очень хотела учиться на мехмате Ленинградского университета, но война, лагерь и ссылка разрушили мечты. Удивительно, как после всех поистине чудовищных событий, пережитого запредельного стресса Елена Владимировна сохранила

свою личность и нашла силы жить. Сделала то, на что человек не всегда находит ресурсы и в благополучной жизни.

На первую встречу с Еленой Владимировной я шел неподготовленным, по сути, ничего о ней не зная. Имел только адрес и задание записать воспоминания бывшей узницы ГУЛАГа. Конечно, был готов помочь в любых бытовых вопросах. Меня встретила ее помощница и проводила в комнату. Я слышал, как она сказала: «Елена Владимировна, к вам пришел волонтер Алексей Викторович и ожидает в кабинете». Комнату с книжными шкафами, столом и креслами Елена Владимировна называет кабинетом. Через несколько минут въехала коляска, на которой восседала, по-другому и не скажешь, красивая пожилая женщина. В этом году ей исполнилось 96 лет.

Елена Владимировна меня потрясла: воркутинская каторжанка, доктор технических наук и мемуарист с феноменальной памятью, живой и стройной речью. Мне показали ее книги: «Воркутинские заметки каторжанки “Е-105”», «Жили-были в XX веке». Это не единственные, но самые автобиографичные работы Елены Владимировны, хотя в них нет детального описания собственной жизни. Автор выбрала позицию наблюдателя истории, чтобы «главное внимание уделить людям, событиям и явлениям,

1
Маркова Е. В.
Жили-были
в XX веке.
Сыктывкар, 2006.
С. 9.

с которыми пришлось столкнуться во время пребывания в запово-
лочном мире»¹.

Я понял, что бытовыми вопро-
сами заниматься не придется,
есть более серьезная работа:
собрать и зафиксировать то,
что еще не проговорено или
не записано. Елена Владимиров-
на подготовилась к моему визиту
и подложила обсудить план
наших действий. С ее указания
помощница записала мои личные
данные и интересы. Такая секре-
тарская работа велась каждый раз:
фиксировалась тема разговора,
ход беседы, вопросы и ответы,
необходимые материалы для
следующей встречи. Меня впечат-
лил сам тон работы, встречи были
похожи на общение с научным
руководителем или коллегой
по кафедре. Впрочем, ничего
удивительного, ведь Елена Влади-
мировна больше 20 лет работала
в Научном совете по кибернетике
АН СССР.

Поразил ее неподдельный
интерес к личности собеседника
и его восприятию услышанного.
Елена Владимировна спрашива-
ла, какая именно тема мне бли-
же и на чем сделать акцент. «Раз
проект называется «Психология
заботы», наверное, стоит обратить
внимание на психологическую
сторону военной и послевоенной
лагерной жизни?..» В результате
получился список тем, о которых
решили поговорить:

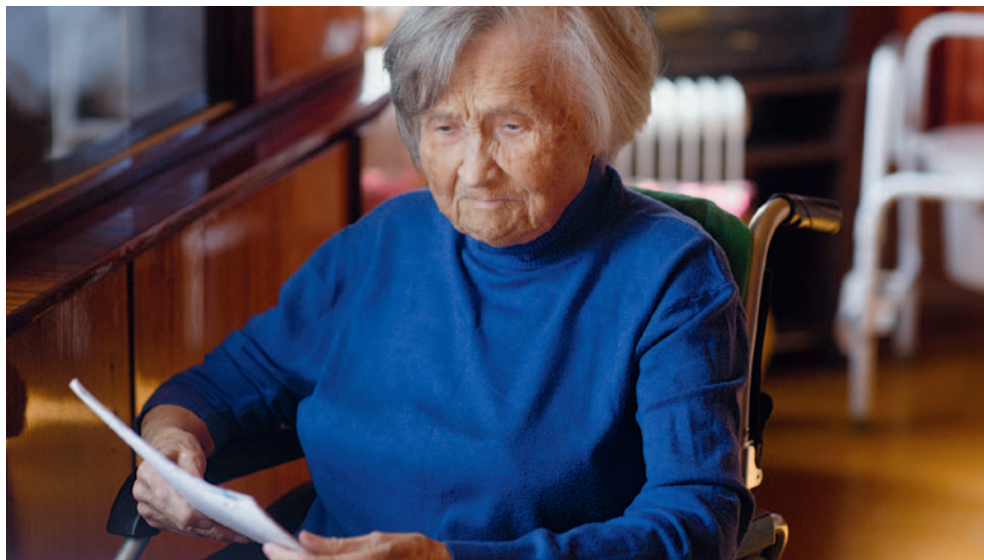
- Дети, рожденные в лагере
- Лагерные поздравительные
открытки
- Узники ГУЛАГа и братья наши
меньшие
- «Я репрессированная
в третьем поколении»
- Каторга

Елена Владимировна показала мне
два неопубликованных текста —
«Лекция по математике за колючей
провоолокой. История одного лагер-

ного портрета» и «Необыкновенное
путешествие Кнута Гамсуна в мир
за колючей провоолокой: из жизни
книг и каторжан».

О ком или о чем бы мы ни гово-
рили, каких периодов лагерной
или постлагерной жизни ни каса-
лись, всегда был один объединяю-
щий фокус — духовное сопротив-
ление человека. В «Лекции
по математике за колючей про-
воолокой. История одного лагерного
портрета» представлен не один
портрет, а два: ее духовного учи-
теля Бориса Сократовича Баскова
и Владимира Николаевича Сучкова.
Один сопротивлялся лагерному
образу жизни и был человеком
действия, помогал людям духовно
устоять, а второго «лагерь оглушил,
лишил всякой надежды, погрузил
во тьму». Владимир Николаевич
не приспособливался, а духовно
был в отчаянии. Борис Сократович
приспособливался не в смысле
«лишь бы выжить», а в высоком
понимании. Он хотел выжить
духом и помочь людям. Чтобы
сохранить в себе человеческое,
Борис Басков по памяти перево-
дил «Фауста» с немецкого на рус-
ский. Мы посвятили его личности
не одну встречу, появилась даже
идея собрать все его письма и вос-
поминания. Елена Владимировна
попросила меня проверить, есть ли
о нем информация в интернете:
«В яндексе там или в гугле...» (sic!).
Она надиктовала мне тексты писем
еще одному ученику Б. С. Баскова,
сравнившего его с философом
А. Ф. Лосевым. Одно из них начи-
налось так: «Я думаю вот о чем:
можем ли мы, два человека,
которые на Воркуте познакомились
с этим замечательным человеком,
сделать что-либо для того, чтобы
осталась о нем память».

Чтобы осталась память — такой
рефрен был у наших встреч.
Работа по сбору материалов
продолжается.

«Каторжане не имели имен и фамилий — только номера. Я была “Е-105”.»

Я родилась в Киеве в семье преподавателей — Владимира Платоновича Иванова и Вацлавы Михайловны, урожденной Корибут-Дашкевич. Папа преподавал русский язык и литературу, мама — немецкий и математику.

В 1927 году мы переехали в небольшой донбасский городок Красноармейск. Родителей выслали из Киева и запретили проживать в крупных городах как «социально-опасных»: мама — полька из дворян, а папа — из семьи священников.

В 1937 году папу и еще одиннадцать учителей нашей школы арестовали по обвинению в групповом шпионаже и подготовке диверсии в шахтах. Никого не смущало, что учителя никогда в жизни туда даже не спускались. Отца посадили в тюрьму № 1 г. Сталино (ныне Донецк). Мы писали ему письма, отправляли посылки, но ответа так и не получили. Через месяц после

ареста папу расстреляли, но о его судьбе я узнала 60 лет спустя.

Через год как жену «врага народа» арестовали и маму. Полтора года она провела в той же тюрьме, что и отец. Мне грозил детский дом, но бабушка меня забрала к себе и так спасла. Мы жили в абсолютной изоляции, люди панически боялись арестов и избегали контактов с нами. Даже друзья куда-то подевались. Маме повезло, в лагерь ее не отправили — она попала под «бериевскую амнистию», и ее отпустили.

В 1941 году я с отличием окончила школу. У меня были все шансы поступить в любой вуз без экзаменов, я мечтала учиться на мехмате в Ленинградском университете. 21 июня у нас был выпускной, а на следующий день началась война. Я была настолько уверена, что она не продлится долго, что отправила свои документы

Через месяц после ареста папу расстреляли, но о его судьбе я узнала 60 лет спустя.

в Ленинград. Но учиться мне не пришлось. Уже в августе 1941 года Донбасс был без боя сдан немцам. Отступая, наши войска поджигали поля, взрывали элеваторы с зерном и затапливали шахты — чтобы врагу ничего не досталось. Город остался без электричества, воды и продуктов питания.

Зимой мы ходили пешком в Доброполье за полусгоревшим зерном, собирали его и грузили на тележку. Дома перебирали, из более-менее пригодного варили кашу. Чтобы топить печку, мы с подружками искали уголь, копаясь в провалах породы. Откровенно говоря, рисковали жизнью, могли запросто провалиться или сгореть, случаи самовозгорания угля бывали часто.

Во время оккупации советские деньги не функционировали, спасал натуральный обмен. Мы ходили в отдаленные деревни, меняли одежду и посуду на продукты.

В феврале 1943-го во время непродолжительного прорыва фронта в городе начались бои. Я спасала раненых, помогала, чем могла, а с прибытием медсанбата стала работать медсестрой в полевом госпитале. Врачи падали от усталости, свободных рук не хватало, и мне приходилось помогать даже во время операций.

Когда город снова захватили немцы, мне удалось укрыть у местных жителей несколько раненых. В нашем доме я спрятала личное оружие и партбилеты врачей и командиров. Нужно было срочно достать документы для спрятанных бойцов, иначе при проверке жандармерией расстрел грозил не только им, но и семьям, которые их укрывали. Такие документы выдавались на бирже труда. Я устроилась туда на работу переводчицей, потому что была местной, не боялась немцев и хорошо владела языком. Два с половиной месяца я проработала на бирже, документы

Через год как жену «врага народа» арестовали и маму. Полтора года она провела в той же тюрьме, что и отец.

были сделаны. Меня даже обещали представить к награде, когда город освободят. «Наградой» стал приговор военного трибунала войск НКВД Сталинской области: за измену Родине — 15 лет каторжных работ с последующим поражением в правах на 5 лет.

Произошло это так. В начале лета 1943 года Красноармейск освободили. После оккупации жителям запрещалось выезжать из города без разрешения соответствующего органа. Я по глупости пришла в НКВД и рассказала, что хочу поехать в Ленинград учиться. Мне не поверили — зачем это я хочу бежать из города? Вызвали конвой и отвезли в тюрьму, а точнее, на мукомольный комбинат (сама тюрьма сгорела при отступлении немцев). Никакого ордера на арест, естественно, не было. Меня подержали там какое-то время и, так как я заболела, отпустили под домашний арест. Прошло несколько месяцев, обо мне как будто

забыли. Я не чувствовала за собой никакой вины, наоборот, я же спасала людей, рискуя жизнью. И боевая грамота у меня есть, чего же мне бояться? И я снова отправилась в НКВД за правом выезда. На этот раз на меня выписали ордер и арестовали по-настоящему. Я поняла, что для меня все кончено. Я похоронила свою жизнь и мечты об университете.

Следствие длилось пять месяцев. Меня обвиняли в пособничестве немцам. То, что я работала на бирже, чтобы спасти раненых, никого не волновало. Не нужно было никого спасать, главное было не работать с немцами. А еще я была дочерью «врага народа».

Перед этапом мне не разрешили даже свидание с мамой. Я получила от нее коротенькую трогательную записку и посылку: 20 цыбулек, сало, ряженку, соль, редис, мыло, полотенце, гребешок.

«Наградой» стал приговор военного трибунала войск НКВД Сталинской области.

1
Буквально
«Отечественная
армия» — подпольная
польская военная
организация времен
Второй мировой
войны.

В двадцать лет я оказалась в Воркуте в каторжном лагере с особо строгим режимом. Каторжане не имели имен и фамилий — только номера. Я была «Е-105». Мы работали в шахте, спали на голых досках в смрадном бараке. Постелей нам не полагалось, переодеться было не во что. Прямо в бараке стояла параша, проветривать запрещалось. Эта удушающая атмосфера преследовала меня всю жизнь, я не терплю закрытых дверей и форточек.

При отступлении наших войск Донбасс и Подмосковский угольный бассейн были полностью разгромлены. На восстановление требовалось много времени и сил, компенсировать их отсутствие должна была Воркута. Вся тяжесть добычи угля в заполярных шахтах выпала на долю каторжан. Там работали не профессиональные шахтеры, а учителя, артисты, молодежь, только окончившая среднюю

школу. Наш контингент был в основном с оккупированных территорий: поляки из Армии Крайовой¹, западные украинцы из Украинской повстанческой армии, молодежь из Прибалтики.

Была у нас девушка Шура, гречанка из Мариуполя, учительница истории. Однажды к нам приехал лагерный начальник Мальцев со своей свитой. Каторжан выстроили полукругом. В Воркуте вообще был большой дефицит женщин как таковых, а тут — целый строй молодых, которые прекрасно выглядят даже в своих лагерных одеждах. Представляет ли шок состояние лагерного начальства? Мальцев обходил строй, спрашивал, какой срок и за что. Все отвечали — 15 или 20 лет, других сроков не было. Мы же злостные «враги народа», изменники родины. И вдруг Шура вышла из строя и начала говорить о положении каторжан. Она говорила четко и убедительно, ссылаясь

В двадцать лет я оказалась в Воркуте в каторжном лагере с особо строгим режимом.

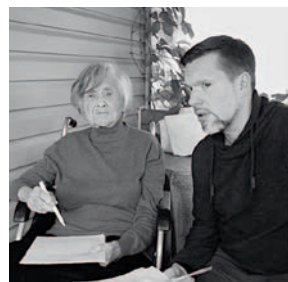
на советские законы. «...Женщинам запрещено трудиться на тяжелых подземных работах, а мы работаем. У нас отобрали одежду, взамен выдали какие-то робы и мужское нижнее белье. После работы мы не можем переодеться. В бараке невыносимая вонь! Даже право на переписку у нас ограниченное — одно или два письма в год...» Кстати, ни библиотеки, ни даже радио в лагере не было.

Начальство Шуру выслушало и уехало. А ее вызвали и избili до полусмерти местные мелкие начальники. Шура говорила, что осталась жива только благодаря тому же Мальцеву. Уезжая, он затребовал ее лагерное дело, и избивавшие Шуру просто испугались: вдруг убьют — Мальцев ведь взял ее «на контроль»... Полуживую окровавленную Шуру принесли в барак и бросили на пол. Это был случай реального сопротивления и выступления перед лагерным начальством.

Бежать из лагеря было практически невозможно. Каким-то чудом, я не могу в деталях это объяснить, однажды в побег ушли прибалты. Они наиболее трагически ощущали себя в каторжных лагерях советской страны. Поймали их очень быстро. Мы видели их растерзанные собаками трупы. К ним были показательно приставлены картонки: «Собаке — собачья смерть».

Люди бежали от отчаяния, понимая, что идут на верную смерть. Иллюзий никаких не было. Это тундра, открытое пространство. Зимой — сразу замерзнешь, летом — погибнешь в болоте.

Однажды нас пригнали в опустевший лагерь на мульту². Когда вошли в барак, поняли, что здесь произошло что-то чудовищное. Стены, пол и потолок были залиты кровью и забрызганы человеческими мозгами. Мы в ужасе выбежали. Оказалось, раньше здесь находился мужской лагерь, в нем содер-

В 1955 году меня освободили от ссылки и сняли судимость. Но полностью реабилитировали только в 1960 году.

2
Котловина, в которой добывается каменный уголь.

жались военные. За «восстание» их всех расстреляли.

К 1952 году в связи с пересмотром дела мне уменьшили срок наказания — сняли каторгу и оставили 10 лет ИТЛ, а в 1953 году освободили, но без права выезда из Воркуты. Я осталась на поселении и наконец-то смогла заняться учебой. Поступила во Всесоюзный заочный политехнический институт. Тогда же познакомилась со своим будущим мужем Алексеем Марковым, тоже политзаключенным. Ему дали 10 лет ИТЛ за рассказанный анекдот.

В 1955 году меня освободили от ссылки и сняли судимость. Но полностью реабилитировали только в 1960 году. Мы переехали в Москву, мужа реабилитировали и дали однокомнатную квартиру по месту ареста.

Моим мечтам об университете не суждено было сбыться.

Но я была упорной и в кибернетику попала только благодаря своей натуре — все делать самостоятельно, не ждать, пока кто-то обучит. Я читала книги на английском языке, разбиралась. Я прибыла в Москву, поступила в аспирантуру и занялась новым направлением — кибернетикой. В 1965 году защитила кандидатскую, а в 1971-м — докторскую диссертацию по специальности «Техническая кибернетика и теория информации». Со мной защищались выпускники мехмата, а кто я — из заочного института...

Я сохранила весь «лагерный» архив — письма, стихи, записи бесед с разными людьми. Я и сама много писала о лагерях, о людях — жертвах сталинского режима. Считаю своим долгом донести правду о трагедии того времени.

Ольга Хотимская:

«Волонтерам музея приходится иметь дело с живой историей, из первых рук»

В моей голове долго крутилась мысль об увиденном в фейсбуке объявлении. В нем говорилось о поиске людей для общения с подопечными Музея истории ГУЛАГа. Не зацепить не могло: тема ГУЛАГа для меня актуальна, так уж вышло. И волонтерство, в общем, тоже. Я решила принять участие и сразу, как только пришла в музей, попала на лекции по психологии. Нам рассказывали о возрастной психологии, о травмах поколений и давали возможность понять самих себя. Волонтерам музея приходится иметь дело с живой историей, что называется, из первых рук. Для меня это наибольшая ценность.

В один из ноябрьских вечеров я шла к Маргарите Даниловне Андриющенко, олицетворяющей частичку страшной истории. ГУЛАГ лишил ее семьи, обычной жизни, и можно только догадываться, чего еще. Беда навалилась в конце лета 1937 года, тогда ей было пять лет. Забрали отца, Даниила Федоровича Андриющенко. Его жена Клавдия Афанасьевна осталась одна в горе, с маленьким ребенком. Что может сделать женщина в состоянии отчаяния, когда разум скован ужасом? Клавдия Афанасьевна пустилась на поиски мужа, она хотела разобраться, доказать, что произошла ошибка. Пыталась достучаться. Но везде закрытые двери, везде стены. Счастлив тот, кто в таком состоянии способен пережить озарение, взять себя в руки, подумать здраво! Таких бы минут Клавдии Афанасьевне, чтобы не бегать по тюрьмам в поисках мужа, которому, к сожалению, никак уже нельзя было помочь, а взять пятилетнюю Риточку и раствориться бы с ней где-нибудь в недрах Союза. И не нашли бы их, и отстали бы. Но ее арестовали. Последовали девять лет разлуки. Судьба все же немного сжалилась: с Ритой была бабушка, Ирина Михайловна, она уберегла ее от участи «детей врагов народа», которых забирали в детские дома. Жаль, что нельзя

так же спрятать от травмы детскую душу.

Мы из собственного опыта знаем, насколько уязвимым делает человека боль, как помещает в вакуум, за границами которого лишь отчужденность и непонимание. Трудно представить, что может чувствовать человек, которого всю жизнь преследует тень ГУЛАГа. Я родилась и выросла в относительно благополучном мире, но, несмотря на то, что репрессивная машина напрямую не затронула моих предков, отчего-то всегда ощущала свою причастность и стыд за эти черные страницы истории моей страны. Мне было важно передать свое понимание тому, кто это пережил.

Тени прошлого наступают через десятилетия. Маргарита Даниловна выстояла: прошли годы сиротства, тогда она не понимала, куда делись родители (наверное, путешествуют — в Африке или на Северном полюсе?) и почему не взяли ее с собой. Папу не вернуть. Дождавшись маму из Казахстана, из женского лагеря жен изменников родины (непостижимо — лагерь для жен!), Маргарита Даниловна поняла, что время упущено и мама уже не самый близкий на свете человек. Не такой, как бабушка, которая спасла жизнь, и не как тетя, Елена Афанасьевна, в семье кото-

рой жила столько лет. И проблемы в университете в связи с «постыдным прошлым» позади, и сложности с реабилитацией и бытом, и страшная болезнь мамы, и две семейных жизни. Из них лишь одна счастливая, но короткая. И постоянная борьба за отстаивание своего права на достойную жизнь и на признание тех, кого давно уже нет. Все уже в прошлом. А нет же! Сказанные в интервью слова о том, как тогда, в страшном прошлом, после маминого ареста другая тетя не пустила их с бабушкой в дом, теперь стали причиной ссоры с двоюродными сестрами.

Но вернемся к истории. После возвращения из лагеря Клавдии Афанасьевне нельзя было находиться в Москве, она так же незаконно жила в Оренбурге. А Маргарита Даниловна в это время училась в школе и жила в Москве у Елены Афанасьевны. Считая, что так всем будет проще, Клавдии Афанасьевне тогда предложили оформить удочерение Риты семьей Елены Афанасьевны. Мама, конечно, не была согласна, а выбирать пришлось Маргарите Даниловне. Она сделала выбор в пользу мамы.

Маргарита Даниловна рассказывает о семье, о маме с таким чувством... Это какая-то смесь тяжести и нежности. И мудрое смирение... Долю, выпавшую ее семье, Маргарита Даниловна несет с невероятным достоинством.

Впервые увидев Маргариту Даниловну, я поразились тому, сколько в ней жизни. Она пригласила меня в светлую просторную комнату, усадила в мягкое кресло и, пока я осматривалась, начала рассказывать: «Я бы хотела прожить еще жизнь архитектора, историка, этнографа...» Честное слово, там был список под десяток пунктов! Маргарита Даниловна очень любит свою квартиру, там очень уютно. Еще она заядлая собачница,

хоть и давно проводила свою любимицу. Муми-троллей с магнитика на холодильнике Маргарита Даниловна тоже называет собачками. Вообще, она любит всех животных. Одно время, например, к ней приходил гостить соседский рыжий кот. Полакомившись угощением, он укладывался на полдивана и погружался в сны.

Маргарита Даниловна постоянно улыбается, в ее словах столько юмора! Каждый раз иду к ней как на праздник. Говорим обо всем на свете, но всегда затрагиваем две темы: прошлое и настоящее.

Временами я удивляюсь, насколько у этой женщины насыщенная жизнь. О том, что ее подводит здоровье, она говорит вскользь, с улыбкой, а потом долго рассказывает, где она побывала за последние дни. Работа в «Мемориале», поездка в Музей истории ГУЛАГа, встреча с друзьями, культурная программа. Вот, на днях ездила с соседкой на рынок, купили фрукты и ягоды. Занималась их заготовкой. Подробно изложила свой рецепт персикового варенья, велела запомнить. Перед этим принимала родственников из Оренбурга, 10-летнему любознательному юноше проводила экскурсию по МГУ.

О своей жизни и жизни семьи Маргарита Даниловна написала сама. Ее книга «1937. Жизнь до и после» рассказывает о родителях, родственниках, о ней самой, о страшном месте под названием АЛЖИР, о встречах и потерях. Но ни одна книга, конечно, не раскроет целого века так, как живое общение с ним.

«Нас связала судьба под названием ГУЛАГ»

Мои родители приехали в Москву из Ленинграда. Отец, Даниил Федорович Андрющенко, получил высшее ветеринарное образование и был приглашен в Наркомат земледелия. Мама, Клавдия Афанасьевна Андрющенко, была на тот момент студенткой 3-го курса Ленинградского медицинского института. Отец привез из Оренбурга свою маму, ставшую моей любимой бабушкой, Ирину Михайловну. Скорее всего, бабушка так и прожила бы с нами всю жизнь, если бы не произошла катастрофа. Мне было пять лет, когда арестовали отца. Мама его очень любила, думала лишь о том, как его разыскать, чем помочь. Хотя было бы разумнее, конечно, хватать меня и убегать, спасаться. Но кто мог подумать, что ему будут предъявлены такие чудовищные обвинения.

Папу забрали 22 августа 1937 года. На следующий же день мама стала

искать хоть какую-то информацию о его местонахождении. Первым делом она отправилась в Наркомзем, где отец был начальником отдела по производству био-препаратов. Пыталась связаться с его руководством, однако все было тщетно. Как стало известно позже, непосредственный папин начальник, донос которого имеется в следственном деле отца, к тому моменту был уже расстрелян. В Наркомземе царил страх и неразбериха, ни у кого «не нашлось времени», чтобы принять маму. От нее попросту отмахивались, ссылаясь на занятость.

И тогда мама стала искать отца по тюрьмам. Иногда они ходили с бабушкой вместе, иногда по очереди. Но поиски ни к чему не привели, людям вообще не давали никакой информации. Вакханалия только набрала обороты, и было не до справок. У тюрем стояли толпы в надежде

Мама была уверена, что отца арестовали по ошибке. И уж никак не думала, что могут арестовать и ее.

узнать хоть что-то о своих близких. Была надежда, что если принимают передачу, значит, твой родной человек в этой тюрьме, а отказывают — его здесь нет. На деле было не так. Передачи брали и в Лефортовской тюрьме, и в Бутырской, и в Таганской. Отец же все время находился в Лефортове.

Как оказалось, примерно в это же время арестовали мамину родную сестру Нину Афанасьевну. Буквально незадолго до этого мы приезжали к ним в гости, в Дом правительства. Муж Нины, Владимир Николаевич Кочетов, был торгпредом СССР в Японии и неожиданно вновь был вызван в Москву. Позже Нина рассказывала о том, что, возвращаясь, еще в самолете Владимир Николаевич заметно нервничал. Видимо, он предполагал такой финал. Уже на взлетно-посадочной полосе их ждал черный «воронок». Спускаясь по трапу,

он сильно сжал руку Нины. То ли предупреждал об опасности, то ли прощался. Их забрали одновременно.

Мама была уверена, что отца арестовали по ошибке. И уж никак не думала, что могут арестовать и ее. Но это случилось через два месяца после ареста отца. Однажды в нашем доме появился военный. Сказал, что маме нужно проехать на Лубянку по делу мужа. Она обрадовалась: наконец-то хоть что-то узнает. Быстро оделась, в руках была маленькая сумочка. Пришедший за ней военный тихо сказал: «Возьмите что-нибудь еще с собой», но, видя, что она уже направилась к выходу, шагнул в ближайшую комнату, снял со спинки стула какую-то легкую вещь и, скомкав ее, запихнул маме в сумочку. Это голубое шифоновое платье мама перешлет для меня на волю через шесть лет, к моему одиннадцатилетию.

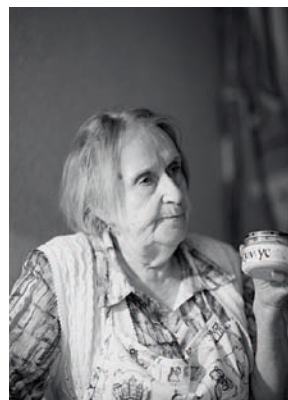

Маму осудили как члена семьи изменника родины — ЧСИР. Дали 8 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

Отца обвинили в участии в контр-революционной диверсионно-террористической организации, расстреляли 3 ноября 1937 года. Узнала я об этом значительно позже, когда мамы уже не было. Маму осудили как члена семьи изменника родины — ЧСИР. Дали 8 лет ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) и направили в АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины¹, в Казахстан. В тот же лагерь попала ее сестра Нина. Вышла мама из лагеря на год позже означенного срока, только в 1946 году. Без права проживания в любом областном городе, о чем свидетельствовала отметка в паспорте.

Я тоже попадала под категорию члена семьи изменника родины, и меня должны были забрать в детдом. Но бабушка Ирина Михайловна меня спасла: буквально на следующий день после ареста мамы, она собрала

мои вещи и убежала из дома. В Москве у нас было довольно много родственников, но приютить у себя дочь «врага народа» были готовы немногие. Одну зиму мы с бабушкой жили в бараке у младшей сестры отца, Елены Федоровны. Потом меня взяла к себе сестра мамы — Елена Афанасьевна. Она с семьей жила на Палихе. В этой семье, с перерывами, я проведу много времени. Я осталась без родителей, но что именно произошло с ними, я не понимала. Я знала, что у меня есть мама и папа, но где они? При этом у всех родители были, а мои куда-то делись. Родственники на мои вопросы не отвечали и от разговора уходили. Я варила сама в себе, придумывала про родителей разные истории. То видела их в экспедиции в Африке, то на Севере с белыми медведями, в снегах. Я была уверена, что они уехали вместе, они же должны быть всегда вместе, только

Я тоже попадала под категорию члена семьи изменника родины, и меня должны были забрать в детдом.

1
Так женщины-
заключенные
называли
17-е женское
лагерное специальное
отделение
Карагандинского
ИТЛ в Акмолинской
области Казахстана.

не понимала, почему они не взяли с собой меня? Было ощущение, что меня бросили. К тому же ко мне поменялось отношение окружающих, и в чем дело, что со мной не так, я не понимала.

Первый класс я окончила в Москве. Когда началась война, мы уехали в Оренбург, где я училась во втором и третьем классе. Четвертый — в Москве. В 1945 году меня отправили в Оренбург, осенью должна была вернуться мама. Каждый день я ходила по улице и всматривалась в лица женщин — мне так хотелось ее узнать. Но мама не приехала: еще целый год после окончания срока их не отпускали. Видимо, омрачать победу освобождением зекос государству не хотелось. Мама приехала еще через год, мне было уже 14 лет.

Девятилетняя разлука в таком возрасте — очень серьезное

испытание. Мама была для меня совсем чужая. Мы начали жить вместе в доме бабушки Анны Сергеевны. Но условия были настолько невыносимые, что меня отправили в Москву, на Палиху, к тете, с которой я была очень близка. Я уехала с удовольствием. В это время у тети возникла идея меня удочерить, но это было некрасиво по отношению к маме, да и мама этого бы не простила. Вопрос, с кем я хочу остаться, решала я сама. Я думала головой, не сердцем: у тети уже есть двое детей — Рита и Люля, а у мамы никого. И я выбрала маму и снова вернулась в Оренбург.

В следующий раз я поехала в Москву поступать в архитектурный институт. Мама, зная мои проблемы со зрением, была против такого выбора, и она была права: со временем оно начало ухудшаться. Оказалось, что в МАРХИ в тот же год первокурсникам не давали общежитие,

В Москве у нас было довольно много родственников, но приютить у себя дочь «врага народа» были готовы немногие.

а мне оно было необходимо. Это сыграло решающую роль, и мы с подругой поступили на экономический факультет МГУ. Мне нравилось там учиться, я интересовалась историей и политэкономией, как когда-то и мой отец. Уже позже другая московская подруга мне говорила, чтобы я не жалела о том, что не стала архитектором. Они всю жизнь просидели на типовой проектировке, делали тесные пятиэтажки. Ничего особо интересного в ее работе не было — ни шагу в сторону от задания. Но и мы так же занимались экономикой — ходили по тому же узкому коридору.

До 1953 года студентов университета селили в общежитии на Стромынке, в Сокольниках. С 1953 года «технари» были переведены в новое высотное здание МГУ. Мы, гуманитарии, попадали туда только на 5-м курсе. Окончание МГУ совпало с реабилитацией

родителей в 1956 году, и мама смогла вернуться в Москву. В 1937 году у нас конфисковали все вещи, мебель, трехкомнатную квартиру. Теперь получить жилплощадь было непросто, нужно было собрать документы, ехать туда, где были арестованы родители, брат выписку из домовой книги, чтобы доказать, что мы — москвичи. Процесс был длительный, но в итоге мы с мамой получили комнату в коммунальной квартире. Я вот-вот должна была выйти замуж, а у нас ни чашки, ни ложки. Пойти тоже никуда не могли — не было денег. Жить вместе с мамой мой муж не смог. Мы дважды снимали комнату и дважды возвращались к маме. Муж был журналистом-международником, имел много друзей и плохо представлял себе семейную жизнь. Мы разошлись. Позже я вышла замуж во второй раз, но тогда уже самое главное и интересное время для женщины прошло.

Осенью должна была вернуться мама. Каждый день я ходила по улице и всматривалась в лица женщин — мне так хотелось ее узнать.

У мамы было очень тяжелое заболевание — болезнь Альцгеймера. Приходилось общаться с ней как с маленьким ребенком. Мама умерла в 1983 году. К большому сожалению, мы так и не стали близки, не успели. Моя красивая умная мама в 1937 году потеряла все: мужа, ребенка, дом, здоровье, свободу — что можно потерять еще, чтобы спокойно слушать знакомый припев: «И живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей...»

Галина Ускова:

«Меня восхищает ее способность расправить крылья и жить»

У меня есть семья: муж и сын. Я изучаю английский язык, летом занимаюсь садоводством. Свою волонтерскую деятельность я начала в 2006 году, участвуя в проектах благотворительного фонда «Милосердие». Далее от ГБУ «Мосволонтер» участвовала в различных культурных, спортивных мероприятиях. О Музее истории ГУЛАГа и проекте «Психология заботы» узнала после прохождения обучения с «Мосгортур» курса «Волонтер в музее». Не задумываясь, приняла приглашение участвовать в этом проекте.

С темой репрессий во время правления Сталина я была мало знакома. Мне захотелось узнать историю нашей страны, услышать рассказы очевидцев, увидеть документы, подтверждающие все те события, проходившие с 1937 по 1956 год. По своей актуальности, важности проект «Психология заботы» является самым лучшим социальным проектом.

Одну из моих подопечных зовут Гюльнар Аслямовна, ей 89 лет. Первая встреча у нее дома была незабываемой: меня встречали как близкого родственника. Передо мной стояла красивая нарядная женщина с очень молодыми глазами, на столе ждал шикарный обед. Мы разговаривали, рассматривали фотографии. Было легко, Гюльнар Аслямовна — открытый, общительный, неравнодушный человек. У нее много подруг, а еще она курирует несколько нуждающихся в помощи бабушек и дедушек: участвует в их жизни, покупает и развозит лекарства.

Лишившись родителей в детстве, пережив страшные годы репрессий и войны, она не пала духом. Блестяще окончила пединститут, но ее как «неблагонадежную» распределили в самую проблемную школу Москвы. И она работала там учителем географии, занималась классным руководством и общественной работой, помогала

своим ученикам, жила насыщенной жизнью. Мне кажется, это пример для очень многих молодых людей, у которых есть родители, деньги, машины, квартиры, но они потеряны, несчастны и не знают, чего хотят.

Жить с клеймом «дочери врага народа» было тяжело, но Гюльнар Аслямовна всегда верила, что добьется реабилитации своего отца. И она дождалась этого. Несмотря на все испытания и трудности, она осталась человеком жизнерадостным, открытым, готовым прийти на помощь. Меня восхищает ее способность расправить крылья и жить. Это просто феноменально.

Гюльнар Аслямовна очень образованная и начитанная, дома много книг, журналов, а интересующие ее материалы она аккуратно вырезает из газет, бережно подшивает и хранит. О многом, рассказанном ею, я не знала. Это подвигло меня к самообразованию, я стала больше читать, интересоваться, искать информацию.

Гюльнар Аслямовна очень любит принимать гостей. Ее основное свойство — опекать, заботиться, угощать. И, скажу честно, испытание хлебосольным гостеприимством оказалось для меня непростым. Приходишь в дом, и тебя непременно усаживают за стол, кормят, поят. «Я тебя не выпущу

из-за стола, пока ты не поешь. Потом будем с тобой все записывать». Часто и есть не хочется, но человек готовился, тратил время, силы, ждал, чтобы ты все попробовал и сказал: «Ой, как вкусно!» Как отказаться? Я не знаю, какие слова подобрать. Конечно, мы работали и с психологом, и в группе на психологических сессиях, в числе прочего учились говорить вежливое «нет». Мне это помогло, но по-прежнему непросто.

Я сформулировала для себя, почему пришла в проект. Это ведь не просто так — понравилось и зацепило. Почему зацепило? Оказалось, у меня есть внутренние потребности, связанные с моей мамой, с родственниками, много всего... Проект помог разобраться в себе, поразмышлять и решить свои вопросы именно через взаимодействие с пожилыми людьми такого рода — жертвами политических репрессий. Я учусь контакту с пожилыми, необязательно на проекте, а вообще в жизни: в метро, на улице, на лестничной площадке. Глаза открываются на их жизнь, мне кажется, я начала понимать, почему они поступают так или иначе. Я стала деликатнее относиться к своей маме. Бывало, я с ней спорила, меня что-то злило, раздражало, а теперь я мягче и снисходительнее. Потому что я такая же буду, наверное. И я знаю, что мне еще нужно много работать над собой, учиться терпимости.

«Что было главным в сознании людей 1937—1938 годов? Страх.»

Я родилась в Уфе 11 февраля 1930 года. Наша семья происходит из древнего рода татар Поволжья, насчитывающего тысячу лет. Отец, Мамлеев Аслям Нуриевич, дворянин, окончил учительский институт в Оренбурге, был очень умным, обаятельным, веселым человеком, имел массу друзей, слыл душой компании. Мама, Магруй Гениатулловна, из дворян, училась в Мариинской гимназии, которая была открыта по инициативе императрицы Марии Федоровны. Родители скрывали наше происхождение. Когда я рассматривала семейные фотографии, всегда любовалась, смотрела на родителей и родственников в красивой одежде и спрашивала маму, почему все так одеты? Она отвечала: «Такая была мода».

Я была совсем младенцем, когда отца арестовали в первый раз и приговорили к трем годам лишения свободы по статье 58, пп. 7, 14 (подрыв промышленности и контрреволюционный саботаж).

Первые годы жизни я провела в Уфе, а потом мы вместе с родителями и бабушкой переехали в Москву. Поселились у родственников в трехкомнатной квартире на Пятницкой, в одном из первых кооперативных домов. Мама поступила на работу в библиотеку им. Ленина, она была главным библиографом восточного отдела. Меня определили в детский сад для детей интеллигенции. Все было хорошо, мы часто ходили на концерты симфонической музыки. А в августе 1938 года отца вновь арестовали. Как рассказывала мама, к ним пришли ночью, произвели обыск и куда-то увели отца. Я в это время была на даче и ничего не знала. Поначалу мне говорили, что папа просто уехал по делам. После ареста отца мама все время плакала. Она вообще была очень ранимым человеком с тонкой душевной организацией, очень доброй и всем помогала.

Почти во всех квартирах нашего дома жили «враги народа». Соседи

Я была совсем младенцем, когда отца арестовали в первый раз и приговорили к трем годам лишения свободы.

замкнулись, некогда хорошие знакомые люди вообще мало общались друг с другом. И к нашей семье переменялось отношение: нас перестали приглашать в гости, при встрече переходили на другую сторону улицы. Мы, дети, всего этого не понимали. Но я точно знала, что мой папа не шпион. Я думала, что Сталина обманывают, он не знает всего, даже были мысли написать ему письмо. Помню, что в детском саду нас каждый день выстраивали на линейке и заставляли говорить: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство». Но уже в школе я поменяла свое мнение о нем, мне не нравилось, что всюду «красовалось» его имя. Что было главным в сознании людей 1937—1938 годов? Страх. Многие писали доносы. А дети не понимали, что происходит, и хвастались друг перед другом: «А к нам сегодня ночью “черный ворон” приезжал!» Чекисты использовали детей, чтобы выведать нужную информацию. Так произошло и со мной. Как-то

раз мы играли с ребятами во дворе. И к нам подошел молодой мужчина в форменной одежде, я даже сейчас помню его лицо. Спросил нас, где живем, как зовут. «Меня зовут Гуля Мамлеева», — ответила я. «А у тебя есть тетя Соня?» — «Есть». — «А она сейчас с вами живет?» Я сказала правду, что тетя Соня сейчас в Казани. Потом только я поняла, что это был подосланный человек. Какая это подлость! Мою тетю арестовали, и я всю жизнь не могу себе этого простить. «Да ты что, все равно бы меня посадили, — успокаивала потом меня моя тетя. — Они всех найдут, хоть из преисподней вытащат».

Тетя Соня работала на витаминном заводе в Уфе, а ее муж Факир Ахмедович был председателем Госплана Башкирии. В 1937 году его арестовали, осудили по 58-й статье — контрреволюционная деятельность и шпионаж и приговорили к расстрелу. На все запросы тете Соне сообщали, что ее муж осужден

Поначалу мне говорили, что папа просто уехал по делам. После ареста отца мама все время плакала.

на 10 лет без права переписки. Мог ли такой человек, который с 1905 года был членом коммунистической партии, заниматься контрреволюционной деятельностью? Даже смешно. Тетя Соня не знала, что такой приговор означал расстрел. Наверное, из разговоров родителей я слышала, как тетю выселяли из уфимской квартиры. Подъехал открытый грузовик, тете велели залезть в кузов. Там был красный стяг: «Разоблачаем семью врага народа!» И поехали ее катать по уфимским улицам. Она стучала, кричала «остановите», но ее никто не слушал. Так боролись с женами «врагов народа». Она поняла, что ее не оставят в покое, и уехала в Москву, но тут тоже шли повальные аресты. И она отправилась в Казань. Судьба сложилась так, что в Казани ей повстречался Акрам Галиевич Кайбышев, некогда белый офицер, который был ее женихом еще до революции. После революции они друг друга потеряли, и тетя вышла замуж. Кайбышев сказал ей: «Пока

тебя не арестовали, выходи за меня замуж, — он уже знал, что значат 10 лет без права переписки, — твой муж не вернется уже». Тетя сопротивлялась, не верила в худшее. Но Акрам Галиевич каким-то образом ее уговорил. Вступить в брак официально поначалу они не могли, тетя не была разведена, они поженились значительно позже.

Тетю Соню, как и моего отца, арестовали в 1938 году. Она попала в Бутырскую тюрьму, будучи беременной. Ее посадили в общую камеру, где держали жен высокопоставленных коммунистов. В Бутырке же, в 1939 году, она родила своего сына — единственного, любимого, необыкновенно умного. Впоследствии он стал академиком, основал Башкирскую академию наук, сделал открытие мирового значения. Когда тетю Соню выпустили из тюрьмы, мы стали жить вместе на Пятницкой.

Моего отца осудили по 58-й статье на 8 лет ИТЛ и отправили на Колы-

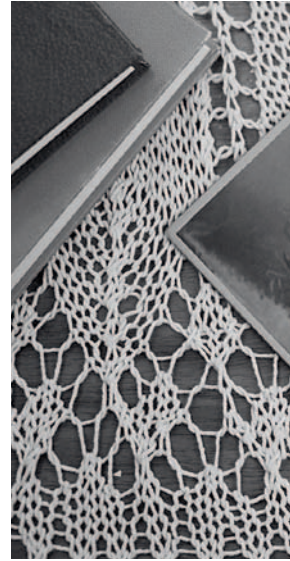
Мою тетю арестовали, и я всю жизнь не могу себе этого простить.

му, в бухту Нагаево. Мы получили от папы всего пару писем, он сообщал, что работает на рудниках и лесоповале, что очень тяжело, голодно и холодно, совсем нет одежды. По рассказам человека, бывшего с отцом в одном лагере, папа сильно болел и умер от истощения.

Потом началась война, и я, совсем еще маленькая девчонка, лазила на крышу гасить зажигательные бомбы. У каждого подъезда стояли бочки с песком. Вскоре мы с тетей Соней и ее двухлетним сыном уехали в эвакуацию в Уфу, а мама и бабушка остались в Москве. В дорогу мне выдали чемоданчик с летними платьями, так как думали, что война продлится не больше двух месяцев. В тот день мы видели друг друга в последний раз. Моя мама никогда не была «бойцом», она очень горевала по папе и в 1942 году наложила на себя руки. Похоронили ее на Даниловском кладбище. А через год умерла и бабушка.

Те военные зимы в эвакуации были очень холодные, морозы достигали 40 градусов. Есть было нечего, я вспоминала довоенную жизнь в Москве, какая была вкусная еда, и мечтала о ней. Лето проводила в деревне, где многие помнили моего дедушку и уважительно к нему относились — он работал учителем, был муфтием. Там все меня жалели, называли сироткой. А я этого не любила.

В 1944 году я, наконец, вернулась в Москву, и никак не могла поверить, что мамы и бабушки больше нет. Тетя Соня фактически заменила мне мать, она всю свою долгую жизнь принимала участие в моей судьбе, очень помогала. Будучи ребенком, круглой сиротой, я не получала от государства никаких пособий. Но я сказала себе: клейменный, но не раб! Я не буду подчиняться никому, ни в какие партии, никуда я не собираюсь вступать. По натуре я была активной, меня любили и учителя, и одноклассники.

Окончив школу, я очень хотела поступать в институт востоковедения, но понимала, что меня туда не примут.

ки. С 8-го по 10-й класс мы должны были платить за учебу, и тетя Соня переводила мне деньги.

Окончив школу, я очень хотела поступать в институт востоковедения, но понимала, что меня туда не примут — как-никак «дочь врага народа». И я подала документы в Московский городской педагогический институт имени В. П. Потемкина на географический факультет. В этом институте готовили преподавателей только для школ Москвы и на обучение принимали только москвичей. Я хорошо училась, на выпускных экзаменах получила одну четверку, остальные экзамены сдала на отлично. При распределении впервые почувствовала на себе «клеймо»: всех отправляли в московские школы, а мне на комиссии сказали, что мое место в Свердловской области. Я заявила, что не поеду. Начался скандал, но некоторые члены комиссии за меня заступились. Я вышла в коридор, и какой-то преподаватель спросил:

«У тебя что, отец репрессированный?» — «Да». — «Тогда понятно, но ты держалась молодцом». В итоге мне все-таки дали направление в московскую школу, где учились дети из бедных семей, хулиганы и беспризорники. Когда начала учительствовать, ходила по домам своих учеников. Они жили в бараках, каких-то подвалах. Условия были невыносимые: шум, ругань, пьянство. Как-то я пришла к мальчику, на которого жаловался преподаватель русского языка за его плохой почерк. Большая комната, разделенная ситцевыми занавесками, за одной из которых он жил с мамой. Вместо стола — швейная машинка. Когда мама шила, он писал на двери из комнаты. Спал на одной кровати с матерью. Я в ужасе возвращалась домой, в ужасе...

Я преподавала географию и астрономию, вела классное руководство. Несмотря на трудности, мы с учениками старались жить интересно. Наша школа в годы войны была

Родители скрывали наше происхождение. Когда я рассматривала семейные фотографии, всегда спрашивала маму, почему все так одеты?

1
С 1930 по 1956 год через ГУЛАГ прошло 5 миллионов, осужденных по политическим мотивам, расстреляно около 1 миллиона. 6 миллионов человек было подвергнуто принудительной миграции.

местом формирования третьей дивизии народного ополчения. Мы с ребятами решили отыскать оставшихся в живых ополченцев. Нам это удалось, и мы организовывали их встречи, а однажды даже прошли по маршруту боевых действий. Заранее подготовили карту с местами боев. Весь год ребята подрабатывали на овощных базах, откладывали деньги для поездки. В том же году в школе был создан музей этой дивизии.

Пока был жив Сталин, был жив и страх: все боялись говорить о репрессиях, боялись общаться с репрессированными. 5 марта 1953 года я была в школе, когда по радио объявили о смерти Сталина. Я была как зомби и ревела вместе со всеми. Но в тот же день я решила, что буду поднимать вопрос о реабилитации отца. Спустя три года, в 1956 году, мне позвонили и официально, как будто по бумаге, зачитали: репрессированный Мамлеев

Аслям Нуреевич, такого-то года рождения, осужденный по 58-й статье, посмертно реабилитирован, судимость снята из-за отсутствия состава преступления. Когда я это услышала, у меня градом потекли слезы, хоть я и не плакса.

В 1994 году меня официально признали подвергшейся политической репрессии. Это не только моя, это жизнь нашей страны. 40 миллионов репрессированных!¹ Сколько расстрелянных. ... Каждый год в мае мы ездим на Бутовский полигон, проводим митинг памяти. Там открыты списки всех расстрелянных. А по Коммунарке архивы до сих пор закрыты. Недавно там церковь построили, и очень хороший батюшка панихиды служит по всем убиенным. Но мы не знаем их поименно.

Ольга Беляева:

«Общение с Зинаидой Платоновной дает мне силы, мудрость и осознание ценности того, что мы имеем»

Я живу в Москве с 1994 года и считаю ее своим родным городом. Моя семья — это любимый муж, две прекрасные дочери — старшей 21 год, младшей 14 — и две замечательные собаки. Я волонтер с 2007 года. Занималась преимущественно детьми и областными детдомами, пожилыми людьми реже. Правда мы создали в Тульской области на базе городской больницы небольшое отделение для престарелых, которое и сейчас действует. Но все равно, это была не моя вотчина. Почему же я в музее пошла к старикам?

Когда я записывалась в волонтеры музея, очень многие были готовы работать с документами, расшифровывать интервью, заниматься какой-то бумажной работой. А мне очень важны и ценны люди. Многие как раз переживали из-за своих эмоций — как они будут воспринимать общение с пожилыми людьми, как на них это будет влиять? Это точно так же, как с детдомами: очень многие готовы помогать, но немногие готовы ехать. А детям и старикам нужно душевное, сердечное общение — послушать, поговорить. Я этого совсем не боялась. Родных бабушек-дедушек у меня давно уже нет, и опыт коммуникации с подопечными музея — все равно, что со своими пообщаться. Они все невероятно добрые, сердечные. И я ни секунды не раздумывала над выбором, куда пойти. Конечно, к подопечным.

Чаепития раз в месяц и походы в театр — это замечательно. Это тоже адресная помощь, коллективная. Но это без погружения на глубину. А поддержать за руку, пообщаться глаза в глаза, выслушать — это, конечно, дорогого стоит. Тем более мы же записываем их истории, соучаствуем в воспоминаниях. Просто вселенная открывается, это же всё про мою любимую родину устами очевидцев! Драматические, но при этом и счастливые истории.

Люди умели радоваться очень простым вещам. Мне очень хотелось стать частью чего-то важного. Подарить себя, свое личное время конкретному человеку, побыть с ним и только с ним, несмотря на занятость. Это такая моя личная благодетельность. И я получаю колоссальное количество эмоций, начиная с плюшек-ватрушек, которыми меня встречают, и заканчивая чтением стихов, когда мы прощаемся. Это бесценно.

Помощь психологов проекта очень пригодилась. Я многое знала, но психология пожилых людей — это совсем другое. Она где-то напоминает детскую, только здесь огромный опыт травмы. Очень многие с этой травмой живут по сей день. Мне повезло — у меня не было никаких форс-мажорных обстоятельств с моей подопечной. Но те знания, что нам дали, мне очень в жизни помогли и помогают.

С Зинаидой Платоновной мы познакомились еще до проекта «Психология заботы»: однажды мы ходили вместе в театр, а потом еще было несколько мероприятий, где мы с ней без умолку болтали. Вернее, я слушала, а она рассказывала. И когда я увидела ее в списке проекта, я сразу поняла, кто будет моей подопечной. С Зинаидой Платоновной созвонились, она меня вспомнила, и мы начали общаться.

Зинаида Платоновна живет в потрясающем старом доме. Я обожаю такие, с одной стороны, все ветхое, но при этом и монументальное. Дом дореволюционный, сохранил старинный дух. Встретили меня ватрушками, мы пили чай, разговаривали. Определили график общения: удобное время и план, с чего мы начнем фиксировать воспоминания. Это было такое стратегическое планирование — как мы будем общаться. Потому что она очень большой руководитель, невероятная умница, в здравом уме и трезвой памяти, несмотря на свои юные 87. Встреча была очень теплая, это было такое большое знакомство, когда нас уже никто не торопил, не было границ ни временных, ни территориальных.

В истории Зинаиды Платоновны меня очень впечатлило то, что уже взрослой она узнала, что ее воспитывала не мама, а мамина сестра, потому что родителей расстреляли, когда она была совсем маленькая. Ее отец до брака с мамой был мужем Зинаиды Бронштейн, дочери Троцкого. Мы с Зинаидой Платоновной собираемся написать книгу. Хотим воссоздать ее историю из всех волшебных тетрадок, которые она сохранила. В книге будет целая жизнь.

У Зинаиды Платоновны великая любовь ко всему живому, начиная с растений и цветов — их у нее море, прикормленных голубей на окнах и местных котов, которые ее знают и обожают — до, конечно же, людей. Она невероятная женщина, душевная и теплая. И при этом всю жизнь одна. Да, у нее много родственников, друзей, о ней заботятся. ... Но вот это женское одиночество меня, как женщину, как мать, поразило.

Зинаида Платоновна прекрасно вышивает, шьет, плетет красивые макраме, ходит в кружки.

Такое невероятное жизнелюбие.... А когда она мне читает стихи, становится просто юной девочкой!

Для меня сложно то, что я не всегда могу быть рядом со своей подопечной. Она очень стеснительная и старается никого собой не обременять. А мне хочется все бросить, прибежать и помочь. А так порой не надо. Есть граница, и Зинаида Платоновна ее аккуратно придерживается. И очень важно ее соблюдать, уважать ее пространство: если нет, то нет.

Я и так жизнь любила, а сейчас люблю ее еще больше. Глядя на невероятную силу, самоотверженность и мощь, которая есть в Зинаиде Платоновне и во многих наших подопечных, я вообще не понимаю, как нам в наше время, искошенным и имеющим вообще все, можно роптать и ныть! Я бы сделала обязательной во всех учебных заведениях практику ухода за животными и стариками. Чтобы люди понимали, где они, кто они. Как жизнь прекрасна здесь и сейчас. Какие мы счастливые. Общение с Зинаидой Платоновной дает мне колоссальные силы, мудрость и еще большее осознание ценности того, что мы имеем.

Я не боюсь привязанности, вот честно, нет. У меня это все отработалось детдомами. Я ныряю глубоко и без оглядки, всю себя раздаю. Мне вообще себя не жалко, ведь такая мощная отдача! Когда ты свою жизнь живешь, исходя из дефицита, — я приду, отдам, устану — это одна песня, тогда лучше не надо. А когда ты живешь свою жизнь, исходя из изобилия — да у меня столько! Идите, берите, купайтесь, пейте, пожалуйста, тогда и тебе сторицей возвращается тонна, это такая волшебная игра win-win, когда все выигрывают. Чем больше ты отдаешь, тем больше получаешь, это правда.

«Я написала статью “Я никогда не видела глаз матери и отца”»

Я родилась 21 февраля 1935 года в городе Семипалатинске Казахской ССР, куда из Красноярска были сосланы мои родители. Я совсем их не помню, потому что лишилась их в раннем детстве.

Моя мама, Розманова Ревекка Иудовна, родилась в 1913 году в Ужурской волости Ачинского уезда Енисейской губернии. Отец, Волков Платон Иванович, был старше мамы на 15 лет, родился в 1898 году в селе Первая Слобода Высочанской волости Оршанского уезда Могилевской губернии. До мамы папа был женат на Зинаиде Львовне Бронштейн, дочери Льва Троцкого. Мама назвала меня Зинаидой в честь нее, чтобы это имя было всегда рядом с папой, так как он ее очень любил и очень переживал ее гибель.

Первый арест отца состоялся, когда он был начальником курсов повышения квалификации

Наркомата железнодорожного транспорта. Дальше были ссылки. Папу арестовывали несколько раз. Последний — 19 февраля 1936 года в его ссылке в Омске. Всего в ссылке отец пробыл 8 лет. Когда я знакомилась с уголовным делом, я прочитала протоколы допроса, где отец писал о том, что люди жили в землянках и не получали никакой медицинской помощи. Что меня поразило — в документах также был блокнот, где отец записывал особенности подросткового возраста. Я узнала, что папа был организатором детских домов в Крыму и Севастополе и работал там. Видимо, он надеялся дальше работать с детьми, когда выйдет...

Его обвинили в контрреволюционной и террористической деятельности, и 2 октября 1936 года в Москве Военной коллегией Верховного суда СССР он был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Отца расстреляли на следующий же

Папу арестовывали несколько раз. Последний — 19 февраля 1936 года в его ссылке в Омске.

день. Прах его захоронен на Донском кладбище.

19 июня 1936 года арестовали и маму. Ей предлагали отказаться от отца, но она была верна его памяти. Почти год мама провела в Красноярской тюрьме. Ее, как и отца, обвиняли в контрреволюционной деятельности, а 25 апреля 1937 года приговорили к высшей мере наказания. Маму расстреляли в Красноярске. К сожалению, место ее захоронения неизвестно.

Меня воспитывали мамины родственники. А своей второй мамой я считаю тетю, родную сестру моей мамы Букатую Эсфирь Иудовну. Эсфирь приехала в Москву в конце 1930-х годов вместе со своим мужем Букатым Виталием Георгиевичем, который был вызван из Красноярска на работу в Наркомат земледелия. Оба они учились в Тимирязевской академии. В 1937 году из Красноярска туда привезли и меня.

Родные поменяли мне фамилию, чтобы никто никогда не узнал правду. Долгое время я жила под именем Букатая Зинаида Витальевна.

25 июля 1937 года Виталия Георгиевича арестовали. Как рассказывала бабушка, во время обыска с лестницы пятого этажа сбрасывали игрушки и книги — искали подпольную литературу. Была зима, а его забрали в легкой одежде. Когда Эсфирь была у него на свидании, он попросил принести валенки, так как в ближайшие дни их должны были отправить по этапу. Когда она рано утром привезла мужу в Бутырку валенки, передачу не приняли, потому что его уже не было. Она решила, что его этапировали в какое-то другое место, и корила себя за то, что так и не успела ему их передать. Но погнали его не по этапу, а в Коммунарку, где и расстреляли 9 мая 1938 года. Никаких сведений о нем больше не было.

19 июня 1936 года арестовали и маму. Ей предлагали отказаться от отца, но она была верна его памяти.

Я помню, как начиналась война. Немцы бомбили город, мы прятались в бомбоубежище. В конце 1941 года мы отправились в эвакуацию в Красноярск. Вначале мы жили у дедушки, его рубленый дом находился на берегу Енисея. Прожили там недолго, переехали на проспект Сталина к бабушке — Букатой Анисье Изотовне.

В 1942 году мама Эсфирь получила должность зоотехника в совхозе «Красногорский» Главного управления Северного морского пути (Главсевморпуть). Я жила в интернате — это был детский сад, эвакуированный из Ленинграда, от этой же организации. По всей Западной Сибири были совхозы, которые снабжали Главсевморпуть животноводческой и сельскохозяйственной продукцией.

Вскоре нам дали двухкомнатную квартиру, в кухне была большая

печка, которую нужно было постоянно топить. В детский сад я ходить перестала, все свое время проводила в тайге и в телятнике — в лаборатории, где сепарировали молоко. Тайга была прекрасна, сколько ягод — костяники, земляники! Цветы орхидеи «венерин башмачок»...

Вскоре мама Эсфирь вышла замуж второй раз за Григория Николаевича Бурденко. Он демобилизовался, вернулся с фронта с простреленным легким. Человек он был творческий. Разбил у нашего дома цветник, вечерами играл на гитаре, писал нам веселые стихи:

А Букатая Эсфирь
Удивила всю Сибирь —
Вышла замуж за прораба!
Вот отчаянная баба!

В 1-й класс я пошла с куклами в портфеле. Бумаги не было, писали на газетах, и только у меня одной были настоящие тетради,

Меня воспитывали мамины родственники. А своей второй мамой я считаю тетю, родную сестру моей мамы Букатую Эсфирь Иудовну.

разлинованные в две косых, с голубой обложкой и надписью «ТЕТРАДЬ». Так постарался Григорий Николаевич — он их сделал из чертежной бумаги.

Летом 1944 года мы вернулись из эвакуации в Москву. Это было очень радостное событие для всей семьи. Но оказалось, что наша комната занята, и жить нам негде. Уезжая из Красноярска, мы увезли с собой большой чемодан багажа, но, когда его открыли в Москве, вместо вещей там лежал большой кусок рельса, завернутый в старую рваную комбинацию. Так лишились мы одежды, спального белья, остались лишь противни, на которых потом вся квартира пекла пироги. За комнату нам пришлось долго судиться. Мы жили на кухне, спали там, пока остальные готовили еду.

Как-то раз я залезла под кровать и нашла коробочку с какими-то документами и моим свидетельством о рождении... Тогда я узнала,

кто я и кто мои настоящие родители. Я была потрясена, но маме Эсфири ничего не сказала.

Я была самостоятельным ребенком, все делала сама: ездила в парк Горького на станцию юннатов, записывалась в различные кружки, поступала в учебные учреждения. Я всегда была при деле, вечно что-то организовывала и чем-то занималась.

9 мая 1945 года — День Победы... Запомнился особенно. Все улицы и переулки были заполнены народом, а над руинами храма Христа Спасителя висел дирижабль с портретом Сталина в лучах прожекторов. Он был виден изо всех районов Москвы. Так было на всех праздниках до 1953 года.

Когда Сталин умер, я училась на третьем курсе Московского зоотехникума Министерства заготовок СССР. Народ в трауре,

Когда Сталин умер, я училась на третьем курсе Московского зоотехникума. Народ в трауре, у всех мысли — как мы будем жить дальше?

у всех мысли — как мы будем жить дальше? Все ринулись провожать вождя в последний путь. Мы с девочками прошли Волхонку, дошли до Моховой и во дворе геологоразведочного института пытались перелезть через огромную стену. Нас не пустили конные военные, они сдерживали толпу желающих проститься. Это было всенародное горе.

Я окончила зоотехникум по специальности «техник-охотовед-зверовод». В 1954 году меня распределили в город Зею, в контору Заготживсырье, но при распределении произошла ошибка — зверовод там был не нужен, и год я проработала охотоведом.

Когда я ехала на Дальний Восток, поезд шел вдоль берега Байкала. Красота, горы высоченные, а на одной из них — лик Сталина, эски вырубил. Сейчас думаю:

какие мы были зомбированные и зацикленные!

Город Зея тогда состоял всего из двух улиц, это сейчас там живет 23 000 человек. Мне сняли комнату в избе, огороженную досками с огромными щелями. Начала я разбирать чемодан, открыла его, а оттуда как пахнуло «Красной Москвой»... Я расстроилась, расплакалась, что так далеко от дома и от друзей.

Встречали и принимали меня хорошо. Со мной работала товаровед — Нина Медведева, я — Зинаида Волкова. Все хохотали над таким «совпадением». В конторе собирали шкуры битого скота и пушнину, солили, просушивали и товарными поездами отправляли на завод. Я постоянно выезжала в командировки на места, мы вели учет, составляли рационы (суточные нормы питания) для животных, заключали договоры с охотниками на снабжение их оружием и боеприпасами.

В 1986 году я написала письмо М. С. Горбачеву — я очень хотела узнать всю правду о своих родителях.

Как-то в пятидесятиградусный мороз я, укутавшись в тулуп, ехала по застывшей Зее в открытом кузове. У меня пошла носом кровь — может, из-за давления, не знаю, но эта поездка стала для меня решающей: я собралась и уехала в Москву. Поезд пришел в 5 утра. Я ходила по улицам, трогала дома: я дома!

Мне дали направление в школу № 36, она находилась на месте Зачатьевского монастыря. Год я проработала там вожатой. Потом перевелась в Дом пионеров в Неопалимовском переулке. В 1958 году меня назначили заведующей ленинской комнатой в Городском доме пионеров, а через год — заведующей кабинетом натуралистов. В 1960 году я стала заведующей отделом юннатов в Доме пионеров Фрунзенского района. Там меня заметила мама одного мальчика, которая посоветовала мне идти в науку. В 1963 году она рекомендовала

меня в качестве лаборанта в Институт эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи. И начались мои путешествия. Сначала Туркмения — наблюдала за клещами, разносчиками возвратного тифа, потом Дальний Восток — проводили исследования цуцугамуши, лихорадки, пришедшей из Японии. Жили дружно и работали слаженно, нас везде встречали с душой, угощали, показывали местные достопримечательности. Это были незабываемые годы.

С 1967 по 1976 год я работала во Всесоюзном научно-исследовательском институте биосинтеза белковых веществ. Работала старшим инженером в Министерстве медицинской промышленности — оформляла лицензии на лекарства, приходящие к нам из-за границы. Я много ездила по обмену опытом: в Прибалтику, Петрозаводск, Киев, Львов. До конца 1990 года работала

Кто-то из друзей передал мне статью Сергея Медведева о встрече в Мексике с внуком Троцкого — Всеволодом (Эстебаном) Волковым.

в Центральном бюро научно-технической информации, организовывала выставки в стране и за рубежом на темы здравоохранения, изобретательства, рационализации, научно-технического творчества молодежи.

В 1986 году я написала письмо М. С. Горбачеву — я очень хотела узнать всю правду о своих родителях. Вскоре меня пригласили в Военную коллегию Верховного суда СССР и вручили справки о реабилитации отца и мамы, датированные 1956 годом. На дворе стоял 1986 год. Когда я сообщила об этом маме Эсфирь, она была в ужасе, так как всю жизнь прятала меня и сама проходила 9 месяцев в Бутырке. Это закончилось для нее инфарктом.

В 1988—1989 годах появилось множество статей, посвященных 50-летию со дня убийства Л. Д. Троцкого. Кто-то из друзей передал мне статью Сергея

Медведева о встрече в Мексике с внуком Троцкого — Всеволодом (Эстебаном) Волковым. Сева Волков — мой родной брат по папе и сын Зинаиды Троцкой, дочери Льва Троцкого. Я всегда завидовала тем, у кого были родители, братья и сестры. После статьи С. Медведева я узнала, что у меня есть брат. Я написала статью «Я никогда не видела глаз матери и отца» и отправила ее в «Московские новости», где ее опубликовали без правок. После этого мне позвонили из КГБ и принесли документы из уголовного дела моего отца — фотографии, записки, тетрадки.

Мне предстояла командировка в Будапешт, а мой сосед, геолог Иван Шевырев, работал вместе с Валерием Бронштейном, племянником Троцкого, тоже геологом. Тот, в свою очередь, был знаком с Миклошем Куном (сыном Белы Куна¹), который знал Эстебана.

Я всегда завидовала тем, у кого были родители, братья и сестры.

1
Бела Кун
(1886—1938) —
венгерский
и советский
коммунистический
деятель. В ноябре
1920 г. после
установления
в Крыму советской
власти был назна-
чен председателем
Крымского ревкома.
На этом посту стал
организатором и ак-
тивным участником
красного террора
в Крыму. Активный
деятель Коминтерна.
Арестован в 1937 г.
по обвинению
в контрреволюцион-
ной деятельности.
Расстрелян.
Реабилитирован
в 1955 г.

В Венгрии мы созвонились с Миклошем, он назначил мне встречу. Тогда же он связался с друзьями Эстебана в США, Англии и Франции, узнал, что тот в Мексике, позвонил ему и рассказал о моем существовании. Сева утратил русский язык, так как в семье говорили только на французском. Но между нами завязалась переписка, он пригласил меня в гости. В 2016 году в Москве была его дочь с мужем и детьми, несколько дней я провела с ними, и у нас завязались очень теплые и дружеские отношения. Мы расстались с надеждой, что встретимся в Мексике. Но в 2017 году я тяжело заболела и несколько месяцев была прикована к постели, так что пока мечта встретиться с братом не осуществилась. Сейчас Эстебану (Всеволоду) Волкову 93 года. Он жив, здоров, и мы с ним на связи, общаемся.

Анна Удалова:

«Я очень боялась на первой встрече задавать вопросы о семье»

Моя волонтерская история началась, когда я поступила на первый курс и решила вступить в социальный отряд университета. Мы с ребятами ездили в приют для безнадзорных животных, в детский дом. В приют для животных я ездила каждые выходные — собаки так радовались, когда видели человека. Наверное, только там можно понять, как страдают брошенные животные. К сожалению, из-за смерти дорогого мне человека я перестала ездить в приют, не было времени почти ни на что. Я перестала посещать ССО «Лучик». Перестала быть волонтером.

Однажды на 4-м курсе увидела объявление, что социальный отряд приглашает на встречу с руководителем социально-волонтерского центра Музея истории ГУЛАГа Варварой Усаневич по поводу новой программы «Психология заботы». Моя бабушка рассказывала мне про события той эпохи. Я захотела сходить.

В маленьком зале собралось несколько человек — в основном волонтеры нашего отряда.

Варвара Усаневич рассказала о программе, о том, что она будет состоять из двух модулей. Первый модуль — подготовка к общению с людьми, у которых родители побывали в лагерях или же они сами там были. Для этого каждую неделю будет лекция с психологом. Второй модуль — это общение, предоставление помощи подопечным. Мне было все интересно, и я решила принять участие в этом проекте.

Моей подопечной стала Галина Николаевна Герман. В лагерях у нее побывали и мать Ольга Михайловна, и отец Николай Сусленников. Я очень боялась на первой встрече задавать вопросы о семье. Но Галина Николаевна была сама не против рассказать историю своей семьи. Первую с ней встречу мы провели очень уютно — за чашкой чая

со сладостями. Она рассказала про своих маму, отца, брата. Показывала их фотографии. Рассказала о том, что пишет сейчас книгу о жизни своей мамы.

Когда приходишь домой к Галине Николаевне, всегда чувствуется ее жизнелюбие, с ней очень интересно общаться, так как она в курсе всех событий, происходящих как в нашей стране, так и в мире. У нее активная гражданская позиция. Помню, поступила я в магистратуру на направление «Экономика». Услышав, что у нас будет читать лекции известный экономист, она сказала: «Это очень здорово, молодец, я смотрела много его выступлений, мне нравится, какие он вещи говорит».

Мне всегда приятно позвонить Галине Николаевне и спросить, как у нее дела, и рассказать о своей жизни...

Вопрос «Почему я стал волонтером?» не так однозначен. Быть полезным другим — важная составляющая ощущения собственной значимости, самоуважения, чувства удовлетворения от своей деятельности. Вместе с тем каждый волонтер находит и что-то, в чем сам нуждается: в более широком и объективном понимании истории страны и народа, в смелом взгляде на собственное будущее и итоги жизни, что-то смыслообразующее в каждом проживаемом дне. Такое сообщество, в котором реализуются и свобода мышления, и свобода общения, и разница мнений без присущего этому явлению напряжения, найти удастся достаточно редко. «Психология заботы» предоставляет возможность создать команду единомышленников.

В. Наумов.

Заметки психолога

«Когда меня стригли, парикмахер удивлялась: “У девочки седые волосы!”»

Я родилась 18 сентября 1927 года в городе Кинешма Ивановской области. Моя мама, Ольга Михайловна Герман, родом с Украины. Она в юности была идеалисткой и большим романтиком. После отделения Польши от России мама оказалась на польской территории. Вступила в компартию Польши, вела активную революционную работу в подполье, за что ее арестовали и прямо из тюрьмы интернировали в СССР. В Польше остался ее бывший муж А. А. Фигельман и их семилетний сын Даня.

Мои родители познакомились во время перехода границы — отец, Сусленников Николай Сергеевич, также был выслан из Польши. Недели две их проверили на заставе, потом отправили в Москву, в Коминтерн, а оттуда в Кинешму. О папе я знаю очень мало, лишь некоторые эпизоды, в основном из маминых рассказов, хотя личность была примечательная. В 1914 году семнадцатилетним

мальчишкой он ушел на фронт, дослужился до офицерского чина, но попал в плен к белочехам. Находился в лагере для военнопленных, сумел бежать оттуда. Он очень хотел вернуться на родину, и ему подвернулся случай — он попал в чешскую разведшколу. Там отец изучал немецкий, английский, чешский, венгерский, румынский, польский языки. По роду деятельности побывал во многих странах мира, был даже где-то в Южной Америке. По какой причине он был арестован в Польше и выслан в СССР, я не знаю. Известно лишь, что он выдал себя за коммуниста, хотя таковым никогда не был. Если бы он попался как разведчик, его бы расстреляли. По документам, изготовленным чешской разведкой, он числился как Иванюк Николай Сергеевич, украинец, в моем свидетельстве о рождении он так и значится.

Несмотря на тяжелое время и безработицу, маму как выслан-

Мама рассказывала, что в 1926 году отца вызывали в ОГПУ — кто-то из его родственников сообщил, что он живет не под своей фамилией.

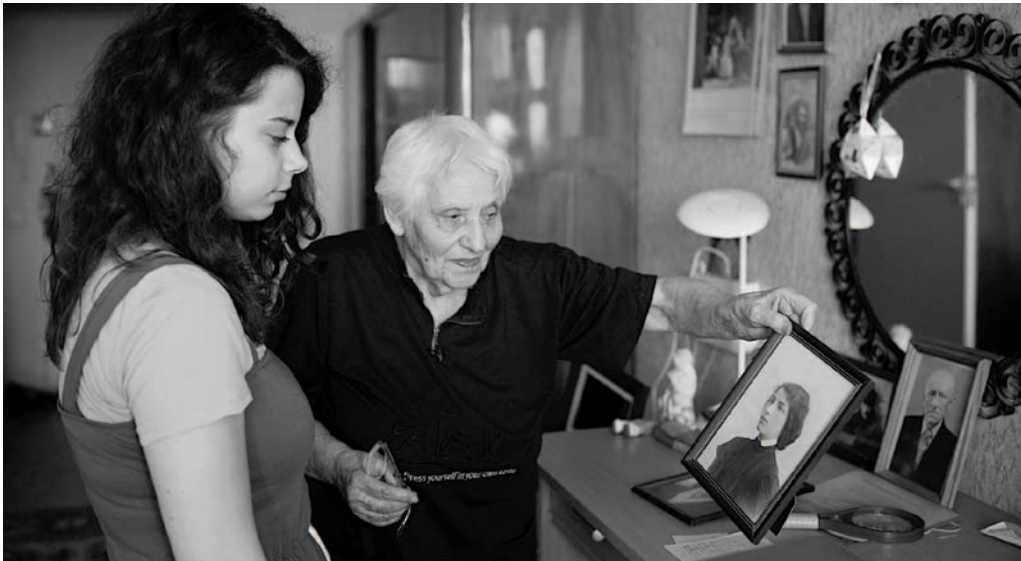
¹
Дзержинский
Феликс Эдмундович
(1877—1926) —
советский
политический
деятель, глава ряда
наркоматов.
В 1917—1926 гг.
председатель
ВЧК-ГПУ-ОГПУ
при СНК СССР.

ную из панской Польши коммунистку сначала трудоустроили в бухгалтерию фабрики, а через какое-то время выбрали народным судьей. Отец был «избачом» в центре по внедрению и распространению культуры в массы, работал по ликвидации безграмотности, а потом преподавал в школе немецкий язык. Примерно в 1926 году к нам приехал мой брат Даня. Отец его впоследствии усыновил. Мы с Даней с детства любили друг друга, и в трудные времена он всегда был мне опорой.

Мама рассказывала, что в 1926 году отца вызывали в ОГПУ — кто-то из его родственников сообщил, что он живет не под своей фамилией. С ним беседовал Дзержинский¹, предлагал как опытному разведчику работать в «органах», но отец отказался. По словам мамы, эта работа была ему не по нутру, он хотел спокойной жизни. Видимо, в ОГПУ это не понравилось, и в 1929 году отца

арестовали. Мама тогда работала в Кинешминском горкоме партии. Брак моих родителей не был официально зарегистрирован, и в 1930 году мама, Даня и я отправились в Москву, так как маме пришел оттуда вызов на партийную работу. Мне было 3 года, а брату 13.

Остановились мы у бабушки по отцу — Александры Григорьевны Сусленниковой в общежитии для работников НКПС (Народного комиссариата путей сообщения) на Земляном Валу. Там же, в одной из комнат, жила сестра папы — тетя Тоня. Через несколько лет, в 1938 году, Тоню арестовали по 58-й статье и отправили в лагерь на 8 лет — арест был связан с ее увлечением языком эсперанто. Бабушка маму не любила, и мама оставила нас с Даней, а сама стала жить отдельно. Даню, как я теперь понимаю, бабушка тоже не слишком жаловала, ведь он не был ее внуком. И вскоре мама устроила

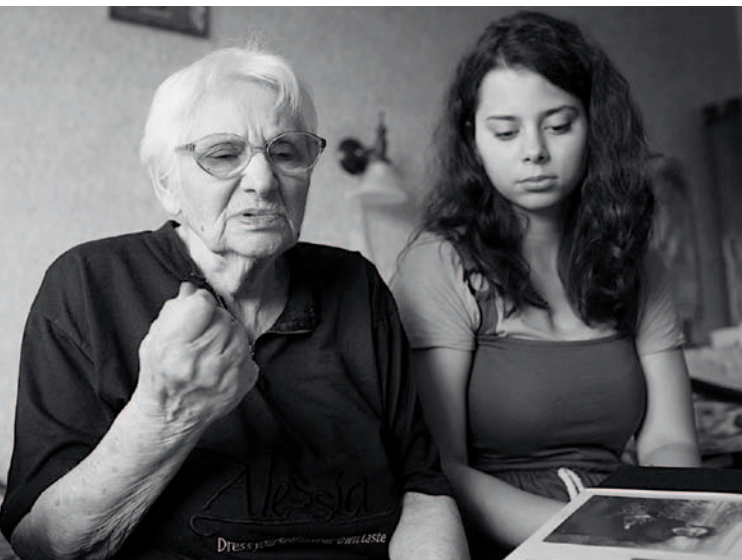
Начался обыск, перетрясли буквально все вещи и книги. Меня удивило, что прощупали даже аппликацию из ленточек, висевшую на стене.

его в детский дом № 26 в Еропкинском переулке. Он был одним из лучших в Москве: хорошее питание, условия, воспитание. Мама считала это временным выходом из сложной ситуации.

В Москве мама работала в парткабинете вместе с Екатериной Ворошиловой, женой Климента Ворошилова², была заведующей отделом НИИ библиотекосведения рекомендательных библиографий. Там же она познакомилась с моим отчимом — Петром Буминым. Поступила учиться в Академию коммунистического воспитания им. Крупской, а потом ее перевели в Университет преподавателей общественных наук. В 1932 году мама заболела туберкулезом. Ее отчислили из университета, и она долго лечилась в туберкулезном санатории в Крыму. После выздоровления она перевелась в Институт красной профессуры. Ей предоставили комнату на улице Усачева, рядом с Новодевичьим

монастырем. Меня забрали от бабушки, а Даня остался в детдоме. Мы жили вдвоем в одной комнате: я, мама и отчим. Но вскоре переехали в общежитие гостиничного типа — новый шестиэтажный дом, только что отстроенный на Большой Пироговской улице, где мы прожили до 1937 года. Нам выделили две комнаты 10 и 16 кв. метров, соединенных маленькой прихожей. Вся мебель была казенной, с номерками. Двери прихожей выходили в длинный коридор, в конце находились два санузла — мужской и женский, большая кухня. В шестнадцатиметровой комнате жили мама с отчимом, а в маленькой — я с домработницей бабой Дуней. Данин детдом находился от нас недалеко — три трамвайные остановки, и поэтому он часто приходил к нам в гости. В 1935 году, окончив десятилетку, он перебрался к нам насовсем, и мне вообще стало весело: он со мной играл, учил шахматам, боксу, я обожала петь с ним дуэтом.

2
Ворошилов
Климент Ефремович
(1881—1969) —
один из высших
руководителей
партии и государства.
Входил в ближайшее
окружение
Сталина; один
из организаторов
массовых репрессий
1930-х —
начала 1950-х гг.

Утром я ушла в школу. Как забирали маму, я не видела. Мама рассказывала, что ее увозили в фургоне «Хлеб».

Мама много работала, и укладывать меня спать приходилось бабе Дуне. Помню, она надевала мне наушники, и я засыпала, слушая интересные передачи по радио. В вечерние часы всегда передавали какие-нибудь спектакли. Если мама приходила домой пораньше, она мне на ночь читала мифы Древней Греции, рассказывала сказки.

Но вот грянул гром, кончилось мое беззаботное счастливое детство. Я слышала о вредителях, предателях, шпионах и диверсантах, мама с отчимом, понижая голос, обсуждали аресты у них в институте. Об этом говорили по радио, писали в газетах: «Народ выражает свое возмущение, требует смерти врагам народа, извергам и отщепенцам!» Возмущалась и я: какие мерзавцы, занимались вредительством, взрывали шахты, покушались на жизнь наших любимых вождей, отравили ртутью Максима Горького, застрелили Сергея Миро-

новича Кирова! В нашем доме уже привыкли, что каждую ночь подъезжала машина и кого-то увозила.

Ночь на 4 сентября 1937 года. Мы все спим. 4 сентября — день рождения Дани, ему исполнилось 20 лет. Через четыре дня мама должна была защищать кандидатскую диссертацию. 17 сентября мне исполнилось 10 лет. Грубый стук в дверь меня разбудил. Вошли трое мужчин и одна женщина, наш домоуправ. Я не испугалась, ведь это было обычное дело — наши зоркие органы безопасности выполняют свои обязанности, ищут врагов народа. Но нам-то бояться нечего, в семье таких нет... Начался обыск, перетрясли буквально все вещи и книги. Меня удивило, что прощупали даже аппликацию из ленточек, висевшую на стене. Нашли библию и еще какую-то религиозную литературу, поинтересовались, чье это. Отчим сказал, что это его

Помню, как в первый день в детдоме меня посадили стричься под машинку. Такого насилия над собой я допустить не могла, сопротивлялась и плакала.

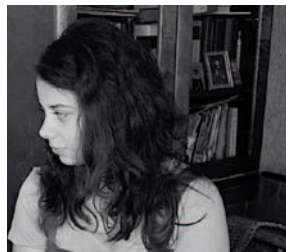
книги, он пишет работу на анти-религиозную тему. Мама спокойно сидела на моей кровати, гладила меня по голове. Что она чувствовала тогда? Ведь она не была наивной, все знала и понимала.

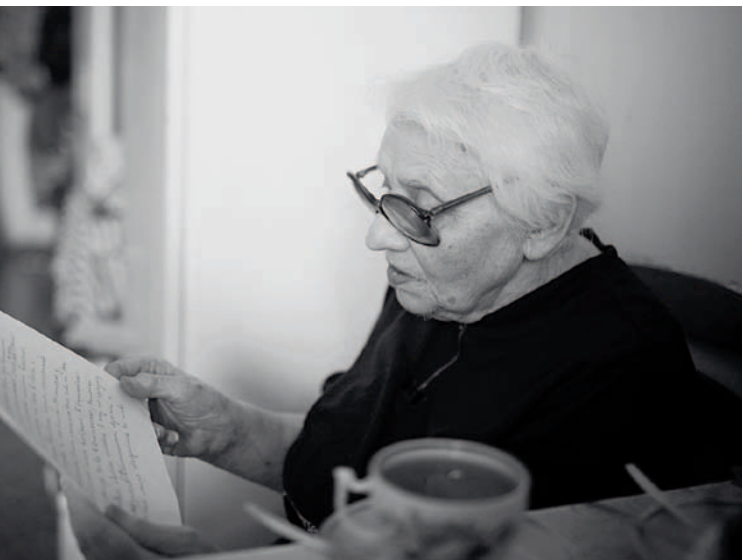
Утром я ушла в школу. Как забирали маму, я не видела. Мама рассказывала, что ее увозили в фургон «Хлеб». Вечером я долго сидела у лифта и ждала ее. На сердце было тревожно. Вот, лифт едет! Нет, остановился ниже этажом.... Мама так и не вернулась. Этот звук поднимающегося лифта долго еще отзывался во мне. Я спрашивала у Дани, где мама? Он говорил, что уехала в санаторий. Я ухватилась за эту ложь и не допускала иных мыслей.

28 ноября 1937 года Особым совещанием при НКВД СССР маме было предъявлено обвинение: «За контрреволюционную деятельность Герман-Фигельман О. М. приговаривается к заключению

в ИТЛ на срок 10 лет по статье 58...» Этапом ее отправили в один из лагерей Казахстана. Мой отчим «за потерю бдительности» был выслан в Ижевск, на свое прежнее место жительства. Он забрал все ценные книги, особенно мне было жалко «Жизнь животных» Брема. Мы с Даней остались вдвоем в маленькой комнате: 16-метровую комнату забрали. Брата исключили из комсомола. Будущее было туманным, и Даня уговорил меня идти в детский дом. Убедил, что там замечательная библиотека, я очень любила читать, и что он будет часто меня навещать.

Хорошо помню, как в первый день в детдоме меня посадили стричься под машинку. Такого насилия над собой я допустить не могла, сопротивлялась и плакала. Но мне пообещали, что стричь будут под первый номер, не под нулевку, то есть волос немножко оставят. Я поверила, согласилась и меня

Когда началась война, детдом эвакуировали. Мы голодали и очень мерзли, ходили до морозов босиком.

остригли наголо. Это был ужасный обман. Оказывается, в детдоме периодически и мальчиков, и девочек стригли наголо, так боролись со вшами. Когда меня стригли, парикмахер удивлялась: «У девочки седые волосы!»

В детдоме существовал такой порядок: выучил уроки, можешь идти гулять во двор. В первый же день после школы я пошла гулять. Очень скоро меня вызвала воспитательница и поинтересовалась, как у меня обстоят дела с домашним заданием. Я сказала, что все прекрасно за исключением задачи — с арифметикой у меня всегда были нелады, но я никогда не утруждала себя думать над сложными решениями. Здесь этот номер не прошел, меня заставили думать и решать. Учились мы в общей школе вместе с «приходящими», так назывались домашние дети. Наш детдом считался показательным — с хорошей библиотекой, художественной

самодеятельностью, над нами даже шефствовал театр им. Е. Вахтангова, и был кружок Третьяковской галереи. К нам часто привозили гостей из дружественных стран. Если мы себя плохо вели или нерадиво учились, нам грозили переводом в другой детдом. Жили мы мирно, «дедовщины» не было. Думаю, что все дети оказались там по той же причине, что и я. Но никто не делился своей прежней жизнью, никто не рассказывал о своих родителях. Это было неписаным табу.

Когда началась война, детдом эвакуировали в Пензенскую область. Мы голодали и очень мерзли, ходили до морозов босиком. У всех детей были вши и чесотка. Но на полях работали наравне с колхозниками — всё для фронта.

В 1941 году, когда немцы подошли к Москве, Даня работал на электрозаводе. Предприятие эвакуировали, а брат пошел воевать. У него

«Ничего я подписывать не буду, — сказала мама. — Расстреливать меня можно и без моей подписи».

было много ранений, и в 1944 году его демобилизовали как инвалида войны. В том же году Даня забрал меня к себе в Москву. Ему дали временное жилье на Большой Почтовой улице, так как наш дом на Пироговке был «законсервирован» (все жильцы были арестованы).

Связь с мамой прервалась: больше года ни мама о нас, ни мы о ней ничего не знали. В начале войны многим арестованным по 58-й статье меняли приговоры на расстрел. То же произошло и с мамой. Ее перевели в одиночную камеру для смертников, где она пробыла почти год. Каждую ночь ждала, когда ее расстреляют. Однажды ее потребовали подписать какую-то бумажку. «Ничего я подписывать не буду, — сказала она. — Расстреливать меня можно и без моей подписи». Тогда старший офицер прочел ей постановление, где было сказано об отмене смертной казни. По какой причине прекратили рас-

стреливать, неизвестно. Ходили слухи, что вмешались союзники: сыновья на фронте, а родителей расстреливают.

После отмены расстрела мама сразу начала нас искать. Адреса детдома в эвакуации она не знала, поэтому написала письмо Якову Александровичу Фигельману, брату ее первого мужа. Он жил в Москве, и, когда Даня вернулся с фронта, Яков Александрович передал ему мамино письмо, так наша переписка возобновилась.

В сентябре 1947 года закончился мамин 10-летний срок. Она осталась жить в Дзезказгане, в доме моего отца Сусленникова Николая Сергеевича. Об их встрече я ничего не знаю. Вероятно, они нашли друг друга на территории лагеря. Мама периодически работала на лагерном кирпичном заводе в здравпункте — то санитаркой, то медсестрой, то зубным врачом, то чабаном, а отец был начальником

Я поступила в радиошколу, которую успешно закончила, но на радиостанцию меня не пустили — я ведь дочь «врагов народа».

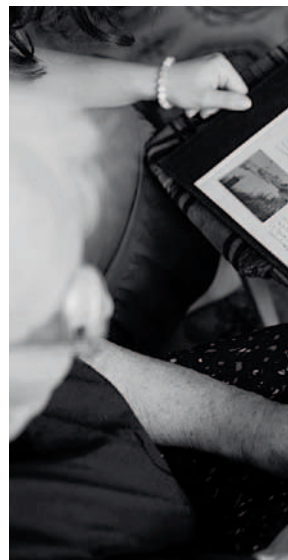
химлаборатории треста Казмедь-строя. Ранее к нему с Колымы приехала его сестра Тоня, освободившаяся после восьми лет лагерей. Примерно в 1948—1950-е годы Тоня перевезла туда свою маму, мою бабушку. Они стали жить вместе: отец, мама, Тоня и бабушка. Благодаря отцу мама стала мастером химводочистки, заведовала лабораторией треста. Воду для технических целей в Джекказгане необходимо было очищать, так как в ней было много железа. За свою работу маме была назначена премия, которую она не получила из-за очередного ареста 11 января 1950 года.

Дело было так...

Маме пришлось время менять паспорт. Работник паспортного стола конфиденциально предложил ей сделку: «Не хотите получить чистый паспорт? Свободно сможете уехать в свою Москву и увидеть уже наконец своих детей...» Кто же не захочет! Столько денег, сколько он

запросил, у нее не было. Но мама собрала нужную сумму, взяв в долг у знакомых и друзей. Вернулась в паспортный стол, нашла этого милиционера, протянула деньги, и в этот момент в комнату вошли три милиционера. Немедленно был зафиксирован факт дачи взятки должностному лицу. В этот период были очень распространены подобные провокации для повторных арестов. Нельзя было политических отпускать на волю. Маме присудили максимальный срок по статье о взятке. В 59 лет она снова вернулась в лагерь.

В 1944-м году я вернулась из эвакуации и пошла в 8-й класс. Но училась я по точным наукам посредственно, поэтому перешла в школу рабочей молодежи. Вечером училась, днем работала лепщицей во Дворце Советов в Лужниках. Но в мастерской было очень холодно, я постоянно болела, и врачи рекомендовали не заниматься глиной. Брат устроил меня в артель

Смерть «отца народов» потрясла всех. Восприняли ее по-разному. Кто-то искренне плакал, кто-то ликовал: теперь все изменится.

«Радиопром», где я работала радиомонтажницей, контрольным мастером, штамповщицей. У меня была мечта: путешествовать. Для этого поступила в Радиошколу, которую успешно окончила, но на радиостанцию меня не пустили — я ведь дочь «врагов народа». Набиралась группа для экспедиции на реку Лену, я должна была быть радисткой. Когда прочитали мою анкету, сказали: «Вы нам понравившись, но у Вас отец, мать и тетя в лагерях...» Я была комсомолкой и недоумевала, Сталин ведь сказал: «Дети за родителей не отвечают». И решила добиваться своего. Написала заявление, пошла к Калинину, но оттуда меня отправили на Лубянку. Сотрудник НКВД забрал заявление и сказал: «Решение сообщат». Позже меня вызвали в райком партии и сказали, что мне верят, но сделать ничего не могут: в стране много воров, шпионов и «...вообще, возьмите другую специальность, что-нибудь по сельскому хозяйству».

Три года я поступала в медицинский институт. В 1951 году, поступая во второй раз, я познакомилась с двумя парнями, они сказали, что работают в институте и помогут мне поступить. На вопрос, кем они работают, с усмешкой ответили: «раздеваем» людей. Я сообразила, что они сотрудники «органов» и занимаются вербовкой. Но студентом я никогда не была и сказала, что буду добиваться всего сама.

Смерть «отца народов» потрясла всех. Восприняли ее по-разному. Кто-то искренне плакал, кто-то ликовал: теперь все изменится. Но и те, и другие были в растерянности: как же будем жить? Я переживала смерть Сталина, не связывая с ним ужасы, которые выпали на долю моей семьи. Медицинститут располагался на Моховой, нам сказали, что оттуда мы организовано пойдем хоронить Сталина. Я пыталась туда пробраться, но все улицы и переулки были перекрыты. Слава богу, мне не удалось. Было

Мария Искрина:

«Проект мне понравился, мне было понятно, зачем я там»

Я работаю школьным психологом и классным руководителем, в том числе в летних межсезонных лагерях и по различным подростковым программам. Я каждый год повышаю квалификацию, сейчас прохожу переподготовку по клинической психологии, а также осваиваю когнитивно-поведенческую психотерапию. Шесть лет назад я переехала из родительского дома, теперь живу вдвоем с котом.

Я знала, что у Музея истории ГУЛАГа есть волонтерская программа с подопечными — жертвами сталинских репрессий. Можно к ним выезжать, гулять вместе, помогать мыть окна. Но у меня никогда не вызвала интереса работа с пожилыми людьми. Я каждый раз смотрела и понимала: нет, без меня — я в архивах могу работать, смотрителем, еще что-то... Однажды Варя пригласила меня на чаепитие с подопечными, у меня чудом совпало время — обычно подобные мероприятия происходят в то время, когда я работаю. В школе были каникулы, и я решила, почему бы и нет. А потом я увидела набор на проект «Психология заботы». Мне понравилось то, что я не буду менять подопечных, тратить ресурсы на вхождение в контакт, а это будет один человек — бабушка или дедушка, с которым я буду взаимодействовать, и главное — это ограничено по времени — 4 месяца.

Мне показалось это интересным и осмысленным — фиксация воспоминаний. Я представляла себе работу с подопечными как бытовую помощь, в ходе которой, конечно, могут быть какие-то воспоминания, истории из жизни, но это не является целью. Цель — помочь, донести, отвезти, что-то сделать по хозяйству, как это делает социальный работник, который приходит домой. Я понимала, что это важно, здорово, но ничего, кроме благотворительности, я не видела. У меня, к сожалению, нет такой возможно-

сти, если учитывать, что я работаю в школе с подростками, с родителями, с педагогами, то есть много общаюсь, консультирую и помогаю каждый день. Если честно, в какой-то момент хочется закрыться в квартире, не отвечать на звонки, тихо посидеть с книжечкой под пледом. А тут еще одна деятельность и тоже связана с людьми, снова что-то отдаешь и что-то делаешь. Но этот проект мне понравился, мне было понятно, зачем я там.

Психологическая поддержка проекта — лекции и занятия с волонтерами — была очень грамотной. Мне было радостно сознавать, что волонтеры могут послушать их и взять на вооружение полученные знания, потому что это очень важно. Здорово, что были групповые психотерапевтические встречи, это то, чего всегда не хватает в такой деятельности. Ощущения, что ты не один, тем более волонтеры разбросаны по разным концам Москвы. Возможность прийти, собраться и выговориться — это бесценно.

Выбор подопечной был обусловлен исключительно территориально. Дандурова Кима Алексеевна живет в Сокольниках. Перед первой встречей было волнительно — ведь идешь домой к незнакомому человеку. Да, ты считаешься волонтером, но по факту у тебя нет никакого специального подтверждения, ты — человек с улицы. Хотя и по договоренности, но ты врываешься в чужое интимное пространство.

Кима Алексеевна сварила мне кофе. Было видно, что ей непросто передвигаться, но она все равно хлопотала. Помню, пили кофе из гжельского сервиза, маленьких чашечек. Это было как-то особенно. Я не знала, как будет происходить наше общение, насколько Кима Алексеевна будет к нему готова. Я взяла блокнот, решила, что буду все записывать.

Мы просидели пять часов, хотя изначально я планировала просто познакомиться, установить контакт и договориться о следующей встрече. Но мы очень долго разговаривали, и я корила себя, что не сразу включила диктофон. Она много рассказывала о своем детстве. Мне было трудно — вот я, абсолютно незнакомый человек, пришла и сразу полезла в травму детства. В какой-то момент Кима Алексеевна попросила время — заплакала, вспомнила что-то. Я чувствовала себя мучителем, который спрашивает о том, что человек не то чтобы хочет оставить в прошлом, он будет помнить об этом каждый день своей жизни, но что неизменно доставляет боль. Я поняла, что нельзя вот так вскрывать, а потом — спасибо за воспоминания, я пошла. Я растерялась и не знала, как с ней обойтись, чтобы, с одной стороны, поддержать, а с другой — продолжить тему, которую мы обсуждаем. Это было не очень бережно, на мой взгляд. Но для Кимы Алексеевны очень важно, чтобы история ее отца не забылась после его смерти. Она готова много и многим рассказывать о его жизни, чтобы увековечить его имя в истории.

С Кимой Алексеевной мы встречались нечасто. Второй раз я приехала через неделю или через две, потому на день рождения, привезла цветы от музея. Все остальное время мы созванивались, причем разговоры были достаточно короткие: как здоровье, как дела, как настроение? У Кимы Алексеевны не было жесткой потребности в постоянном

контакте, или, по крайней мере, она мне не транслировала. Я слышала от других волонтеров на терапевтических встречах, что сам подопечный звонит, спрашивает, почему так мало приезжаешь. Я спрашивала у Кимы Алексеевны: «Нормально, если я приеду через неделю-две?» Она отвечала: «Отлично, я сейчас своими делами занимаюсь».

Мы обе как-то гибко к этому относились.

Когда я слышала ее историю — как она жила, строила отношения с людьми, с собой — поражалась, как можно так стойко переносить вызовы судьбы, сохранять себя и преодолевать многое. Нет, я не считала, что люди с опытом травмы как-то по-другому развиваются... Но сколько силы в человеке! Много тепла потеряно, некому было его дать, и, несмотря на это, человек смог прожить интересную, насыщенную жизнь.

Кима Алексеевна живет скромно, ей достаточно самого необходимого. У нее большая общественная нагрузка, она руководит обществом репрессированных в Сокольниках. Ей постоянно кто-то звонит, она ведет очень активную социальную жизнь.

Самым сложным в волонтерстве для меня было сравнение с другими волонтерами и ощущение того, что я делаю недостаточно. Хотя сколько это «достаточно», ты даже для себя не можешь четко сформулировать, но чувствуешь, что как-то не так. Мучают размышления, имею ли я право оставаться в проекте, могу ли я называться волонтером, если я делаю совсем немного? Я поняла, что мое первое ощущение правдиво: я больше люблю методическую работу в музее. Там есть конкретные ориентиры того, что ты делаешь и сколько.

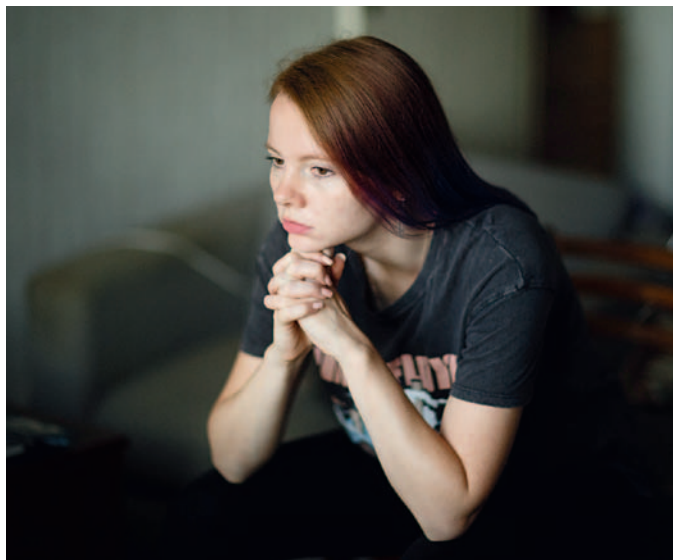
«Отца арестовали 13 февраля 1936 года, а я родилась после ареста, 27 февраля»

Мой отец — Дандуров Алексей Степанович — происходил из интеллигентной армянской семьи, жившей в Тифлисе. Мой дед, Степан Алексеевич, был известным революционером Закавказья, провел полжизни в царских тюрьмах, участвовал в становлении советской власти в Грузии. Его портрет и биография находятся в Музее революции¹. Его семья жила на улице Камо в двухэтажном доме, построенном еще прадедами. После революции дед-большевик отдал дом государству.

Улица Камо узкая, мощенная булыжником, фактически была двором, где проходили игры детей из близлежащих домов. По этой улице иногда проезжал мацонщик с повозкой, запряженной ишаком, выкрикивая: «Мацони! Мацони!», зазывая хозяек. Это было место, где собирались все окрестные мальчишки: играли в подвижные игры — салки, лапту,

казаки-разбойники. Фактически ребята росли на этой улице, и все друг друга знали. Повзрослев, они же увлеклись чтением троцкистской литературы и, возмнив себя революционерами, распространяли по заводам брошюры и листовки с прокламациями. Отец тоже получил две брошюры, но, когда пришел с ними домой, напоролся на бурную реакцию деда-большевика. Дед, разогнав «революционную» компанию, отправил учиться отца и лидера молодежного движения по фамилии Юдин в Москву, в Автодорожный институт.

Окончив институт, отец работал на заводе, быстро продвигался по карьерной лестнице и вскоре стал директором автобазы в «Интуристе». При вступлении в партию пришла анонимка: якобы отец имел отношение к троцкистскому движению. Его арестовали 13 февраля 1936 года, обвинив в контрреволюционной троцкист-

Отца арестовали, обвинив в троцкистской деятельности, несмотря на то, что Дандуров в списках троцкистов не числился.

¹ Государственный центральный музей современной истории России (до сентября 1998 г. Музей революции)

ской деятельности, несмотря на то, что Дандуров в списках троцкистов не числился. И, как следует в допросах дела отца в НКВД, где ему вменяли и дружбу с Юдиным, он ее отрицал. В Москве они не общались: жили в разных общежитиях и учились на разных факультетах. Судьба Юдина трагична: во время поездки на каникулы домой его сбросили под поезд. Нет человека — нет проблем.

Отца осудили на три года и отправили на Колыму, в Северо-Восточный лагерь. Два года он работал на рудниках по добыче золота. Во время заключения в 1938 году он был необоснованно обвинен в принадлежности к антисоветской повстанческой организации (которой на самом деле, по словам следователя Магаданского КГБ, не существовало) и приговорен к расстрелу. Расстрелян по свидетельству о смерти «13, 14, 15 апреля 1938 года». Таким обра-

зом, за прочтение двух брошюр о Троцком отец был расстрелян в 1938 году на Колыме.

Отца арестовали 13 февраля 1936 года, а я родилась после ареста, 27 февраля. После расстрела отца меня с братом Степаном отправили в детский дом в город Мензелинск Татарской АССР. Помню об этом периоде мало: мне было очень одиноко. Помню в детдоме террасу, где стояли холодные железные койки, и детей опухших от голода. Было голодно, холодно. Мы рылись на помойках в поисках пищи. Помню, ужин — три картофелины в мундирах, необыкновенно вкусные, я их до сих пор не забыла. Степка был избалован любовью родителей и всегда что-то требовал, скандалил. За это частенько получал от воспитательниц, которые и организовывали иногда с помощью детей ему темную. Я должна была стоять рядом и воспринимать это как «урок». Я стояла,

За прочтение двух брошюр о Троцком отец был расстрелян в 1938 году на Колыме.

давясь рыданиями, так как и плакать было запрещено. Детство сиротское — черная дыра, с тоскливым, болезненным чувством одиночества.

Мать была неграмотной, из многочисленной семьи трактирщика, спившегося впоследствии.

Она в силу своего воспитания ходила по кабинетам следователей, кричала и стучала кулаками, доказывая, что отец ни в чем не виноват. И однажды, чтобы она не мешала работать сотрудникам органов, была вызвана машина, на которой ее отправили в психбольницу (что, кстати, спасло от расстрела). Вышла она обозленным, циничным, большим человеком. И не сразу решилась забрать нас из детского дома, так как не на что было нас содержать. Денег не было, на работу устроиться она не могла. Меняла запчасти от мясорубок на картошку в деревнях. Занималась изготовлением крема и его

продажей на улице. Иногда подрабатывала мытьем полов, стиркой.

После детского дома мы пошли в обычную школу. В школах полагалась материальная помощь, но нам ее не давали, так как мы были дети «врагов народа». Мне постоянно хотелось есть, и мое пребывание в школе проходило в ожидании второй перемены, на которой давали баранку и две ириски.

Я росла беспризорной. Спасал Дом пионеров, я посещала разнообразные кружки. Мое воспитание было из книг зарубежной и русской классики.

Мой первый муж — Мамедов, учился в консерватории по классу гобоя, прекрасно играл на фортепиано, чем и пленил меня. Музыка и по сей день для меня настоящий наркотик, разрушающий привычное мировоззрение. В замужестве родился сын, вскоре мы разошлись.

У меня всегда было ощущение, что я прожила чужую судьбу. Самое ужасное — одиночество и незащищенность.

Я жила с матерью и сыном, работала секретарем в строительной организации. Поступила в студенческую любительскую киностудию, где снялась в фильме «Олеся» по Куприну. Он был показан на фестивале, после чего меня стали приглашать на киностудию «Азербайджанфильм», где я снялась в фильмах «Настоящий друг», «Телефонистка», «Лейли и Меджнун», «Красавицей я не была». В Ереване — «Голоса нашего квартала», и на «Мосфильме» — «Это сладкое слово свобода».

Со своим вторым мужем-шахматистом я познакомилась в Баку. Там проходили съемки, а он участвовал в шахматном турнире. По просьбе мужа, часто уезжавшего на соревнования, и в связи с тем, что мне бы тоже пришлось часто отсутствовать в поездках, я оставила свою карьеру, посвятив себя устройству быта в семье. Превратившись в домашнюю хозяйку и впав

в материальную и психологическую зависимость, я перестала интересоваться мужем. И прожив 16 лет, мы разошлись.

У меня всегда было ощущение, что я прожила чужую судьбу. Самое ужасное — одиночество и незащищенность. Отца расстреляли, мать изуродовали. Пережив сиротское детство, тоскливое болезненное чувство одиночества, стала остро чувствовать чужую боль. Сегодня я представляю общество репрессированных в районе Сокольники, стараюсь помогать одиноким людям, пережившим сталинские репрессии.

Галина Мазина:

«Волонтеров часто спрашивают: почему вы это делаете?»

Каждый подопечный, к которому я приходила, всегда задавал один и тот же вопрос: «У вас в семье тоже кто-то пострадал?» Нет, в моей семье такого не случилось. Но мимо темы ГУЛАГа я не могла пройти, потому что много читала и смотрела о Холокосте и войне. Впервые попала в Музей истории ГУЛАГа, когда он располагался еще на Петровке. Было очень интересно, и мне хотелось вернуться туда еще. Второй раз, уже в новом здании, музей снова меня впечатлил. Тогда же я увидела объявление о наборе волонтеров и решила оставить свои контакты. Я познакомилась с Варварой Усаневич, руководителем волонтерского центра, и стала волонтером. Помогала на музейных чаепитиях для подопечных, узнавала их поближе. Зимой сопровождала в театры и музеи, а к весне добавилась еще и хозяйственная помощь по дому. Незабываемой была поездка в Коммунарку на открытие монумента «Стена памяти». С одной из подопечных Галиной Денисовной мы нашли на памятнике имя ее отца. Это было сильное эмоциональное переживание.

Когда стартовал проект «Психология заботы», моей подопечной стала Лия Степановна Малинина. Первый раз я пришла к ней просто помыть окна. С того дня началось наше общение. Лия Степановна — чудесный человек, живой и веселый, обожает читать стихи, и мы часто разговаривали с ней о литературе. Она охотно делилась воспоминаниями о своей жизни, молодости, о том, как они с мужем строили в тайге научный город, рассказывала о сыне. Тяжелее всего ей было говорить о репрессированном отце. В ее семье эта тема не поднималась, и даже после возвращения из лагеря о пережитом предпочитали молчать.

Лия Степановна и ее бывший муж Лев Исаакович живут вместе. Однажды зимой меня встретили словами: «Представляешь, Галочка, я уже гуляла несколько раз в сентябре! Лев выводил меня в Тропаревский парк. Мы потихоньку доходили, я садилась на стульчик, а он шел гулять дальше. Потом возвращался и забирал меня домой.... Я была так рада дышать свежим воздухом, слышать пение птичек, и осень-то какая теплая была, просто чудо!» Недавно у Лии Степанов-

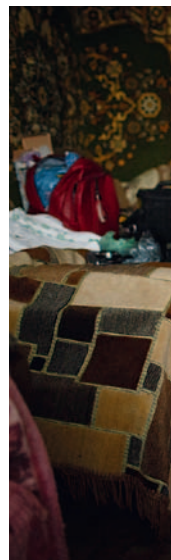
ны появилось специальное кресло, и теперь прогулок и радости будет больше.

Волонтеров часто спрашивают: почему вы это делаете? Что вами движет, когда вы откладываете свои дела и идете к незнакомым людям, дарите им свое время? Вопрос меня всегда смущает. Мне кажется, это нормально — помогать. К пожилым людям я всегда относилась с большим трепетом и уважением, в особенности к пережившим войну и сталинские репрессии. Подопечные вспоминали, что в их молодости таких волонтеров называли тимуровцами. И некоторые из них были в их рядах, так что мы такие же, как они.

Кто Я? Счастлив тот, кто может без труда ответить на этот вопрос. Формирование уверенного представления о самом себе происходит всю жизнь, дополняется новыми смыслами, не терпит тайн и неизвестности. И один из важнейших факторов — это понимание себя как представителя нового поколения, которое унаследовало опыт, трудности, боль, достижения поколений предшествующих.

В. Наумов.

Заметки психолога

«У нас в семье все долгожители, кроме папы: он умер рано, в 62 года, потому что лагеря — это не курорт»

Мой отец, Бабичев Степан Федорович, родился в 1904 году в Саратовской губернии. Уже в 14 лет поступил в университет, так как был отлично подготовлен, в их деревне была хорошая учительница, она обратила внимание на способного мальчика и много с ним занималась. Отец получил высшее образование на историко-философском факультете Саратовского университета. После учебы какое-то время работал директором школы.

Когда родители поженились, маме было 32, а папе 22 года. Он ее бесконечно любил и очень добивался. Мама говорила, что вышла замуж «под дулом пистолета». Отец приставил его себе ко лбу и сказал: «Если ты сейчас же не напишешь своему отцу, что выходишь за меня замуж, то я выстрелю».

Первый раз папу арестовали в Москве, когда он учился на 4-м курсе мединститута, получал уже второе образование. Его осудили по по-

литической статье на 10 лет и отправили в Воркуту. Медицинская профессия отца спасла, он работал врачом на шахте, где заключенные добывали уголь. Один раз мы с мамой к нему приезжали, я была совсем маленькой девочкой. Помню ряды нар с лежащими на них очень худыми людьми. Папа говорил, что теперь их уже не поднимешь, сколько не корми — дистрофия. Он пробыл в лагере больше назначенного срока, его не отпускали. Шла война, отец просился на фронт, но, видимо, в нем нуждались — он был очень хорошим врачом. Благодаря папе в лагере не было цинги — он велел делать отвары из хвои и всех поить. В 1946 году отец сильно заболел. Мама приехала к нему в лагерь и каким-то образом ей удалось его оттуда забрать.

Я училась в 9-м классе, мы жили в подмосковном селе при больнице, где мама работала главным врачом. Папа устроился на работу

Отец отбыл срок, вышел из лагеря и сразу попал на мою свадьбу.

фельдшером и полностью ликвидировал венерические болезни, привезенные солдатами из-за границы. Но так как наше село оказалось на расстоянии меньше 100 км от Москвы, отцу запретили жить в семье. Он уехал и работал фельдшером за 100 км от Москвы, по правилам для бывших заключенных. Отцу приходилось тайком, ночами приезжать домой.

Он открыто выступал на пленумах в защиту крестьянства, считал, что Россия в лице крестьянства обретает столп, на котором стоит. Отсюда наша самобытность, культура, музыка, таланты народные, если разорим крестьян, то будем ввозить продукты из Европы.

И однажды ночью к нам домой пришли с обыском. Всех разбудили, подняли, даже мою кровать перевернули, искали что-то под матрасом. Я не знаю, за что отца осудили. Второй срок он отбывал в мордовских лагерях. Однажды

мы с мамой приехали к нему, но нас не пустили дальше прихожей на проходной. Там мы и встретились — папа, мама и я, а рядом стоял охранник с ружьем.

Отец отбыл срок, вышел из лагеря и сразу попал на мою свадьбу. Вскоре я родила сына Димку, и папа очень этому радовался, не выпускал его из рук. Потом у папы нашелся брат — дядя Даня. Отец в своей семье был самый старший, их было 15 детей, если я не ошибаюсь. Но жизнь их разбросала еще в детстве, они потеряли друг друга. Дядя Даня папу нашел, братья встретились и были уже неразлучны. Дядя был солистом Мариинского театра, прожил долгую жизнь и умер в возрасте 90 лет в Америке. У нас в семье все долгожители, кроме папы: он умер рано, в 62 года, потому что лагеря — это не курорт.

Отца реабилитировали в 1955 году.

Елена Касаткина:

«Александр Андреевич буквально заряжает жизнью, понимаешь, что со всеми трудностями можно справиться»

Когда я заинтересовалась психологией, у меня возникла потребность узнать свои корни: кто были мои прадедушки и прабабушки, чем занимались, откуда родом. К сожалению, уже ушли из жизни мои деды, и многое кануло в лету. Я узнала, что репрессии «прокатились» и по моей семье: предки по маминной линии — староверы, они были раскулачены. Бабушкина сестра сидела в тюрьме — в военные годы был очень сильный голод, и она украла в колхозе зерно, чтобы прокормить пятерых детей. Брат прадеда по отцовской линии в 1937 или в 1938 году просто пропал...

Разобраться в жизни своих предков мне очень помог Музей истории ГУЛАГа. Я узнала, что туда приглашаются волонтеры для расшифровки аудиоинтервью. Помню, подумала, какая интересная работа — слушать истории из первых уст. Заполнила анкету и написала по указанному адресу.

Сначала мне прислали на расшифровку маленький кусочек интервью, всего 10 минут — о депортации чеченцев и ингушей. Я настолько увлеклась, что в следующий раз взяла часовую фрагмент, а потом стала брать на расшифровку полные интервью по 3—4 часа. Это было захватывающе, но эмоционально тяжело. Случалось, слушала интервью и плакала. Сколько сломанных судеб, сколько несправедливости! Но поражали стойкость, мужество этих людей, сила духа. А потом мне предложили участие в проекте «Психология заботы», и я сразу согласилась, ведь у меня появился шанс напрямую пообщаться с человеком, пережившим репрессии — живым свидетелем истории. Как бы ни была болезненна наша история, ее нужно знать, это опора для нашего будущего.

Моим подопечным стал Александр Андреевич Грицаюк. Ему 90 лет, он живет один, жена умерла

пять лет назад, детей у них не было. Я позвонила, и мы договорились о времени моего визита. Купила конфет к чаю и поехала. Первая встреча была волнительной, я не знала, как себя вести, что говорить. Когда же речь зашла о музее, напряжение спало. Александр Андреевич начал с гордостью рассказывать, как у него брали интервью, как приглашают на различные музейные мероприятия. Разговорившись, он провел небольшой экскурс в историю страны, рассказал о своих родных местах, о том, как познакомился со своей женой. В тот день началась наша дружба. Он радуется, когда я приезжаю или звоню ему, и это взаимно.

Впервые увидев Александра Андреевича, я не могла поверить, что ему 90 лет. Это очень крепкий, подвижный человек. Он без страха путешествует на любые расстояния — как-то я позвонила справиться о его здоровье и в ответ услышала, что он уезжает на Украину. Невзирая на проблемы со здоровьем, он всегда настроен оптимистично. И я заметила, что неизменно подпитываюсь его оптимизмом. Он буквально заряжает жизнью, понимаешь, что со всеми трудностями можно справиться.

Александр Андреевич избегает давать оценку политике, не лю-

бит говорить о своем отношении к Сталину. Поразительно, «вождя народов» уже более полувека нет в живых, но жившие в то время до сих пор боятся или не хотят о нем говорить.

Глядя на них, прошедших огонь и воду, я все время задаю себе вопрос: а как бы я пережила этот опыт, смогла бы вообще его пережить? Я рада, что у меня есть возможность услышать реальные истории людей, испытавших ужас репрессий, зафиксировать и передать их современникам и будущим поколениям, чтобы больше никогда такое не повторилось.

«Нас обвиняли в том, чего мы не совершали, но наши оправдания никого не интересовали»

Я родился в 1929 году на Украине, хотя до 1939 года это была территория Польши. Потом эти земли стали советскими. Мне было 17 лет, когда меня арестовали, я успел только полгода отучиться в медицинском училище в Луцке. Нас было восемь человек, мы шли на станцию, чтобы поехать в Луцк. Нас остановили, проверили документы. Через неделю арестовали. Оказалось, что один из товарищей где-то кому-то наболтал, что нас проверяли бандеровцы¹, и он точно знает, что это бандеровцы. И вот нас обвинили в том, что мы не сообщили в милицию, что у нас проверяли документы, чтобы милиция разобралась, кто это был. На восьмерых студентов было заведено групповое дело. Два месяца я просидел в изоляторе, пока шло следствие. Измучился и уже ничего не чувствовал: что будет, то и будет. Нас обвиняли в том, чего мы не совершали, но наши оправдания никого не интересовали.

17 января 1947 года меня приговорили к десяти годам лагерей, но срок был вдвое сокращен, после того как мы с товарищами подали кассационную жалобу. Так из следственного изолятора я попал сначала в тюрьму, а оттуда — на пересыльный пункт во Львов. Меня распределили в лагерь, который находился на львовском ламповом заводе. Но там я заболел и снова попал на пересылку, откуда меня поездом отправили в лагерь в Карпатских горах. Вагоны были переполнены калеками: кто на костылях, кто без ног, без рук, обгоревшие, слепые. ... За что их всех осудили, я не знаю.

Лагерь располагался на горе в бывшем доминиканском монастыре. Нас гнали туда пешком 40 километров всю ночь. Ну и что, что инвалиды на костылях...

Разбили на бригады, расселили по кельям. Наша отвечала за водоснабжение. На территории был

17 января 1947 года меня приговорили к 10 годам лагерей, но срок был вдвое сокращен после того, как мы подали кассационную жалобу.

1
«Бандеровцы» — так называли участников политического движения украинских националистов, получившего свое название по имени Степана Бандеры, одного из лидеров Организации украинских националистов (ОУН), созданной в 1929 году. Главной целью организации было создание и укрепление самостоятельного единого украинского государства. Борьба советской власти с «бандеровцами» началась в 1944 году сразу после освобождения Западной Украины от немецких оккупантов.

колодец глубиной около 100 метров, из него мы добывали воду. Один человек спускался вниз с обвязанной бочкой, ковшом ее наполнял, а шестеро тянули трос, вытаскивали на поверхность. Спускались в колодец по очереди. Я боялся, ведь если оторвется трос, уже не выберешься. Но меня не спрашивали, очередь подошла — полезай! Или плати пайкой хлеба. Месяц я там побыл, а когда очухался от болезни, меня снова отправили во Львов, в пересыльную тюрьму. Однажды ночью нас погрузили в товарные вагоны и повезли — куда, никто не знал. Чтобы как-то ориентироваться во времени, я считал дни и ночи. Например, сегодня, в пятницу, мы выехали, завтра суббота и так далее. Иногда наш состав загоняли в тупик, и мы стояли по пять, а то и десять часов — пропускали поезд со срочным грузом. Дорога в Сибирь — это одна ветка. Недели через три нас привезли в Новокузнецк. Выгрузили, накормили,

пересчитали: из полутора тысяч выбрали 400 человек со сроками до 10 лет — 300 мужчин и 100 женщин, и погнали в лагерь. Мы шли 150 км пешком по лесной дороге трое суток — и днем, и ночью. Спали на земле, костры разжигать нам не разрешали. Кормились селедкой — рыбину рубили на три части, кому доставалась середина, кому голова, кому хвост, хлеба давали по 300 граммов.

Переправились лодками через речку Томь, и вскоре показались бараки. Лагерь был построен пленными немцами, это было заметно: все было добротным и аккуратным. Там мы, наконец, помылись горячей водой с мылом, побрились, нас накормили, переодели, а одежду отправили в «прожарку», чтобы ни одна гнида не выжила. Через пару дней человек 50 погнали дальше, еще за 15 километров. Пришли мы на место — голая поляна, никаких строений, кругом лес, горы, красотища, словами не пере-

Лагерь располагался на горе в бывшем доминиканском монастыре. Нас гнали туда пешком 40 километров всю ночь. Ну и что, что инвалиды на костылях...

дать. Первым делом нам сообщили, что побег бесполезен: «Даже не пытайтесь. Лес будете валить, но сначала надо построить лагерь: бараки, столовую и баню». Чтобы было где ночевать, сделали себе шалаши. Нам выделили по одеялу, чехлу для матраца и подушки — набивай их чем хочешь. А чем их набьешь?..

Работали споро. Разбились на бригады: одни заготавливали лес, рубили, другие подтаскивали, шурили. Я — деревенский, работать умел, все у меня хорошо получалось. Но питание было плохое, работа тяжелая, и я заболел, покрылся фурункулами. Но строить-то надо! Ведь если норму не выработал, пайку не дадут, да еще посадят в карцер. Я пошел к фельдшеру за лекарством, он глянул на меня — что с тобой делать?! «Мне бы ихтиоловую мазь», — сказал я. Он удивился, откуда я знаю название. Пришлось рассказать, что учился в медучилище. Он за-

интересовался, спросил, какие еще знаю лекарства, попросил написать. «Ты медик, будешь со мной в санчасти работать». И я остался там до нового года. Ничего не знал и не понимал! Никаких лекарств в наличии не было, одна лишь полевая сумка с крестом. Однажды охранник прострелил позвоночник заключенному, меня вызвали к раненому, а я и не знал, как ему помочь. Но потом нам из Новокузнецка прислали начальника медсанчасти Аню. Она окончила курсы медсестер. Мы друг другу очень понравились, но я держался от нее подальше, потому что за связь с вольнонаемными можно было поплатиться. Аня меня обо всем расспрашивала — я же на западе жил с украинцами, поляками, немцами. В очень хороших отношениях мы были, товарищеских. Но вскоре меня как политического снова отправили на общие работы.

Зима, пятидесятиградусный мороз, мы лес валим. Звено по три чело-

Первым делом нам сообщили, что побег бесполезен: «Даже не пытайтесь. Лес будете валить, но сначала построить лагерь: бараки, столовую и баню».

века — я работал с двумя бывшими солдатами, они из немецкого плена бежали, и им дали по 10 лет. Они валят, я очищаю, обрубаю ветки и бросаю в костер. Норму — 4 куба на человека — мы выполняли. Хотя 12 кубов — это много, и не все справлялись. В конце дня приходили приемщики, замеряли, ставили штамп — «принято».

В 1948 году к нам приехала медицинская комиссия: три врача, один подполковник и две женщины-майоры. Осматривали целыми бригадами. Мы раздевались по пояс, заходили на осмотр: на что жалуетесь, как здоровье? Подошла очередь нашей бригады. Аня что-то шепнула доктору. И меня начали спрашивать: «Вы медик? Где вы учились, откуда родом?» Я ответил на все вопросы, и нас отпустили.

На следующее утро на построении я, как всегда, назвал свою фамилию, статью, срок, как вдруг мне

приказали выйти из строя. Что такое? Почему? Вроде я ни в чем не провинился... А меня, оказывается, медкомиссия забракковала! Написала, что у меня туберкулез. А с туберкулезом на лесоповал нельзя. И нас, двадцать доходяг, отправили в центральный лагерь на усиленное питание. Мы лежали в специальной палате, нас кормили и никуда не выпускали, только в туалет. Недели через три ко мне пришел врач и сказал: «Побудь еще здесь, а потом я заберу тебя к себе». И я начал работать с доктором. Утром и вечером — осмотр, и целый день свободен. А рядом располагалась столярная мастерская, я туда частенько заглядывал, с ребятами подружился. Как мне там понравилось! Вскоре начальник культурно-бытовой части лагеря Поляков перевел меня в эту мастерскую. Он меня почему-то опекал, может быть, жалел. В мастерской работали очень хорошие специалисты. А один крымский татарин научил

Я очень ждал освобождения и боялся, что мне добавят срок — такое бывало с осужденными по политическим статьям. Слава богу, этого не произошло.

меня делать бочки и кадушки. Я быстро освоился.

Однажды Поляков привел меня к себе домой, выдал инструмент, показал огород — надо вскопать. Я вскопал. А это надо скосить — я скосил. И все, после этого мне сделали пропуск, и я уже мог свободно выходить за зону. Когда было нужно, меня вызывали, я приходил, помогал по хозяйству и уходил.

Я очень ждал освобождения и боялся, что мне добавят срок — такое бывало с осужденными по политическим статьям. Слава богу, этого не произошло. Я вышел из лагеря и уехал в Челябинскую область, у меня были ограничения на проживание — ни в России, ни на Украине в больших городах я жить не мог. Устроился на шахту, мне дали хорошее общежитие. Моим соседом по комнате был москвич Николай. Его отец — венгр, приехал в СССР, женился,

потом его объявили «врагом народа» и расстреляли. Мать с Колей уехали в Челябинск, где она и умерла. После смерти Сталина вышел приказ Берии об амнистии, и Коля немедленно собрался обратно в Москву. Мы договорились, что я приеду к нему в гости. В 1954 году я получил расчет и поехал к Николаю, тем более мне давно хотелось посмотреть столицу. Это была судьбоносная поездка: Колина супруга познакомила меня со своей подругой Верой, которая стала моей женой. Мы прожили вместе 60 лет. У нас откровенность была, мы могли беседовать на любые темы. Хорошо жили... Я работал электрослесарем на Казанском вокзале. На работе так и не знали, что я по политической сидел. И родные не знали. Знала только жена. Она мне говорила: «Никому ничего не рассказывай».

В действительности же очень приятно слышать, когда волонтеры говорят о том, насколько содержательным, насыщенным, самодостаточным предстает перед ними бытие их подопечных. И уже не столь удивительным становится «неожиданный» феномен: притом что подопечные нуждаются в нашей поддержке, они же являются для нас примером неукротимой способности человека преодолеть даже самые тяжелые события в своей жизни или жизни своих близких, сохраняя и зачастую преумножая силу своего характера для самоопределения, самореализации, профессиональной и личностной. Такое обнаружение помогает и волонтеру в его или ее непростых вопросах о собственном будущем.

В. Наумов.

Заметки психолога

Светлана Савельева:

«Я узнала, что при музее есть социально-волонтерский центр, и задумалась, смогу ли я быть там чем-то полезна?»

Мой путь волонтера в Музее истории ГУЛАГа начался в конце 2016 года. Тогда я уже знала о существовании такого музея в Москве, и мне очень хотелось посетить экспозицию. Тема истории России меня всегда интересовала, а какая же история страны XX века без тяжелой темы репрессий, сломленных судеб, разрушенных семей и потерянных жизней? В какой-то момент я все-таки выбрала день для посещения и решила уточнить на сайте часы и время работы музея. Так я узнала, что при музее есть Социально-волонтерский центр, и задумалась, смогу ли я быть там чем-то полезна, и вообще стало интересно, чем именно там занимаются волонтеры? По указанным координатам я связалась с руководителем волонтерского центра и сказала, что хотела бы поучаствовать в жизни музея.

Сначала я просто расшифровывала интервью, помогала в отделе хранения и смотрителям в залах. А потом в праздничные дни 8 марта вместе с сестрой мы ездили поздравлять четырех прекрасных женщин, подопечных волонтерского центра. Нас радушно принимали, угощали, поили чаем и рассказывали свои истории. Одна из подопечных — Елизавета Васильевна — особенно запомнилась. Елизавета Васильевна была репрессирована, прошла лагерь. Были трудности в жизни и после того, как она вернулась. Но то, как Елизавета Васильевна держалась в свои «за 90» после всего пройденного, какая от нее исходила энергия, меня всегда поражало и восхищало!

Встретив нас, она закурила, сигарету она держала очень элегантно. У нее красивые, аристократичные руки. Она рассказывала историю своей жизни, а я рассматривала фотографии на стене. Здесь были все ее родные, мама и бабушка. Это были очень красивые и интеллигентные люди. Как говорится, «чувствовалась порода». Кажется, ее бабушка приехала из Италии и работала учительницей в пансионе благородных девиц. А потом случилась революция...

А в конце 2018 года я стала участницей проекта «Психология заботы». В числе задач проекта было посещение одного из подопечных Социально-волонтерского центра, общение с ним, прогулки, помощь, если необходимо по дому, но самое главное — фиксация воспоминаний. Так я стала навещать Татьяну Казимировну, и мы с ней, можно сказать, подружились. Татьяна Казимировна написала книгу о своей семье. Ее история начиналась с 1600-х годов. Она проделала колоссальную работу, которая длилась около 15 лет, и в итоге собрала двухтомник своей родословной. В ее семье было несколько репрессированных родственников, включая и ее отца — Казимира Георгиевича.

Я очень благодарна музею и отдельно Социально-волонтерскому центру за то, что могу быть причастна к сохранению истории, помощи и общению с теми людьми, кому есть что рассказать и у кого есть чему поучиться.

«Психология заботы» открывает волонтерам возможность узнавать, думать, осмыслять опыт предыдущих поколений и, как ни парадоксально, в равной степени для потомков репрессированных и потомков тех, кто осуществлял репрессии. Незаживающие раны образовались и у тех, кто был «на другой стороне», и это такая же травма для души, и она так же не будет давать покоя потомкам. Соприкосновение с этой историей, смелое ее исследование оказывают неоценимое влияние на собственное душевное благополучие. В конце концов, здоровая завершенность картины мира включает все цвета. Попытка «не сталкиваться» с какой-то частью реальности, прошлого, настоящего, «не увидеть» или «побороть» то, что не нравится, ведет к ошибкам в понимании самого себя.

В. Наумов.

Заметки психолога

«2 апреля 1939 года мама написала письмо Сталину с просьбой пересмотреть дело мужа. Она не знала, что уже больше года как его нет в живых»

Мне было два года, когда папу расстреляли, поэтому воспоминаний-то особых нет. В детстве от меня все скрывалось, и до окончания института я ничего не знала о репрессиях в своей семье. Потом уже начала спрашивать, искать в архивах, узнавать в интернете.... Нашла документы, конечно, не все, и написала книгу «История моей семьи».

Семья отца жила в Белоруссии, в поселке Бешенковичи. Дед — Франц Константинович Ходасевич, 1867 года рождения, из древнего дворянского рода. У моего отца в свидетельстве о рождении записано Казимир Георгиевич, а не Францевич. Вероятно, деда звали Франц Георг, это мои догадки. Мать отца, моя бабушка — Анна Викентьевна Ходасевич, урожденная Славковская, тоже из дворянского сословия. Семья была обедневшая, малоземельная, все мужское население занималось хлебопашеством.

Папа родился 4 марта 1896 года. У него были два брата и сестра. Несмотря на бедность, все дети в семье получили образование. Отец учился в коммерческом училище, в 1912 году поступил в Варшавский политехнический институт на инженерно-строительное отделение. Но в это время началась Первая мировая война, и он был призван в царскую армию, направлен в военное училище в Вильно. В 1916-м году отца произвели в офицеры. После окончания войны, в 1917-м, он демобилизовался из царской армии и стал работать в Красной армии на инженерных должностях — и в Заволжском военном округе, и на Украине. Затем отца перевели в Среднюю Азию в инженерный батальон Туркдивизии начальником военно-инженерной дистанции в крепости Кушка. Революция-то победила в Средней Азии позже — советская власть установилась только в 1920-х годах, и отец в этом участвовал: сражался

Репрессии в Туркмении начались в августе 1937 года, а моего отца арестовали по доносу в ноябре.

против басмаческих банд на Ферганском фронте в 1921 году, на Бухарском в 1922-м. Потом демобилизовался и работал в системе водообеспечения. В 1924 году поступил в Туркменводхоз на должность начальника Ташаузского водного округа, одновременно преподавал в Ашхабадском гидротехникуме.

Мои родители познакомились в Ашхабаде. Мамина семья попала туда после того, как ее отец окончил медицинскую академию в Петербурге и был направлен в молодой строящийся город врачом царской армии. Как-то одна мамина знакомая сказала: «Ну что вы одинокие оба ходите?» — и познакомила их. Родители поженились в 1925 году. Через два года родился мой брат Георгий, в 1931-м — сестричка Анна. Она прожила меньше года. Мама рассказывала, что Аня съела немую грушу и через несколько дней умерла. Сестра была очень краси-

вым ребенком, невозможно было гулять с ней по улицам — все сразу обращали внимание. Если бы она не умерла, меня бы не было. Я родилась 25 октября 1935 года.

Отец постоянно обучался, повышал свою квалификацию, писал очерки и статьи в газеты и журналы. По отзывам коллег, был деловым, энергичным, очень хорошо знающим свое дело инженером. Это отмечено и в его многочисленных грамотах. И такой вот высокообразованный, квалифицированный, добросовестный специалист, принесший много пользы республике, доказавший преданность советской власти, оказался ненужным своей стране.

Репрессии в Туркмении начались в августе 1937 года, а моего отца арестовали по доносу в ноябре. Как бывший офицер царской армии, он обвинялся в участии в контрреволюционной организации в системе Наркомзема и про-

После папиного ареста нас переселили из центра города на окраину, в маленькую квартиру последнего дома, за которым начинались пески раскаленной пустыни.

ведении подрывной вредительской деятельности.

Сразу после папиного ареста нас переселили из центра города на окраину, в маленькую квартиру самого последнего дома, за которым начинались пески раскаленной пустыни. Куда вдруг подевался папа, нам не говорили.

Отец содержался в Ашхабадской тюрьме, она считалась очень жестокой.

2 апреля 1939 года мама написала письмо Сталину с просьбой пересмотреть дело мужа. Она не знала, что уже больше года как его нет в живых. 5 декабря 1937 года заседанием Тройки НКВД отца осудили по статье 54-7 — вредительство, и 54-11¹ — участие в контрреволюционных организациях, и приговорили к высшей мере наказания. 3 января 1938 года его расстреляли. Место его захоронения нам неизвестно. Только через

18 лет мы узнали о судьбе отца. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР 24 июля 1956 года уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления, и отца реабилитировали.

Семья папиной сестры, моей тети, тоже пострадала, в 1938 году расстреляли ее мужа, двух дочерей — моих ровесниц — в начале войны угнали в Германию, а после возвращения в СССР репрессировали. Печальна судьба маминой двоюродной сестры Людмилы и ее мужа, Никитина Сергея Михайловича. Сергей Михайлович работал в газете «Туркменская искра». В 1938 году его обвинили в контрреволюционной пропаганде и сослали на пять лет в лагерь на Колыму. Он отсидел свой срок, переехал в Магадан, получил разрешение политуправления Дальстроя на работу корректором в редакции газеты «Советская Колыма». Ему позволили вызвать

Только через 18 лет мы узнали о судьбе отца.

1
Статья 54 УК
Туркменской ССР
(аналог статье
58 УК РСФСР)
устанавливала
ответственность
за контрреволюционную
деятельность.

из Ашхабада жену, она приехала к нему и устроилась на работу машинисткой в ту же редакцию. Через десять лет пребывания на Колыме, в 1948 году, им наконец-то разрешили отправиться в отпуск. Впервые за долгое время они ехали в Ашхабад и были бесконечно счастливы. А 6 октября 1948 года там произошло сильнейшее землетрясение, Сергей и Людмила погибли. У них осталась дочка.

Я хорошо помню те события. Мы жили втроем с мамой и бабушкой в большой комнате, перегородженной шкафами, которые, собственно, спасли нам жизнь — потолок обрушился, но повис именно на них, на этих шкафах. Я не понимаю, как мы выбрались из-под завалов. Едва очутились на поверхности, увидели «пустыню» — город сравнялся с землей.

После землетрясения мы уехали в Курск. Там я окончила школу

с серебряной медалью, меня приняли без экзаменов в Московский химико-технологический институт им. Менделеева на специальность «Технология высокомолекулярных соединений». Не могу сказать, что я сильно увлекалась химией, у меня вообще по всем предметам были одинаковые знания и оценки. После института по распределению попала в Кемерово на химический завод. По выходным вся кемеровская молодежь ходила на танцы в центре города, там я и познакомилась со своим мужем. Вышла замуж в 1961 году. Ездил с мужем по стране, и когда его перевели в Ашхабад, обрадовалась — я снова попала на свою малую родину. Устроилась на работу в Госплан, и однажды, листая какую-то работу по исследованию пустыни, я вдруг увидела фамилию своего отца. Так, спустя много лет, я снова встретилась со своим папой.

Евгений Сучков:

«Для изменения ситуации в обществе нужно думать не о тех, кто написал донос»

Недавно я окончил институт, отучился по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». В меру своих сил и возможностей занимаюсь художественной и просветительской деятельностью, помогаю на Бутовском полигоне, являюсь координатором общественно-политического движения «Декоммунизация».

Раньше, когда меня спрашивали, пострадал ли кто-либо в семье от советской власти, я однозначно отвечал: «Нет, но это не имеет никакого значения». Однако недавно я узнал от пожилого родственника, проживающего в другой стране, что и мою семью не миновал беспощадный цеп сталинских репрессий. В 1930-е годы брат одного из моих прадедов, будучи кулаком и одним из шести миллионов репрессированных спецпереселенцев, сгинул вместе со всей своей семьей где-то за Уралом. И сгинул буквально — даже семейная память сведений о его участии после ссылки не содержит. В любом случае я заинтересовался феноменом большевистских репрессий в 15—16 лет, когда посетил Музей истории ГУЛАГа (тогда Музей располагался еще в старом здании) и побеседовал со зрителем зала (имя той женщины я, увы, позабыл). Именно она рассказала мне о том, что значат арест и расстрел ее родного отца, слезы матери, клеймо «ЧСИР» (члена семьи изменника родины) на ней и на ее брате, постоянный гнет и страх. Далее были книги, статьи и личное изучение нашей многострадальной и бесчеловечной истории XX века.

В 2017 году на открытии монумента «Стена скорби» мне встретились молодые люди с опознавательными знаками волонтеров Музея истории ГУЛАГа. Не раздумывая, я решил пополнить их ряды. Мне

дали номер телефона руководителя Социально-волонтерского центра Варвары Усаневич, мы с ней созвонились, меня попросили заполнить и выслать волонтерскую анкету и прибыть в музей для личной беседы. Сказано — сделано. С тех пор я старался брать за каждую предложенную мне задачу, связанную как с мероприятиями музея, так и с музейными «подопечными» — жертвами политических репрессий и членами их семей. Я навещал их, помогал по хозяйству, разговаривал. С некоторыми из них я общался чаще и больше, чем с остальными, и об одном из таких подопечных я расскажу подробнее. В Музее стартовал проект «Психология заботы», в котором я принял участие. Я считаю, что это меньшее, что я могу сделать для сохранения памяти всех невинно убиенных большевистской властью. И это опять-таки мой шанс помочь конкретному человеку, чей отец пострадал, был репрессирован.

С Алексеем Георгиевичем Нестеренко мы познакомились на одном из поминальных мероприятий на расстрельном полигоне Коммунарка, там покоятся останки его отца. Мы сразу нашли с ним общий язык. Несмотря на свой преклонный возраст, Алексей Георгиевич обладатель живого ума и боевого духа. Мне очень близки его политические взгляды, нравственные убеждения и активная гражданская позиция: он добивается принятия

закона о запрете прославления Сталина, участвует в одиночных пикетах у «расстрельного» дома на Никольской. Нам всегда было и есть что обсудить и обдумать.

Мы с ним активно общаемся, раз в неделю я обязательно к нему езжу. Алексей Георгиевич живет за городом, в поселке Луговое, но почти каждый день какое-то время проводит в своей семье в Москве, присматривая за маленьким внуком.

Алексей Георгиевич всю жизнь посвятил естественно-научной, академической и преподавательской деятельности. Он потерял отца еще в младенчестве, его расстреляли 20 сентября 1938 года. О том, что с ним случилось, Алексей Георгиевич узнал от матери только в 17 лет. Впервые следственное дело своего отца увидел в архиве в 2008 году. У его семьи довольно типичная история для времен Большого террора. В известном смысле им повезло: никаких санкций в отношении его матери как члена семьи изменника Родины не было, ее просто исключили из партии. А когда началась реабилитация, после XX съезда КПСС, восстановили. Семья получала пенсию по потере кормильца. После согласования с Алексеем Георгиевичем я решил зафиксировать его воспоминания в формате видеоподкаста. Со знакомым оператором, вооружившись более-менее профессиональным оборудованием, мы отправились к нему в поселок. Стояла живописная русская зима. Белесый морозный сумрак просачивался в окно, подчеркивая тяжелую тему и тон монолога Алексея Георгиевича — изложение подробностей репрессии в отношении его отца, описание его юношеских переживаний. Алексей Георгиевич рассказывал: «...Мама мне показала фотографию того, кто написал донос на отца. Она говорила, что часто встречает

этого человека в поликлинике персональных партийных пенсионеров, она недалеко от Маяковской, через Садовое кольцо. Я потом ходил с этой фотографией, дежурил в поликлинике, чтобы встретить доносчика. Но вскоре перестал, потому что понял, что все это не имеет никакого значения... Для изменения ситуации в обществе нужно думать не о тех, кто написал донос, а о том, как была создана такая система, что невиновного человека по какому-то доносу можно было спокойно признать виновным и отправить на тот свет!» Помню, после этого монолога в комнате воцарилось молчание, а в глазах Алексея Георгиевича читались скорбь, благородный гнев и... прощение.

«Моя главная задача — убедить депутатов принять закон «О запрете прославления Сталина»»

Я родился 15 августа 1937 года. Через месяц моего отца, Нестеренко Георгия Яковлевича, арестовали, а через год расстреляли в Коммунарке. В 1954 году я окончил школу с золотой медалью и узнал, что, оказывается, я сын «врага народа». Для поступления в вуз необходимо было заполнять анкету, и мама мне сказала, что отец осужден на 10 лет без права переписки. До этого я считал, что отец погиб на войне. В 2000-х годах в книге, изданной обществом «Мемориал», я нашел об отце краткую информацию, но познакомился с его следственным делом только в 2008 году, когда мне было уже 70 лет, в Государственном архиве Российской Федерации. Там читальный зал, как в ленинской библиотеке, — пожалуйста, садись, изучай.

Я очнулся и включился в общественное движение в 1990-е. Познакомился с правозащитным обществом «Мемориал», много читал. Чтение, кстати, очень

способствовало пониманию того, что на самом деле происходило в советское время. А до этого я спокойно жил и работал, у нас была образцовая советская семья. Отец моей жены был работником НКВД. Я был и комсомольцем, и убежденным коммунистом, жил в абсолютном неведении, ни разу самиздат в руках не держал... Но вот уже пять лет, как я каждую неделю хожу на одиночный пикет к «Расстрельному дому» на Никольской¹, где в 1938 году приговорили к смерти моего отца. Моя главная задача — убедить депутатов принять закон «О запрете прославления Сталина».

В отношении отца произошла типичная для того времени история — дело сфабриковали. И когда меня спрашивают, за что его посадили, отвечаю: «А ни за что!» 30 июля 1937 года было положено начало Большому террору — подписан секретный приказ НКВД о репрессиях

В 1954 году я окончил школу с золотой медалью и узнал, что, оказывается, я сын «врага народа».

1
В Москве на улице Никольская, дом 23 располагалась Военная коллегия Верховного суда СССР. Во время Большого террора Военная коллегия выносила приговоры (преимущественно к расстрелу) по спискам, подписанным Сталиным и другими членами Политбюро. Всего обнаружено 383 списка. Они включают 44,5 тысячи имен.

в отношении «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». По всем районам, городам, областям СССР были установлены лимиты, сколько ликвидировать недобитых врагов и преступных элементов. И в эти преступные элементы включали кого угодно. Но это у нас до сих пор не осознано. «Просто так не посадят, если посадили, значит, было за что» — вот с этой житейской мудростью в кавычках народ и живет. Репрессии происходили по секретным приказам, а страна жила радостно, ходила на демонстрации, и довольный Сталин стоял на мавзолее.

Семья наша сложилась во времена НЭПа в Москве в 1928 году. Отец мамы, мой дед, был медником, мастером в мастерской на первом Кубанском сахарном заводе. А отец из крестьянской семьи Курской области. Они все были сорваны со своих мест, так как в Москве требовались рабочие руки. И отец

прошел классический путь, советская власть вырастила новое поколение технической интеллигенции. Он был активным строителем коммунизма, большевиком, пропагандистом. Окончив рабфак имени Калинина и Плехановский институт народного хозяйства, работал экономистом, начальником планового отдела в научно-исследовательском институте гражданского воздушного флота — строил новый мир. Вы помните, чем была авиация в 1930-е годы? Все эти полеты на Северный полюс, в Америку, сплошные рекорды и праздники. И в то же время — репрессии.

Отец был приговорен к расстрелу 20 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. В архивно-следственном деле я читал протоколы допросов. Под каждым протоколом: «Своей

В отношении отца произошла типичная история — дело сфабриковали. И когда меня спрашивают, за что его посадили, отвечаю: «А ни за что!»

вины не признаю». И вдруг, через восемь месяцев: «Я решил встать на путь раскаяния и правдиво сообщить следствию об известных мне фактах контрреволюционной террористической деятельности нелегальной троцкистской организации, существовавшей в НИИ Гражданского воздушного флота, участником которой я являлся до дня своего ареста». И дальше: «Признаю себя виновным», и его подпись. Самооговор как результат пыток. Это схема, которая стандартно тиражировалась следователями. В конце дела я нашел документ — признание следователя в том, что он сфальсифицировал ряд дел по указанию вышестоящего начальства. В конце была такая фраза: «...И в связи с открывшимися обстоятельствами Георгий Яковлевич Нестеренко невиновен». Я, когда немного успокоился, хотя это было не просто — если слабое сердце, можно и не выйти из этого читального зала, стал изучать сталинские

расстрельные списки. Открылись очень интересные обстоятельства. Расстрелян отец 20 сентября 1938 года, за 8 дней до этого — подпись Сталина на списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР. Эти списки — квинтэссенция Большого террора. Подпись Иосифа Виссарионовича на 43 000 смертных приговорах. Сталинисты говорят: «Этого не может быть!» Я в таких случаях им отвечаю: «Ну так берите, смотрите». Но принять это очень трудно.

Нашей семье повезло, вслед за отцом маму не арестовали. Она вырастила троих детей, мы прожили благополучную жизнь. Несмотря на золотую медаль, в институт я поступил с большим трудом, у меня не брали документы — в анкете я указал, что мой отец осужден на десять лет. В 1956 году началась реабилитация, и мне сообщили, что я больше не сын «врага народа», а отца

Если кратко охарактеризовать советский режим — это ложь, насилие и террор. Он 70 лет продержался только благодаря лжи.

2
С 1930 по 1956 год через ГУЛАГ прошло 20 миллионов человек, из них около 5 миллионов были осуждены по политическим мотивам.

расстреляли «по ошибке». И нам выдали денежную компенсацию.

Если кратко охарактеризовать советский режим — это ложь, насилие и террор. Он 70 лет продержался только благодаря лжи. Вспомним Солженицына: «Жить не по лжи». Оказывается, это самое трудное — жить не по лжи. Но мы должны к этому когда-то прийти. За последние 30 лет приоткрылись архивы, и хоть немного, но пролился свет на то, что было засекречено. Это важно, ведь люди предпочитают ничего не знать. Ну, подумаешь, из 250 миллионов 1 миллион расстреляли, 10 миллионов прошли лагеря². Трагедия, страшная трагедия. Все вроде описано в литературе, «Мемориал», Сахаровский центр проводят замечательные мероприятия, обсуждения. Есть Музей истории ГУЛАГа, музеи памяти во многих городах. Но я понял, что нужно что-то еще.... У нас сейчас усиливается стремление

проскочить неприятное прошлое и опять заниматься будущим. Умолчания и сегодня продолжаются. Мы считаем, что нужно вырастить новых людей, которые бы меньше думали о мрачном, а строили бы нормальное новое общество. Опять новое общество. Опять нормальное. А так не бывает. Я думаю, что молодые должны все знать, без приукрашивания. По результату опроса ВЦИОМа в октябре 2018 года, накануне столетия Солженицына и дня памяти жертв политических репрессий, половина молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет на вопрос о репрессиях ответили: «Ничего не слышали». Значит, фиаско потерпела вся просветительская работа, которая велась до сих пор. Сегодняшнее положение плохое, но это временно. Лечиться придется всем. Потому что обстоятельства жизни когда-то обязательно ткнут носом в этот кошмар. Выход только один — просвещение.

Мария Титова:

«“Иногда мне кажется, что это мне 84, а Вам 21”, — сказала я ей. В ответ она просто рассмеялась»

Летом 2017 года я работала вожатой в детском лагере от МОСГОРТУРа, и у меня осталась подписка на новостную рассылку этой компании. Однажды мне пришло письмо с приглашением посетить обзорную экскурсию в Музей истории ГУЛАГа. Мне это показалось интересным, так как раньше я немного знала о ГУЛАГе, но не подозревала, что есть такой музей. Когда у меня наступали тяжелые, как мне казалось, периоды в жизни, я смотрела фильмы или читала книги, в которых рассказывалось о сложных судьбах, и это мне помогало. Ответы на свои вопросы я нашла в книге В. А. Бердинских «История одного лагеря (Вятлаг)». Она стала мотивацией для посещения музея. Экскурсия была очень интересной и наполненной, я узнала много нового. Музей меня по-настоящему впечатлил. Когда я увидела на сайте музея анкету волонтера, подумала: «Почему бы нет?»

Через несколько дней я уже пришла к Варваре Усаневич — руководителю Социально-волонтерского центра. По дороге к ней я сомневалась, стоит ли этим заниматься? Однако в процессе беседы Варвара меня уверила, что я на правильном пути. Мы поговорили, подумали и определили, кому я буду помогать. Хотелось, чтобы было удобно добираться домой, и мне повезло: неподалеку от метро Бауманская жила моя будущая подопечная.

Ее зовут Елена Николаевна. Я знала о ней всего несколько фактов, но не представляла, что она за человек. Когда не знаешь, с кем ты будешь взаимодействовать, ехать знакомиться страшновато. В тревожном настроении я шла на нашу первую встречу. Опасения развеялись, когда на пороге меня встретила милейшая женщина и приветливо пригласила войти. Мне сразу стало понятно, что мы найдем общий язык. Думаю, между нами возникла дружба с первого взгляда.

Моя помощь состояла, прежде всего, в уборке квартиры. В первый день «волонтерила» долго, часа три. Меня сразу «раскусили» — волонтер я неопытный. После уборки мы сели поболтать на кухне.

Елена Николаевна закурила очередной «Филип Моррис». Она курит более шестидесяти лет и курит много. Хотя я сама не курю и воздух со смесью табачного дыма мне неприятен, во время наших бесед я практически не обращала на него внимания.

Раньше мне казалось, что старость — очень тягостный период в жизни человека. Ухудшение здоровья, смерть близких, одиночество приводят к тоске и нежеланию улыбаться до конца своих дней. После общения с Еленой Николаевной мое мнение изменилось. Она похоронила мать и мужа, сестру и дочь — они умерли от рака. У нее самой несколько лет назад удалили опухоль. Эти события не превратили ее в обиженную на судьбу женщину. Сейчас моя подопечная живет одна, проводя большую часть времени перед телевизором. Иногда ей звонят старые знакомые, внук. К сожалению, он очень далеко живет и редко приезжает. Помимо меня к ней ходят женщины из социальной службы — «эсэсовки», как она их шуточно называет (социальная служба — СС). Мне казалось, что такой образ жизни доводит людей до уныния и нежелания общаться, способствует

быстрому старению мозга. Однако у Елены Николаевны этого нет и в помине. У нее потрясающая речь! Мы разговариваем с ней о культуре, о жизни в целом. Несмотря на большую разницу в возрасте, мне с ней интересно. У нее прекрасное чувство юмора и гибкий ум.

Однажды я пришла помогать Елене Николаевне в уборке. И вдруг пылесос перестал работать. Испугавшись, я некоторое время просто стояла и смотрела на него, ждала его волшебного восстановления. Потом принялась его чинить. Не понимая, как разобратся с чудом техники, я позвала на помощь Елену Николаевну. Она быстро перевела надпись на пылесосе (моя подопечная по образованию переводчик с французского и английского), легким движением руки потянула какую-то деталь, что-то вынула, и — вуаля, он заработал. «Иногда мне кажется, что это мне 84, а Вам 21», — сказала я ей. В ответ она просто рассмеялась.

Елена Николаевна немного устала от жизни. Хотя пять лет назад она освоила компьютер, чтобы заниматься переводами с французского. Выходить на улицу ей физически трудно, одолевает одышка. Но, как она говорит, не очень-то и хотелось. Мои попытки предложить заняться, например, вязанием, смотреть фильмы на французском языке оказались провальными. «Ванечка, порой мне кажется, что я превращаюсь в овощ» — так может пошутить она в разговоре по телефону со своим внуком. «Лена, ты не овощ, ты — фрукт, да еще какой!» — отвечает он ей. И я с ним полностью согласна.

— Бывает, забываются элементарные вещи. Знаешь Дмитрия Хворостовского? Посмотрела о нем передачу. Только отошла

от телевизора, как забыла его фамилию! И всю ночь лежала, не могла вспомнить. Вот она старость.

— У меня тоже такое бывает.

— У тебя?!..

Отношение к телевизору у нее двойственное. То, как сейчас говорят ведущие и некоторые медийные лица, ее расстраивает. Но есть передачи, которые ей нравятся. Современная мода ей непонятна. Как-то она меня спросила: «Маша, что красивого в рваных джинсах? В чем смысл? Почему дырка в джинсах считается модным, а дырка в пиджаке — недопустимым?» — «Знаете, сложно объяснить моду. У меня есть рваные джинсы, и, как многие другие, я считаю их классными». Елена Николаевна не сдавалась: «Может быть, это выражение внутреннего несогласия с действительностью, некий бунт против устоев общества?»

Мое настроение улучшается, когда я общаюсь с Еленой Николаевной. И она всегда поддерживает меня, если в моей жизни происходят неурядицы.

«Больше она его никогда не видела, его расстреляли в 1937-м»

Мой муж — Григорий Александрович (в жизни его все в основном называли Гариком) был «членом семьи изменника Родины», безвинно пострадавшим от сталинских репрессий.

Семья жила в Донецке, тогда он назывался Сталино. Отец успешно руководил каким-то очень крупным металлургическим заводом, был абсолютно предан системе и Родине, в измене которой его впоследствии обвинили. За особые заслуги Орджоникидзе даже наградил его автомобилем, это было очень знаменательное событие для города. Благополучно жили, у них был дом, налаженный быт. Сначала один сын родился, через четыре года второй.

Отца арестовали, когда Грише было 4 года, а брату 8 лет. Брата звали Диамар, что означает «диалектика марксизма», то есть человек, изменник Родины, предатель, назвал своего сына таким вот именем. Диамар вспоминал, как однажды ночью,

когда все спали, к дому подъехала черная машина. Он проснулся, подошел к окну и увидел, как из нее вышли люди в плащах. И следующее, что он помнит, — эти же люди уходят и уводят их отца.

Отца посадили в тюрьму, начался процесс. Мать иногда допускали к нему на свидание. Однажды отцу удалось передать обручальное кольцо с какой-то записочкой, где он написал, что невиновен, что-то в таком духе. Больше она его никогда не видела, его расстреляли в 1937-м. Уже взрослым Григорий ездил в Донецк, с трудом добился, чтобы ему позволили взглянуть на дело отца.

Мать понимала, что их просто так не оставят, нужно принимать какие-то меры. Она нашла дальних родственников в Киеве и Пятигорске, Диамара отправила в Киев, а младшего Гарика в Пятигорск. Вскоре ее арестовали, а все имущество конфисковали. Держали сначала

Брата звали Диамар, что означает «диалектика марксизма», то есть человек, изменник Родины, предатель, назвал своего сына таким вот именем.

1
Так женщины-заклученные называли 17-е женское специальное отделение Карагандинского ИТЛ, в котором содержались жены и другие члены семьи изменников Родины.

ла в тюрьме, потом отправили в Акмолинский лагерь жен изменников родины¹. Освободившись из лагеря, она жила на поселении где-то в Сибири, работала агрономом. Рассказывала, что таких, как она, в лагере было очень много, и как эти дамы — благополучные, красиво одетые, — обменивали свои драгоценности, какие-то красивые туфли или шубы на кусок хозяйственного мыла.

Подробностей мне уже не вспомнить, но Гарик рассказывал один пронзительный эпизод. В Пятигорске, когда пришли немцы, собрали всех евреев и повели толпой на расстрел. Семья у них была еврейская, и Гарик, ему тогда было лет шесть, шел со всеми вместе, но добрые люди сумели вытолкнуть его из этой толпы, чтобы он смог убежать. Мама и в лагере, и на поселении, следила за его судьбой, опекала, как могла. Из своих жалких заработков исправно посылала ему какие-то деньги.... Однажды переводы перестали приходить, а он

в то время был нищим студентом. Выяснилось, что мама продолжала посылать деньги, но на почте нашлась женщина, которая эти жалкие рубли присваивала себе. Как он скажет маме? Естественно, он молчал.

Татьяна Кирюхина:

«Наши подопечные не живут прошлым, через них протекает река истории...»

Я — дочь, внучка и правнучка историков, мои первые любимые книги: «Жизнь на Земле» и «История 30-летней войны». Для меня, очевидно, что история — наука осмысленная и бескомпромиссная, без жалости и видимой цели. Я — человек, летящий в этом потоке фактов, процессе перемещения народных масс, сдвигов политических настроений, часть судьбы страны, очевидец эпохи, член семьи «сталинского палача». Мой дед служил в НКВД-МГБ, был на хорошем счету, боевой подполковник, ордена, медали, почет и привилегии. А для меня — лучший дед на свете, тайком разрешающий съесть больше конфет и всегда защищающий меня от всех. Дед умер рано, я не узнала его мнения о разваливающейся обожаемой им стране, о том, как отрекались от прошлого чекистского опыта его друзья, как переставали один за другим отвечать знакомые из-за рубежа — мы стали «оккупантами и агрессорами». В школе не знали, как вести уроки истории — слишком разнилась информация в учебниках и ежедневных новостях об «обнаруженных свидетельствах». Специально приглашенные лекторы из Института современной истории читали нам лекции о ГУЛАГе, Сталине, брежневской «Целине», ошибках и жертвах.

История неслась вперед, попутно подбирая шелуху, закручивая «тайны и интриги», не давая ни осмыслить, ни пережить. Открывались тематические выставки, возрождались сообщества, безопасно стало находить в семьях «корни» и выращивать генеалогические «кустики и деревца». Я училась на историка искусства, бегала по музеям, водила и возила иностранцев по стране и столице. Музей КГБ на Лубянке был хит № 1 для них, бывший сотрудник органов легко вычислял национальность и страну происхождения визитеров и проводил «тематический» рассказ о шведских или английских шпионах (зависело от группы). До Музея истории ГУЛАГа я тогда не дошла, случайно оказалась в нем на «Ночи музеев» много лет спустя, содрогнулась от скрипа подлинных тюремных дверей (была такая часть в экспозиции) и решила больше не возвращаться. Анкету волонтера все же заполнила и как-то очень быстро оказалась в постоянном составе. Меня приглашали, я помогала сотрудникам, а потом оказалась на мероприятии с подопечными и поняла, что уже не смогу уйти, поэтому участие в проекте «Психология заботы»

для меня абсолютно логично. Я не встречала более благодарных, открытых новому, бесстрашных, любящих и ценящих жизнь людей. Их невозможно жалеть, можно лишь сопереживать. Не получится услышать трагических нот, хотя рассказ каждого — анатомия скорби и боли. Наши подопечные не живут прошлым, через них протекает река истории, их воспоминания не только и не столько про страдания и несправедливость, они про веру в себя, настоящих друзей, счастливые случаи, прощение и надежду, про то, что никто и никогда не должен испытать то, что досталось им.

Проникновение в домашний мир человека, конечно, много рассказывает о его жизни, привычках. Одно дело общаться на общественной территории и совершенно другое — прийти на личную.

— Лапа, а где у нас копия письма Путину и ответ мэра на запрос о митинге?

— У меня все разложено, квитанции об отправке есть, ты пом-

нишь, что собирался позвонить казакам?

Первые минуты с подопечным и его женой в их обиталище — шок и трепет. Кругом книги, газеты, журналы, рукописи. В кресле — их автор, его жена — в вечном движении. Работа кипит, как в Смольном перед революцией: согласовываются петиции, организуются встречи, постятся отзывы о мировых новостях, мобильный и городской телефоны непрерывно звонят. И этот человек в кресле со слуховым аппаратом, палочкой, почти невидящий — в центре всего — занят, занят, занят. «Поговорить? Воспоминания? Вот, почитайте мои книжки, голубушка, или давайте архив разбирать, пока вспоминаю...»

С каждой нашей встречей возникало все больше доверия, и мне было приятно, что именно со мной он говорит на темы, на которые раньше не говорил ни с кем. Мой подопечный — человек со сложной судьбой, и мне это нравится. На своих позициях стоит твердо и собирается стоять так до конца жизни. Меня поразила не столько его история, сколько он сам. В таком возрасте, пережив два лагерных срока, человек абсолютно не перестает верить в справедливость и ее добивается, активно выражая гражданскую позицию, верит в то, что правда обязательно восторжествует. Это человек, готовый пробивать стены, хотя, казалось бы, уже ничего невозможно сделать. Но даже попытка что-то изменить дорогого стоит. Я гораздо более пессимистична в подобных вопросах.

— Владимир Николаевич, давайте же, наконец, сходим в поликлинику, надо же что-то делать с глазами!

— Потом, Татьяна, потом, сейчас некогда, у нас на следующей неделе собрание. Но я обязательно, обязательно...

Психолог совершенно необходим в данном проекте. На лекциях нам говорили о возрастных особенностях и изменениях, которые обуславливают специфику общения с пожилыми людьми, тем более имеющими трагический опыт. Важно понимать, что происходящее с нашими подопечными большей частью проблема не характера и не личности, это последствия перенесенного стресса и болезни. Психотерапевтические сессии помогали осознавать, что именно мы делаем и как мы делаем, можем ли мы чем-то обидеть своих подопечных. Мы сравнивали опыт. И если возникала ситуация, которой раньше не было, опыт других волонтеров помогал правильно действовать. Собственно, в группах мы узнавали друг друга, делились историями. Для меня было важно научиться общаться в группе открыто, потому что без этого невозможно обрисовать проблемы. Я видела поддержку и понимала, что я не одна и со всеми сложностями можно справиться. Я поняла, что во мне многое требует исправления. И я благодарна подопечным, что позволили мне это увидеть. Потому что я, наверное, продолжала бы жить дальше в ощущении, что все замечательно, только требуется чуть-чуть вот тут себе помочь и здесь подправить... А оказалось — нет, пожалуй, я не так толерантна, как предполагала, и надо работать над собой дальше.

«9 февраля 1962 года меня осудили на 7 лет лагерей. Арест не стал для меня неожиданностью»

Родился я в городе Сланцы Ленинградской области 9 августа 1938 года в семье учителей. Когда началась война, мы эвакуировались в Саратовскую область. Я совсем этого не помню, но мама рассказывала, что мы ехали в теплушке и нас нещадно бомбили. Как только Господь уберег!

В 1943 году в эвакуации был страшный голод, я от истощения как будто разучился ходить и не мог даже стоять, а мама заболела тифом. Бабушка Прасковья Егоровна была глубоко верующей и по своему почину отвезла меня в церковь креститься, уверенная в том, что мама моя «за грех некрещения детей страдает». Крестить-то меня крестили, но в церковь я так и не ходил, а в 13 лет я вообще стал оголтелым атеистом — хотелось быть как все и не выделяться. Не знал, что вера моя еще меня дожидается, и не где-нибудь, а в зоне.

Я хотел идти по стопам родителей и в 1955 поступил в МГУ на исторический факультет. Атмосфера тогда менялась, люди возвращались из лагерей, нам казалось, что наступает свобода. Я учился уже на последнем курсе, когда нашего товарища с факультета обвинили в антисоветчине. Смолчать я не мог и в перерыве между лекциями публично выступил перед студентами в его защиту. Вообще-то, ничего страшного я не сказал: «В комитете государственной безопасности нашлись люди, которые вопреки заявлению Никиты Сергеевича Хрущева об отсутствии политзаключенных в СССР, арестовали нашего товарища, и я призываю комсомольскую организацию выступить в его защиту». Вот и все, власть я не ругал. Но уже через три часа меня исключили из комсомола, а через две недели из университета. Доучиваться пришлось в пединституте, диплом историка я все же честно получил.

Смолчать я не мог и в перерыве между лекциями публично выступил перед студентами в его защиту.

В 1958 году в Москве был открыт памятник Владимиру Маяковскому. На торжественной церемонии выступали официальные и неофициальные поэты. Это так понравилось, что встречи творческих людей на площади стали регулярными. Там собирались очень неглупые романтические молодые люди. Чтение стихов сопровождалось дискуссиями. Это было время, когда появилось новое поколение, не желающее мириться с отсутствием возможности публично самовыражаться. Естественно, я был постоянным участником этого поэтического пира и празднично-пьянящей дискуссии о переустройстве общества... Осенью 1960 года от снисходительного одобрения сходок власть перешла к противодействию. 14 апреля 1961 года, в годовщину смерти Маяковского, мы провели грандиозный митинг у памятника. Зачарованно слушали поэтов, в особенности Толю Щукина. Он читал «Сыт ли будешь

кукурузой...» Выращивание этой сельхозкультуры тогда было генеральной линией партии. Щукин как-то особенно раздражил комсомольских спецдружинников. Нас начали хватать, меня скрутили, бросили в милицейскую машину, я даже ботинки потерял, а на следующий день был суд. За «хулиганство» — участие в мирном митинге — мне дали десять суток.

Если поначалу нас задерживали, то перед XXII съездом КПСС собрания разогнали окончательно. Я оказался среди первых арестованных активистов Маяковки, обвиненных «в создании радикальной организации с целью подготовки покушения на Хрущева и антисоветской пропаганде». 9 февраля 1962 года меня осудили на семь лет лагерей. Арест не стал для меня неожиданностью. Но семь лет! В приговоре, в частности, говорилось, что я с товарищами в августе-

Этапом меня отправили в Мордовию, в Дубравлаг. Зона была исключительно для «антисоветчиков».

сентябре 1961 года обсуждал возможность покушения на главу государства. Этот первый срок был у меня совершенно нелепым и неумным.

Этапом меня отправили в Мордовию, в Дубравлаг¹. Зона исключительно для «антисоветчиков» — там сидели разнокалиберные националисты, православные священники, стилиаги, члены самодеятельных кружков по изучению марксизма, маоизма, индийской философии. В лагере я много читал и еще больше слушал.

В таком месте не до беллетристики, там кожей чувствуешь, что жизнь проходит и надо все успеть. Зачитывали до дыр В. Соловьева, обсуждали, спорили. В 1966 году меня отправили в «религиозную зону» — к православным, иеговистам, баптистам, пятидесятникам. Вскоре к нам добавили еще Андрея Донатовича Синявского² и членов ленинградской подпольной организации

«Колокол». В общем, контингент у нас был интересный и интеллигентный, и почти каждый вечер мы устраивали лекции по истории, культуре, искусству, литературе. Совместное пребывание в лагере диссидентов различного толка способствовало взаимному обогащению и обмену идеями, а часто и дальнейшему сотрудничеству. Именно в этом лагере я пришел, а точнее сказать, вернулся к вере и стал убежденным православным монархистом и русским националистом.

5 октября 1968 года я вышел на свободу. Помню, что сразу же купил банку молока у бабушки. Сел в поезд и уже из Рязани дал телеграмму маме. Почему-то я чувствовал, что это не окончание моей лагерной истории.

В Москве мне жить запрещалось, и я поехал в Александров. Про работу в школе можно было забыть — меня бы и близко к ней

¹ Дубравлаг (Дубравный лагерь) — создан в 1948 году, входил в систему особых лагерей для политических заключенных. В середине 1950-х годов был преобразован в колонию, или «Учреждение ЖХ-385», где вплоть до середины 1980-х годов отбывали наказание осужденные за «особо опасные государственные преступления». Неофициально заключенные продолжали называть колонию Дубравлагом.

Я заранее знал, что обо мне напишут в прессе: «Такой убежденный патриот покинул Родину ради заморских харчей». Этого я не хотел совершенно.

2
Синявский Андрей Донатович (1925—1997) — советский диссидент, политзаключенный. В феврале 1966 года вместе с правозащитником Ю. Даниэлем осужден Верховным Судом СССР на семь лет колонии по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде.

3
Андропов Юрий Владимирович (1914—1984) — советский государственный и политический деятель. С 1967 по 1982 год был председателем КГБ. В 1982 году стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, фактическим главой государства.

не подпустили, и я устроился грузчиком, а потом и бойцом пожарного расчета. Был удобный график дежурств — сутки через трое, и у меня было время на мысли и действия. В январе 1971 года я начал издавать (печатать на машинке) первый регулярный самиздатовский православно-патриотический журнал «Вече», экземпляров 50—100, и распространять по «своим». Публиковал материалы о православии, церкви, русских мыслителях, статьи по истории авторов, которых не печатали в официальных изданиях. Конечно, никакого гонорара я им не платил. В каждом номере журнала помимо своего имени я помещал и домашний адрес в качестве адреса редакции.

Осенью 1974 года мне по почте доставили конверт с «вызовом» из Германии. Тогда государство старалось выдавливать диссидентов из страны, многие именно так уезжали, получив «вызов»

в Израиль. Германия же не вызывала практически никогда, да и письмо это, как и всю мою корреспонденцию, просматривали и прочитывали, значит, точно хотели, чтобы я убрался. Я заранее знал, что обо мне в таком случае напишут в прессе: «Такой убежденный патриот покинул Родину ради заморских харчей». Этого я не хотел совершенно, и 28 ноября 1974 года меня вновь арестовали. По личному указанию Ю. В. Андропова³ в отношении меня было возбуждено дело, и 26 сентября 1975 года я был осужден по той же статье, что и в первый раз, на 8 лет лагерей строгого режима. Виновным себя я не признал. На все вопросы отвечал «не скажу» и не подписал ни одного протокола. Следствие шло много месяцев, и по этапу я пошел только в январе 1976 года. Я горжусь своим вторым сроком, потому что я делал то, что нужно было делать, — я издавал журнал.

Особенность моего второго срока — политическая напряженность, почти непрерывная конфронтация с властями, забастовки, голодовки, протесты.

Ощущения повторно заключенного отличаются от психологии перво-проходца — все заранее известно, ко всему привык. Особенность моего второго срока — политическая напряженность, почти непрерывная конфронтация с властями, забастовки, голодовки, протесты и заявления. Именно здесь мы решили начать борьбу за статус политзаключенного — по условиям содержания мы ничем не отличались от уголовников. Это была стодневная коллективная акция. За участие в ней меня неоднократно водворяли в штрафной изолятор. Надзиратели отбирали теплое белье, и после нескольких ночевок я заболел. Меня перевели в лагерную больницу, там я и встретил сотый день борьбы.

Ко мне несколько раз приезжал следователь и интересовался, не изменил ли я своих взглядов. Ни разу я не изменил своей позиции. Мы боролись за идею и сидели не напрасно.

За три дня до освобождения меня привезли в калужскую тюрьму и вызвали в кабинет к местному чекисту. Там присутствовал и прокурор. Когда я вошел, мне сказали: «Владимир Николаевич, вот ксерокопия газеты “Русская мысль”, которая издается в Париже, там опубликовано ваше письмо, где вы пишете о несправедливости со стороны лагерной администрации и приводите много фактов. Вы понимаете, что это тянет на третий срок? Это уже новое дело, Владимир Николаевич! Вы или раскайтесь публично, или опровергните написанное. Там же аферисты сидят, может, они сами придумали и написали за вас. Откажитесь публично от этой статьи, этого будет достаточно...» Я ответил, что статья действительно моя, никакого раскаяния или опровержения от меня не дожидается. «Ну, пеняйте на себя, значит, вы не освободитесь в срок, мы предъявим вам ордер на новый арест...»

Несколько раз приезжал следователь и спрашивал, не изменил ли я своих взглядов. Ни разу я не изменил своей позиции.

«Ну, что поделаешь, куда деваться», — сказал я им на прощание и вышел. И было мне не очень весело. Но через пару дней меня вызвала бухгалтерша: «Осипов, получите 30 рублей, которые вы в лагере заработали!» Это было уже оптимистичнее, я расписался и получил деньги. На этот раз обошлось. Мне выдали вещи и препроводили в Тарусу. Там, с 1983 по 1985 год я был под строгим гласным административным надзором, фактически на положении ссыльного. Работал на экспериментальном заводе художественных промыслов. В 1987 году я возобновил свой журнал под названием «Земля», стал собирать материалы для книг, у меня их вышло уже несколько. Радуюсь, что могу читать лекции молодому поколению в Академии Глазунова, учительство — в моей крови.

Анна Толстухина:

«Возможность соприкоснуться с историей казалась очень важной»

В моей семье никто не пострадал от советской власти, и о ГУЛАГе я вообще ничего не знала до 19 лет. В школе на уроках истории мы проходили Великую Отечественную войну, про сталинские репрессии информации в учебнике не было. Так получилось, что после окончания школы меня стала больше интересовать политика, в частности вопрос, почему у нас сейчас все именно так, почему людям тяжело отстаивать свои права, почему всегда есть страх наказания. Через некоторое время я случайно наткнулась на сайт Сахаровского центра и увидела регистрацию на вводный курс по правам человека, куда сразу же записалась. Одно из первых занятий было посвящено репрессиям и диссидентскому движению — я слушала и не верила, что такая важная вещь прошла мимо меня, сразу захотелось узнать об этом как можно больше. Так я и узнала о музее ГУЛАГа. Теперь это одно из самых моих любимых мест в Москве. Всех своих иностранных друзей, решивших посетить город, я приглашаю в Музей истории ГУЛАГа.

Я подписалась на рассылку музея, потому что мне была интересна внутренняя «движуха». Когда я получила письмо о предложении участвовать в проекте, то почему-то сразу решила откликнуться — возможность соприкоснуться с историей казалась очень важной. Мне предложили навещать Аллу Владимировну Обуховскую, которой на момент моего участия в проекте было 92 года. Честно говоря, мне было довольно неловко и даже немного страшно. Поначалу я боялась сказать что-то не то, да и вообще не знала, как вести себя с пожилыми людьми. Все оказалось совсем не так страшно. Алла Владимировна с порога начала рассказывать мне про бренд краски для волос, его она все не может найти, сделала комплимент моим мартинсам. Я сразу поняла, что мы поладим.

При этом история Аллы Владимировны очень и очень грустная: ее родителей расстреляли, когда девочке было 10 лет. У нее была бабушка, которая могла бы ее воспитывать, но как «врага народа» Аллу отправили в детский дом.

Наше общение происходило в основном за чаем — Алла Владимировна спрашивала

меня о новостях в университете и моих интересах (ее очень интересовали истории моих стажировок и путешествий), а я, в свою очередь, спрашивала ее о прошлом, просила показать фотографии родителей и рассказать о них. Однажды я принесла компьютер и показала ей фильм «Женщины ГУЛАГа», фильм очень тронул Аллу Владимировну.

Отдельно хочется отметить психотерапевтические сессии, которые проводились раз в месяц в музее, — было очень полезно поделиться опытом и узнать, с чем сталкиваются другие волонтеры.

Без преемственности поколений не может сложиться полноценное представление о себе, и притвориться, что в каждом из нас нет пустоты, связанной с незнанием жизнеописания наших предков, невозможно. Знание о ранах, стыде, боли наших предшественников не страшно, страшно незнание. Большое число психологических трудностей, с которыми может столкнуться человек, вообще связано с защитной попыткой «не знать». Если очень упрощать, с этим связан и феномен транс-генерационной передачи травмы, унаследования последующими поколениями механизмов, как будто и позволяющих жить, изолируя в своем внутреннем мире и игнорируя какие-то пустоты.

В. Наумов.

Заметки психолога

«Мама все время звонила по телефону и требовала свидания с Ежовым»

Мои родители родом из простых украинских крестьян. Папа родился в Польше, недалеко от города Ровно. Образования у папы, по-моему, никакого не было, он работал начальником межкраевой школы НКВД. Мама занималась хозяйством. Мы жили на Лубянке, в доме № 18. Сейчас его больше нет, снесли. Папина школа была рядом, через дорогу наискосок. Я часто туда бегала, только там отца и видела — он постоянно был на работе. С нами вместе жила бабушка, мамина мама. Именно с ней я проводила больше всего времени, она обо мне очень заботилась. Помню, папа всегда свирепел, когда она собиралась мне почистить ботиночки: «Почему Вы ей чистите ботинки? Она сама все должна делать!»

Я училась в школе в Большом Кисельном переулке. Успевала по всем предметам прекрасно, но особенно я любила математику. У меня была подружка Адочка ее папа занимал высокий пост в НКВД.

И отец всегда меня с ней сравнивал, на самолюбие мое давил: «Вон, у Ады ни одной четверки, а у тебя в четверти хоть одна, но есть».

27 августа 1937 года папа делал доклад в Кремле. Вечером мы с мамой и бабушкой приехали с дачи и никак не могли попасть в квартиру, ключей у нас не оказалось. Видимо, думали, что папа уже должен быть дома. Открыть дверь нам помог сосед. Мы вошли в квартиру, я стала чем-то заниматься и вдруг услышала мамин плач. Я не понимала, что происходит — мама все время звонила по телефону и требовала свидания с Ежовым. Папа домой так и не вернулся. А через три дня ночью раздался звонок в дверь: «Обуховские здесь живут?» В дверях стояли какие-то люди, они спросили у мамы: «Вы просили свидание с Ежовым?» Мама ответила: «Да». — «Вам его дали, собирайтесь». И это «свидание» длится до сих пор. Вот так арестовали моих родителей. А потом к нам с бабуш-

«Вы просили свидание с Ежовым?»
 Мама ответила: «Да». — «Вам его дали,
 собирайтесь». И это «свидание» длится
 до сих пор.

кой пришли с обыском, перевернули весь дом... Что искали — неизвестно. Но забрали с собой книжку «Шагреновая кожа». Место рождения отца — Польша — сыграло роковую роль в судьбе моих родителей. В разгар Большого террора, в августе 1937 года началась так называемая «польская операция» НКВД. Все поляки, проживающие в СССР, обвинялись в шпионаже в пользу Польши. Но аресту подлежали не только поляки, но и все, кто имел какое-либо отношение к этой стране или бывшей польской территории. Большинство арестованных были расстреляны.

Мы искали родителей по тюрьмам. Отца так и не нашли, а мама оказалась в Бутырке. Ей нельзя было передавать еду и вещи, разрешали только деньги. Не помню уже, приняли их у нас или нет. Через два месяца моих родителей расстреляли.

Из квартиры в центре нас сразу выселили в Подмоскowie, где мы

оказались с такими же «ссылными». Жили в конюшне, которую быстренько приспособили под жилье, разделив фанерой на комнатки. Но вскоре меня оттуда забрали и отправили в детский дом, сказали, что бабушка не может воспитывать дочь «врага народа». Тогда мне было 10 лет, сейчас — 93, но я до сих пор помню его точный адрес: Одесская область, Кривоозерский район, село Березки, детдом им. 20-летия РКК.

В детском доме мы учились на украинском языке. Вроде у меня и родители украинцы, но язык мне не давался совершенно. Особенно тяжело было с моей любимой математикой: теоремы, новые слова — все по-украински. В детдоме я прожила недолго, года не прошло, как за мной приехал милиционер, дядя Сережа, тот самый, который забирал меня в спецприемник. Как бы я хотела знать, кто прислал ему такую телеграмму: «Прошу

Мы искали родителей по тюрьмам. Отца так и не нашли, а мама оказалась в Бутырке.

помочь выездом моей дочери», и подпись: «Мама».

Меня привезли обратно в Подмосковье. Бабушки уже не было — через несколько месяцев после того, как меня отправили в детдом, она умерла от скоротечной чахотки. Я стала жить в ее комнате совсем одна. Присматривать за мной приставили Нину Стеблеву.

Когда мне было 13—14 лет, я мечтала служить в разведке. Интересовала меня эта деятельность. Но выросла и поступила на курсы в Авиационный институт. В автобиографической анкете про родителей ничего не написала. Спустя год, перед поступлением, снова потребовалось заполнить анкету. Тут я испугалась и решила все-таки узнать в «компетентных органах», можно мне поступать или нет. Со мной беседовали трое мужчин, оказалось, они знали моего папу и очень удивились, что Обуховского тоже расстреляли. На мой вопрос,

могу ли я с такой автобиографией поступать в МАИ, ответили: «Конечно, только Вы должны сменить фамилию раз и навсегда». Я сказала, что ни за что свою фамилию менять не буду. «Ну тогда и учиться Вам там не стоит». Больше я порога МАИ не переступила. Из-за войны я не смогла дальше поступать в институты. Из Москвы меня вывезли в Тамбов, я начала учиться в ремесленном училище. Ничуть не жалею — я получила хорошую профессию. После училища преподавала, а когда настали тяжелые годы, окончила курсы вязания, чтобы независимо ни от чего содержать себя и своего ребенка.

В 1944 году, когда мне исполнилось 18 лет, меня арестовали по надуманному обвинению в халатности, но на суде спрашивали, имею ли я связь с осужденными родителями. Тогда еще не было известно, что их расстреляли, а на все мои запросы о судьбе родителей был один ответ: «Десять лет без права пере-

«Вы должны сменить фамилию раз и навсегда». Я сказала, что ни за что свою фамилию менять не буду.

писки». Во время следствия я была беременна и родила в тюремной больнице, в Бутырках. После суда меня вместе с новорожденной дочкой, которую я назвала Анечка, отправили в Темлаг, в Мордовию. Через три года меня освободили.

Со своим мужем Красновым Владимиром Васильевичем я познакомилась, когда мы жили в Подмосковье, он приезжал к кому-то в гости. Спустя много лет мы встретились снова. Я уже получила реабилитацию, снимала жилье в Москве, работала. Однажды ехала в метро, и возле меня кто-то сел. Обернулась — это ж Краснов! Разговорились.... Он когда-то приносил мне газеты и журналы «Балтийское небо», и я ему сказала: «Ты приходи за журналами, отдам их тебе». Он пришел, и потихонечку у нас завязалось. Но мы были с ним совершенно разными людьми. Видимо, меня убедили друзья: «Алла, он не курит, не пьет, выходи за него...» Никого не надо слушать,

особенно в таких вопросах.

В 1960 году у нас родились двойняшки: Наташа и Катя. Наташка окончила архитектурно-строительный институт с красным дипломом. Была секретарем комитета комсомола курса, и их отправили в стройотряд на практику в Казахстан, в город Экибастуз. Я ей говорила: «Тебе нельзя ехать, так резко менять климат!» Она не послушала, поехала и там облучилась. Наташа долго лечилась, но через 15 лет умерла от тромбозмболии. А Катюшка умерла от кровоизлияния в мозг 6 лет назад. Она в папу моего пошла, у нее давление было по роду Обуховских.

Сейчас я ничем не занимаюсь, и это самое страшное. Одни «болячки» и больницы. Люблю смотреть политические передачи, хоть и возмущаюсь тем, как ведут себя выступающие. Надо как-то дипломатичнее. Любимого ведущего у меня нет, а раньше был. Но кумир упал с пьедестала.

Евгения Ершова:

«Я очень люблю слушать истории дедушек и бабушек»

Моя история, связанная с ГУЛАГом, началась с искреннего желания участвовать в каком-либо волонтерском проекте. Совершенно случайно в группе с рекомендациями таких проектов от своего института я наткнулась на пост, в котором как раз и предлагалось узнать историю из первых уст, помочь нуждающимся пожилым людям. И я решила принять участие в этом проекте.

Я очень люблю слушать истории дедушек и бабушек. Каждая морщинка на их лицах — отдельная жизненная история. Это всегда меня вдохновляет.

Меня вдвойне порадовала новость о наличии лекций по возрастной психологии, которые дали мне новые знания и помогли в общении не только с обычными пожилыми людьми, но и с теми, кто пережил репрессии.

Также меня подтолкнула возможность углубиться в историю.

Благодаря воспоминаниям Галины Денисовны Зацепиной, она стала моей подопечной, а сейчас является другом, я полюбила историю России. Наши встречи были наполнены романтикой, вкусными ужинами и искренностью. В особых случаях нам удавалось выпить вместе по бокальчику вина, рассматривая фотоальбомы. Я чувствовала, что всегда могу поделиться волнующими меня вопросами и получить дельный совет опытного человека, который пережил много событий в жизни.

Галина Денисовна рассказывала мне, что от всего сердца благодарна проекту за предоставленную ей помощь. Она — человек горячий и искренний, желающий всем добра и любви. И от этой атмосферы, царящей вокруг нее, мне всегда становилось тепло и спокойно.

Существует и еще один немало-важный аспект в жизни каждого думающего человека — попытки с течением времени снова и снова задавать себе вопрос, насколько наша жизнь наполнена смыслом. С этим часто сопряжены и так называемые возрастные кризисы, когда мы не обнаруживаем, в какую область мы могли бы вложить свою душу и время. Профессиональная реализация, образование нам помогают лишь отчасти: к сожалению, далеко не все могут испытывать счастье посвящать свою жизнь тому делу, которое они могли бы искренне любить. Для многих из нас даже поиск такого дела в своей собственной фантазии затягивается на десятилетия. И волонтерская деятельность привлекает большое количество людей в том числе и потому, что дает каждому возможность такое дело найти.

В. Наумов.

Заметки психолога

«По тем временам, если бы такую фотографию у нее нашли, ее бы саму расстреляли...»

Моя мама Елена Михайловна Попова родилась в семье изобретателя-самоучки Михаила Григорьевича Попова-Наумова и Анны Ивановны Переверзевой.

Мама с отличием окончила Второй медицинский институт в Москве, и ее оставили на кафедре хирургии. Одновременно она окончила музыкальную школу Ипполитова-Иванова, у нее было прекрасное колоратурное сопрано. Мама очень любила петь под собственный аккомпанемент, она играла на многих инструментах: пианино, гитара, скрипка, мандолина, она и меня учила музыке. Потом мама организовала хор. Их даже приглашали в Рязжск, Кораблино, Незнамово, Семион.

Мама абсолютно тургеневская барышня, исключительно порядочный человек. Очень добрая, очень любила животных. Я молилась на нее, для меня она была святой.

Мама была очень интеллигентная женщина.

Мама и бабушка учили меня прощению, любить людей. «Ба, ну как, это все надо прощать?» — спрашивала я, она говорила: «Прощать надо все». Если честно, я этого до сих пор не поняла. На мой взгляд, некоторые вещи простить нельзя.

Жили мы в деревне Никитино Рязанской области. Там была больница, где работала мама, бывший барский дом. Сначала она была там единственный врач, потом еще один приехал и фельдшер. Там же стирали бинты: кипятили, сушили, а потом скатывали. Собиралось много народу, сидели и резали старые простыни — тоже на бинты.

Отец бросил нас в 47 году, в 46-м привез детей от первого брака: Лёву, Лиду и Веру. Когда отец приезжал, он меня лупил зверски, мне

Еще бабушка очень любила поэта Апухтина. Помню строки: «Ну, старая, гадай, печаль мне сердце гложет, веселой болтовней меня развесели!».

4 года было. И мой брат младший прибежал и начинал на него кричать: «Ты что, ты зачем сюда приехал, ты что делаешь?» Это тоже у меня в памяти осталось на всю жизнь. Врагов у меня не было. Но этот человек был мне не интересен. Мама рассказывала о его проделках.

У нас была корова Ягодка, у нее жирность молока какая-то была совершенно уникальная, очень высокая. Все очень дружно жили. Вспоминаю о тех временах, как о рае. Учились в школе, в свободное время играли в преферанс, летом — в волейбол, баскетбол, катались на велосипеде. Самое яркое детское впечатление — это общение с мамой и бабушкой. Они были всегда предельно заняты, мама работала, на бабушке было все хозяйство: она все время что-то готовила. Рыбы наловишь, каких-нибудь пескарей (река была по щиколотку), и бабушка так вкусно их готовила! Торты пекла,

она умела все. У нее пять человек детей было. Муж умер, когда ему было 25 лет (бабушкин муж, мой дедушка), и она осталась с пятью детьми. Растила их.

Бабушка была очень красивая, такая типичная русская. Конечно, маленькая я бабушку очень любила. Она меня крестила, молитвам учила.

Еще бабушка очень любила поэта Апухтина. Помню строки: «Ну, старая, гадай, печаль мне сердце гложет, веселой болтовней меня развесели!» И вот такая строчка: «И этот день пройдет, как многие прошли». Что бы со мной ни случилось, всегда ее вспоминаю.

Вот у меня была безумная боль, когда я себе три ребра сломала. Я ударилась, лежала и минут 20 не могла вообще встать. И вдруг: «И этот день пройдет, как многие прошли».

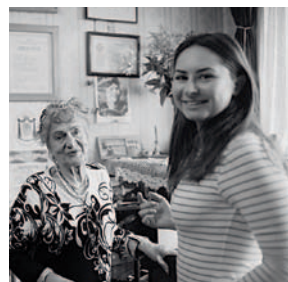
Мы голода не чувствовали. Бабушка постоянно что-то изобретала: котлеты из свеклы, риса, манки, картофеля.

Мы голода не чувствовали. Бабушка постоянно что-то изобретала: котлеты из свеклы, риса, манки, картофеля. Рядом был лес, собирали грибы. Еще она готовила прекрасное блюдо — чибрики. Терла картошку, добавляла немного муки (ее не было), получились оладушки сине-зеленого цвета. Я пыталась готовить, ни разу в жизни у меня таких чибриков не получилось. Белую свеклу готовили: варили, запекали. Получалось что-то фантастическое! С приходом весны начиналась крапива, все ее собирали и варили щи. Это было что-то невероятное. Была земля, какие-то продукты были. Как раньше картошку и свеклу хранили? Рыли огромные ямы лопатами осенью. Туда кидали солому и засыпали все, что было: морковь, картошку. Потом снова соломой застилали и засыпали землей.

Я училась в семилетке в Никитино. Ходить было далеко, а потом я уехала. Окончила школу номер

173 в Москве, десятилетку. Жила я тогда у своего дяди на улице Горького. Однажды произошла история, которая меня оскорбила жутко. У меня было школьное платье и всегда чистый воротничок, и вдруг мне дают деньги, как бедной. Для меня это был шок! Я дурочка была. Нормальный человек взял бы, поблагодарил. Я была настолько обижена, ужас! И я понять не могла, чем я от других отличаюсь, почему решили, что я бедная-то.

У меня был младший брат Юра, я его очень оберегала. Я была настоящей маленькой бандиткой. Мама мне всегда говорила: «Гуленька, тебе надо было мальчиком родиться! А Юрке-то нашему обзывали моего брата «Мериканец». Почему — не знаю. Он был очень красивый и тихий мальчик, мама справила ему матросский костюмчик. Вот все его и дразнили. Я дралась с этими ребятами.

Еще у нас часто бывала женщина. У нее пересажали всю семью, включая детей. Их мучили, пить не давали, они рассказывали потом.

Если кто-то моего Юрку обижал — все. Я брата своего младшего заставляла пить соленую воду и есть сало свиное, один вид которого у меня вызывал отвращение. Я Юрке говорила, вдруг нас сейчас немцы схватят, будут мучать, пытать, чтобы мы пытки выдержали. Нам же всем тогда Зою Космодемьянскую в пример ставили. Я была пионеркой. В комсомол вступили всем классом. Ну и смеялись над этим словом. Мама мне всегда: «Гуленька, не надо, не надо, так не надо говорить». Но само слово «вступили»!

Еще у нас там жила одна женщина, я училась вместе с ее сыном, Шуя мы его звали, очень худенький, скелетик просто. Однажды я видела, как у нее уводили козу, а у нее караван детей. И она плакала, в ноги кидалась, руки целовала, умоляла оставить козу, потому что без нее дети умрут от голода. Я после этого Шую тоже защищать стала.

Еще у нас часто бывала женщина, кажется, ее звали Маруся. У нее пересажали всю семью, включая детей. Их мучили, пить не давали, они рассказывали потом. Я же маленькая была, приду, уткнусь где-то, на меня внимания не обращали — я слышала все.

У меня как-то рано сложилось ощущение, что жить страшно. Потому что я, когда была маленькая, столько всего видела...

Несмотря на то, что я росла без отца, я никогда в жизни, не чувствовала, что чем-то обделена. У меня были бабушка, мама. Приезжали мамини тетя Нюра, дядя Гриша из Москвы с семьей, родственники из Мценска. Жили подолгу, сейчас я понимаю, что они так от голода спасались.

В детстве я хотела быть похожей на мамину сестру — тетю Соню. Их было три сестры. Вера была интересная, а тетя Соня — удиви-

А маму выслали. Холод был лютый. У нас была одна пара сапог, вот семья, двое-трое детей, одна пара сапог.

тельно неинтересная. У нее было такое большое лицо, довольно грубое. Они были дворяне. И мама всегда говорила: «Мы — мещане, а вот тетя Соня — дворянка». Она пела в Большом театре. Софья Киселева. Когда они с мамой пели, звенели стекла. У тети Сони муж тоже был, он в хоре пел.

Потом у мамы был муж Альфонс Эрнестович, детский врач. Это была мамина судьба. Он был на 4 года старше ее. И она молоденькая была, когда они сошлись. Мама официально не была супругой Альфонса Эрнестовича, хоть в протоколе допроса СССР НКВД Попова Елена Михайловна названа его женой. Хоть они и виделись постоянно, но ее отсутствие в 1937 году в Орле спасло ее от расстрела, потому что расстреляли даже какую-то знакомую его. Какая-то женщина, может быть, он с ней жил, с этой женщиной. Но, насколько я знаю, Альфонс

Эрнестович маме не изменял. Но в то же время расстреляли Альфонса Эрнестовича и ее. Мой дядя Гриша, который в секретном работал, довольно часто с Альфонсом Эрнестовичем виделся. И если б тот хотя бы сказал, что знает Попова Григория Михайловича, наверное, и дядю Гришу тоже бы уничтожили, всех вместе. Альфонс Эрнестович сгинул в Коммунарке. Мама моя так любила этого Альфонса Эрнестовича, вы себе представить не можете. Она хранила фотографии, где она с ним сфотографирована. По тем временам, если бы такую фотографию у нее нашли, ее бы саму расстреляли, несмотря на то, что там двое детей и мать — старая бабушка.

А маму выслали. Холод был лютый. У нас была одна пара сапог, вот семья, двое-трое детей, одна пара сапог. И ходили так: сегодня один идет в школу, завтра другой идет.

Говорю как-то: «Мама, я нашла Альку твоего». И я хотела написать на доске, что здесь похоронены Альфонс Мей и внизу написать «Альке от Ляльки».

1
Галина Денисовна
шла мимо здания
Музея истории
ГУЛАГа на Петровке,
16. Это старое здание
Музея, в котором
была открыта
экспозиция с 2004
по 2015 год. Рядом
с ним находилась
Генеральная
Прокуратура РФ.
Сейчас адрес
Музея истории
ГУЛАГа: Москва,
1-й Самотечный
переулок, д. 9, стр. 1

Мама с 1932 года проживала дома в Москве, училась в мединституте. Альфонс Эрнестович всюду возил маму. Однажды я приехала в Кисловодск, в санаторий имени Горького, нам давали иногда бесплатную путевку. Там была гора Красная горка. Я туда поднималась, потому что у Альфонса Эрнестовича было очень много оттуда маме открыток. Я целовала эту землю.

Я же нашла потом информацию об Альфонсе Эрнестовиче. Иду мимо, это ГУЛАГ¹. Думаю, ничего себе, прокуратура и ГУЛАГ во дворе. Хожу-брожу. Вдруг подходит ко мне женщина и спрашивает: «Что, у вас тоже?» Я говорю, вот мамин муж, которого она боготворила, был расстрелян. Ну и ушла эта женщина. Через какое-то время она возвращается: «А вы знаете, мы нашли его в расстрельных списках». И дает мне этот листок. Это и чудом назвать нельзя. Я когда прихожу к маме

на могилу, рассказываю ей все. Говорю как-то: «Мама, я нашла Альку твоего». И я хотела написать на доске, что здесь похоронены Альфонс Эрнестович Мей и внизу написать «Альке от Ляльки». Моя знакомая говорит: «Гая, разве так можно?» А мне кажется, что можно все. Не знаю. Я это сделаю обязательно.

Марина Власкина:

«Это был шанс разобраться в себе»

Однажды зимой я заболела и была вынуждена несколько дней подряд сидеть дома. Я не привыкла к такому заточению, во мне нарастала непонятная тоска, и совершенно не было сил даже на любимые занятия. Тем временем в мой институт пришло письмо из Музея истории ГУЛАГа с приглашением волонтеров для помощи пожилым людям. И я откликнулась. Не потому, что я мечтала быть волонтером и творить добрые дела, просто это был шанс разобраться в себе.

После пары подготовительных лекций в музее я выбрала себе подопечного. Исключительно по географическому признаку — станции метро. Скажу честно, сомнения и опасения не оставляли меня долго. Никогда прежде я не общалась с людьми преклонного возраста и очень боялась сделать что-то не так. Но я учусь на педагога-психолога и должна уметь общаться со всеми. О своей подопечной Елене Константиновне я знала лишь то, что она хороша собой и живет вместе с сыном. Перед первой встречей я очень волновалась, как будто иду к известной актрисе, и чувствовала себя, откровенно говоря, неуверенно. Но буквально на пороге, едва увидев меня, Елена Константиновна обрадовалась так, словно знала меня уже много лет. Мне сразу стало легко и спокойно, камень с души упал. Мы прошли на кухню, она познакомила меня со своим сыном, Константином Павловичем. Он в прошлом знаменитый теннисист, сейчас работает тренером. Я с трудом подбирала слова, чтобы начать разговор, но Елена Константиновна сама начала рассказывать о себе. Такого доверия и открытости с первых секунд знакомства я не ожидала. Елена Константиновна человек очень интересный и дружелюбный, она умеет создать благоприятную атмосферу для разговоров и воспоминаний. Воспоминаний хватило бы на отдельную книгу.

Мне очень помогли психологические сессии, проводившиеся для волонтеров. Мы делилась своим опытом, профессионалы подсказывали, как нам действовать в той или иной ситуации. Я получила драгоценный опыт. Надеюсь, действительно научилась быть терпеливее, слушать и слышать других людей. Я поняла, что «правильно» и «неправильно» для каждого человека свое и нужно уметь видеть поступки через призму жизни человека, а она у Елены Константиновны была непростой.

Встреча с Еленой Константиновной мне была послана не просто так, а как напоминание о том, что молодые, здоровые, сильные и нужные рано или поздно становятся больными, слабыми и беспомощными. Каждый из нас будет чувствовать себя как несчастный путник, заблудившийся в лесу, один на один со своими страхами, и не будет знать, что ему делать и куда идти. И пока еще мы не на месте этого путника, нам стоит оглядеться вокруг: может быть, рядом есть кто-то, кто нуждается в нашей помощи.

Страх своего старения зачастую заставляет нас отворачиваться даже от родных нам стариков. Но страх определяет ограничения, тогда как преодоление страха определяет свободу. Осмысление жизни человека, находящегося в преклонном возрасте, могло бы столкнуть нас с тем, чего мы боимся: с отчаянием и одиночеством.

В. Наумов.

Заметки психолога

«Радостное детство длилось недолго»

Я родилась 13 апреля 1928 года в солнечной Грузии, в Тбилиси, в семье военнослужащего, у добрых и любящих родителей — Константина Илларионовича и Полины Васильевны Пугаевых. Жила, росла среди хороших людей многонациональной республики — грузин, армян, татар, евреев, курдов. Никогда не забуду маленьких «курдят», босиком бегавших по свежеснежному снегу.

Мы жили в центре города, все главные достопримечательности были рядом. Брат моей мамы очень меня любил, мы часто гуляли с ним по центральной улице — проспекту Руставели. Он говорил: «Я горжусь, когда несу на руках такую красивую “куклу”, мимо которой не может пройти ни одна грузинская женщина, чтобы не ущипнуть ее за пухлую щечку». Благодаря ему я уже в пять лет была знакома со всеми оперными и балетными постановками театра

им. Палиашвили. Самой любимой оперой у меня был «Евгений Онегин». Я не знаю, что это было за чувство, но я влюбилась в Онегина и не пропускала ни одного представления. У входа в театр всегда висела афиша, и я выписывала даты, когда можно было ее снова посмотреть. Дома к моей любви относились с пониманием, и иногда в театр меня провожала бабушка: она запускала меня в зрительный зал, а сама ждала на улице, на лавочке. В театре меня все знали и считали главным посетителем.

В семь лет я пошла в школу. Школа оказалась очень сильной, там учились дети из еврейских семей. В первый класс меня не приняли, я не знала еврейского правописания. Отправили в нулевую, где мы постигали еврейское письмо, учились писать справа налево. В восемь лет меня перевели в первый класс. Я попала в группу, где все учились только

В ночь на 8 марта 1938 года к нам домой пришли какие-то люди и увели нашего отца. Мне было 10 лет, сестре 3 года.

на отлично. Приняли меня хорошо, появились новые друзья и подруги. Не могу не назвать одного хорошего человека — Евгения Максимовича Примакова, с которым мы учились в одном классе. Он часто приходил к нам во двор. Жили мы дружно, ходили в кино, театры, на выставки.

Но радостное детство длилось недолго. В ночь на 8 марта 1938 года к нам домой пришли какие-то люди и увели нашего отца. Мне было 10 лет, сестре 3 года.

Я была очень самостоятельной, активной, к тому же еще и общественной, и накануне 8 марта на собранные классом деньги купила подарки для педагогов. Они лежали у меня дома. Всю ночь я проплакала из-за своего любимого отца, глаза почти не открывались, но надо было идти в школу — не могу же я подвести весь класс. Конечно, мои подруги заметили, что со мной происходит, и мне

пришлось признаться, что я — дочь преступника, которого ночью куда-то увели. С того дня наша жизнь изменилась. Из дома забрали почти все, нас преследовали и грозили выселением из квартиры. Даже соседи не гнушались такими угрозами.

Нужно было как-то жить, и мама устроилась на фабрику по пошиву одежды. Тем временем папу нашего увозили все дальше, и конечным его пунктом стал Дальний Восток, Колыма, бухта Нагаево, где температура воздуха опускалась до 60 градусов. Холодный неприютный край после ласкового южного неба. Как мы узнали позже, в лагере заключенные голыми руками корчевали пни. Была установлена ежедневная норма выработки — не выполнишь ее, лишишься и без того скудной пайки.

По пути движения поезда папа делал короткие записи на пустых

По пути движения поезда папа делал записи на папиросных коробках «Беломора» и бросал в окно. Писал одно и то же: «Хлопочите, я ни в чем не виноват».

папиросных коробках «Беломора» и бросал в окно. Писал одно и то же: «Хлопочите, я ни в чем не виноват», указывал наш домашний адрес. И это оказалось не напрасно! Находились добрые люди, которые подбирали эти записки и отправляли по указанному адресу. И мы начали получать эти весточки, хлопотали, как только могли. Писали в разные инстанции и в Тбилиси, и в Москве. К счастью, сестра моей мамы в то время работала помощницей Надежды Крупской. С ее помощью на наши просьбы обратили внимание, и дело отца отправили на вторичное судебное разбирательство.

Однажды ночью постучали. Дверь была полупрозрачная, стекла закрывались ставнями. Чтобы никого не беспокоить, я подошла и тихо приоткрыла ставню — увидела мужское лицо с бородой и буденовскими усами. Мужчина ласково улыбнулся,

и я решилась открыть дверь. Это была ночь, не похожая на ночь 8 марта 1938 года. Это было счастливое возвращение отца домой. В доме начался переполох — слезы радости, объятия, поцелуи. Придя в себя, мы начали подшучивать над его бородой и усами. Он сказал, что не сбреет, пока не покажется таким своей маме — узнает ли она своего сына. Ночью же позвонили папиным сестрам, которые появились у нас чуть свет. И снова слезы, теперь не только радости: папа узнал о смерти своей мамы.

Папа вернулся домой с подарками — привез нам с сестрой обувь. Говорил, что купил ее на честно заработанные деньги.

Отцу предложили работу в органах милиции старшим оперуполномоченным следственного отдела, согласно его званию подполковника. Работал допоздна, часто и по ночам. Мне как старшей

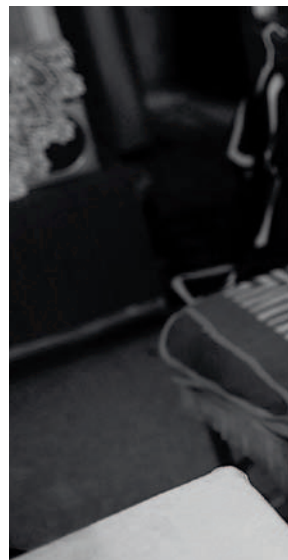
Жизнь была тяжелая — 200 грамм хлеба на иждивенца в сутки. Мама возила вещи в деревню, меняла на пшеницу, масло, таскала на себе тяжелые мешки.

любопытной дочери он рассказывал интересные и страшные истории, с какими ему приходилось сталкиваться. Но спокойное время продолжалось недолго. Началась война, отец ведь вернулся почти перед самым ее началом. И снова покинул дом, ушел на фронт. Воевал в Крыму, Керчи, Ростове-на-Дону, на подступах к Северному Кавказу. Ростов тогда был почти таким же важным городом, как Волгоград. Он дважды переходил из рук в руки. Держались, как могли. Волгоград не пускал врага за Урал, а Ростов — за Кавказский хребет.

Жизнь была тяжелая — 200 грамм хлеба на иждивенца в сутки. Мама возила вещи в деревню, меняла на пшеницу, растительное масло, таскала на себе тяжелые мешки. Я организовала дружное рытье траншей в своем дворе. Немецкие самолеты-разведчики летали над городом, ожидалось

бомбежки. Во время воздушных тревог мы прятались в этих траншеях и подвале.

В городе началась эпидемия сыпного и брюшного тифа. И я свалилась на несколько месяцев. Сначала брюшной тиф, потом паратиф А, паратиф Б, крупозное воспаление легких, воспаление почек. Я высохла до основания, остались только кожа и кости. Жизнь во мне поддерживали физиологическими растворами. Очень хотелось есть, но при такой страшной болезни опасна была даже крошка хлеба, все внутренности были как папиросная бумага. Врачи говорили, что лечить меня бесполезно, да и нечем: «Покормите ее, все равно умирает, так пусть умрет сытой». Прощаться со мной приходили педагоги и ученики, стояли у кровати целыми группами. А однажды, в день моего рождения, к нашему дому пришел весь мой класс с учителем, они стояли

Я организовала дружное рытье траншей в своем дворе. Немецкие самолеты-разведчики летали над городом, ожидалась бомбежка.

под окном и кричали: «Лена, мы тебя любим!» Мама взяла меня из постели на руки, как сухую куклу, и поднесла к окну, чтобы дети могли меня видеть, а я еле махала им рукой.

О моей болезни узнал папа, и по прибытии этапного маршрута он теперь сам подходил к поезду, в котором ехали военные на подкрепление нашего города. Находил женщин и просил довести для своей дочери банку меда. И попадались хорошие люди, мы получали от отца эти подарки.

Я сумела побороть болезнь и остаться в живых. Мне пришлось расстаться со своими красивыми кудрявыми волосами, они просто осыпались. Ходить в косынке я очень стеснялась... Вернулась в школу и в свои 14 лет уже руководила отрядами октябрят, которые меня любили, а я их просто обожала. Потом была комсо-

мольским лидером, а в десятом классе по рекомендации райкома меня приняли в партию. Директор школы говорил, что я его правая рука, он всегда может на меня положиться.

Я окончила школу, приехала учиться в институт в Москву и осталась там работать. Однажды, сидя у телевизора, увидела знакомое лицо: Женька! Даже воскликнула от неожиданности. «Какой он тебе Женька — это министр иностранных дел», — сказали мне родные. А я все свое твержу: «Пусть министр, а мне он Женька!» Это был уважаемый Евгений Максимович Примаков. Я не удержалась и написала ему хорошее письмо с поздравлениями, пожеланиями, а чтобы он не подумал, что я какая-то самозванка, привела некоторые подробности из нашей школьной жизни. Например: «Женька, я помню, как ты бегал по школьным коридорам — аж стены тряслись, такой

А я все свое твержу: «Пусть министр, а мне он Женька!» Это был уважаемый Евгений Максимович Примаков.

ты был пухленький, как на каждой перемене ты забегал в буфет, и буфетчица Фаина Марковна угощала тебя французской булкой с сосисками». Спустя какое-то время в квартире раздался телефонный звонок, мне сказали, что звонят из приемной Е. М. Примакова: «Он получил ваше письмо, оно ему очень понравилось, и просил узнать, не нуждаетесь ли Вы в чем». Вот такой был человек, таких сейчас найти трудно.

Ольга Кузнецова:

«Мне тема волонтерства очень близка. Сейчас много возможностей для реализации себя в этой деятельности»

У меня совершенно среднестатистическая семья, корни которой в деревне Брянской области. Нас не коснулись напрямую ужасы советской власти, хоть и ходили слухи о том, что кто-то из родственников был раскулачен. Вся моя семья — это труженики колхозов, заводов, предприятий. О ГУЛАГе я знала из школьных учебников и лишь отрывочно. А потом со мной случился Музей истории ГУЛАГа.

Я была студенткой 3-го курса МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ) и только делала первые шаги в роли руководителя волонтерского центра Университета, когда получила письмо о проекте «Психология заботы». Потом был телефонный разговор с Варварой Усаневич, руководителем социально-волонтерского центра. Меня пригласили на лекции для волонтеров. И вот я и моя сокурсница оказываемся в стенах музея, где люди с огромной любовью и трепетом рассказывают, как взаимодействовать с людьми, чьи судьбы связаны с репрессиями. Подсознательно меня пугала работа с пожилыми людьми, хоть я и учусь на психолога-педагога. Но появилось большое желание попробовать. Мне тема волонтерства очень близка. Сейчас много возможностей для реализации себя в этом роде деятельности. Но проект музея не про «себя». Он про людей. Поэтому мне захотелось стать его частью.

Начиналось все с малого — телефонных разговоров с подопечными, выполнения мелких поручений. А уже к началу весны я познакомилась с Ириной Александровной Соловьевой, моей подопечной в проекте «Психология заботы». И эта встреча точно меня изменила. Перед визитом я позвонила ей по телефону, если честно, было очень волнительно. Но я услышала бодрый и радостный голос, мне четко объяснили, как удобнее до-

браться и предупредили: нужна помощь с архивными документами.

На выходе из лифта меня уже встречала Ирина Александровна, маленькая женщина с тонкими чертами лица (знакомые сравнивали ее с Майей Плисецкой, в этом есть доля правды). На ней была красивая вязаная кофта, как оказалось, Ирина Александровна замечательная рукодельница, думаю, она может связать абсолютно все. «Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Как добрались? Обязательно выберите себе тапочки, а то немного дуэт».

Ирина Александровна живет одна. Ее регулярно навещает двоюродная внучка, иногда заезжают другие родственники. Несколько раз приходит помощница по дому, которая, по словам Ирины Александровны, всегда спрашивает, что сломалось на этот раз, — она мастер на все руки. В первый же день Ирина Александровна рассказала мне историю своего отца и всей их семьи, чтобы потом мы смогли без промедления приступить к разбору писем и архивных документов, их она бережно хранила все эти годы.

В 93 года Ирина Александровна обладает невероятной памятью, гибким мышлением и трудоспособностью. Впрочем, она всю жизнь была разносторонне развитой и увлеченной. С малых лет любила литературу. В письмах обращалась

к отцу: «Дорогой Жан Вальжан», а тот, в свою очередь, отвечал: «Моя Козетта...»

Ирина Александровна хочет написать автобиографическую книгу. На первой же нашей встрече она стала со мной советоваться.

- Олечка, как ты думаешь, если я напишу о своей сестре по отцу правду, не будет ли это лишним?
- Что Вы, Ирина Александровна, это же ваша история, конечно, пишите. Пусть все это хранится не только в вашей памяти.
- Да, что это я. Пусть хоть в собственной книге будет все, как положено.

Ирина Александровна пишет книгу от руки, ей так удобнее и привычнее, чем наговаривать на диктофон и просить кого-то печатать текст. Письма отца из лагеря она тоже переписывала понятным почерком. После тюрьмы он потерял зрение, поэтому текст было сложно разобрать.

Об увлеченности Ирины Александровны можно говорить часами. В школе она была круглой отличницей. В детстве ей нравился балет, но, посетив несколько занятий, она сообщила маме, что такой режим не для нее. Занималась она в школьные годы и в кружке балетных танцев. Замечательно, что спустя много лет, когда она разрабатывала патенты обувных машин, ейгодились танцевальные навыки. «Как-то к нам приехали итальянцы, решили открывать предприятие. Мы повели их в ресторан. Несколько мужчин, переводчица и я. Сидим, и тут мои коллеги решили пригласить меня на танец. А я и не танцевала-то толком со школьных времен. Русские все ноги мне оттоптали. А среди итальянцев был один — директор, весь с иголочки, такой денди, высо-

кий мужчина. Смотрю, он что-то говорит переводчице. Та подходит ко мне: «Сеньор хочет пригласить Вас на танец, вы очень хорошо танцуете». Ну, что ж, согласилась. И тут вспомнила все. Кажется, мы танцевали танго, он уверенно вел, я старалась не отставать. Потом он меня спросил: «Где же вы так научились танцевать? Мне для этого пришлось заниматься у знаменитых танцоров».

Вот такая она, Ирина Александровна. Всю жизнь чему-то настойчиво учится. И всегда находит возможность применить навыки на практике, или возможности находят ее. А сколько тяжелых заболеваний она перенесла! Говорит, что все эти «болячки» всегда заставляли ее действовать, решать проблемы. Невероятное отношение к жизни. Вся женская мудрость, человеческая открытость, понимание и принятие многих сложностей — все в Ирине Александровне Соловьевой. Помню, первые наши встречи длились по несколько часов, уезжала от нее ближе к ночи, но только после того как поем сырников и отведаю пару конфет «Птица дивная», они всегда куплены к приходу гостей. Еду в троллейбусе и думаю: вот портрет человека, которым хочется быть. Какое счастье!

«Каждый раз, знакомясь с каким-то человеком, я должна была думать, а не испорчу ли я ему биографию?»

Я родилась 4 июля 1926 года в Москве, и жизнь моя протекала счастливо. Я очень любила своего отца, он много со мной занимался, воспитывал в самом что ни на есть коммунистическом духе. Я была октябренком, пионером, старостой, училась только на пятерки, со мной за парту сажали хулиганов, чтобы я их перевоспитывала.

Папа, Федоров Александр Семенович, работал начальником административно-хозяйственного промышленного управления Наркомлегпрома СССР, был одним из основателей Московского технологического института легкой промышленности и внештатным лектором ВКП(б). 5 ноября 1938 года он в черном костюме и белой рубашке отправился на завод читать лекцию к очередной годовщине Октябрьской революции. Я спокойно легла спать и не слышала, как ночью у нас в квартире был обыск. О том, что произошло, я узнала лишь

наутро, когда увидела заплаканную маму.

Моего отца обвинили в контрреволюционной деятельности и осудили по 58-й статье на 8 лет. Несколько месяцев он провел в тюрьме на Лубянке. Над ним издевались, и это сказалось на его здоровье — он ослеп. Отбывать наказание отца отправили в инвалидный лагерь на станцию Решеты Красноярского края.

Отец был самым главным человеком в моей жизни. Мама не скрывала от меня, что случилось, и объяснила, что поскольку наш отец ослеп и попал в инвалидный лагерь, мы будем ему помогать. Везде в первых строках своей биографии я должна писать, что мой папа сидит по такой ужасной статье. Я приняла это совершенно спокойно, потому что я ни минуты не сомневалась, что мой отец ни в чем не виноват. Не могла поверить, что он «враг

Моего отца обвинили в контр-революционной деятельности и осудили по 58-й статье на 8 лет.

народа». Многие, напротив, об отцах нигде не писали.

Я переписывалась с папой все восемь лет — с пятого класса школы по второй курс института. Делилась с ним буквально всем, как с подругой: что у меня в жизни происходит, в какие кружки хожу, в какой институт хочу поступать, какие мне мальчики нравятся. Все эти письма он сохранил, привез с собой из лагеря, и теперь они у меня, лежат по порядку, одно к одному.

Как вспоминал потом папа, инвалидный лагерь был «санаторием» по сравнению с тем, что случилось с ним после второго ареста. Основной процент заключенных составляли старые профессора, поэты, литераторы. Вечерами они собирались, общались. Так как папа был практически слепой — он мог видеть только тени предметов, — для того чтобы ему было проще писать письма, ему сделала что-то типа трафарет-

тов, прорези в черной бумаге. Прочитать написанное он, естественно, не мог. И мы прекрасно понимали, что пишем не ему лично — кто-то ему эти письма читает.

После школы я поступила в Московский технологический институт легкой промышленности на самый сложный факультет — механический. Отца в институте все хорошо знали и помнили, поэтому я благополучно там отучилась, никто меня не трогал, в комсомол не тянул, ни за что не наказывал.

В 1946 году отец освободился и вернулся. Но жить с нами, в Москве, ему было запрещено — видимо, считали ненадежным человеком, несмотря на слепоту. Мы решили, что нужно все-таки соблюдать режим проживания и, раз нельзя жить в Москве, надо снять комнату в Переславле-Залесском, чтобы хотя бы числиться там. Но, честно говоря, у нас просто не было денег. Отец

Мама не скрывала от меня, что случилось, и объяснила, что поскольку наш отец ослеп и попал в лагерь, мы будем ему помогать.

начал торговать на рынке, продавать конфеты-подошечки, какой-никакой заработок.

После 4-го курса я поехала в студенческий дом отдыха в Махру и там познакомилась с четверокурсником Бауманского училища, его звали Борис. Я не могу сказать, что уж очень в него влюбилась, а вот он влюбился основательно. Мы вернулись в Москву, Борис часто бывал у нас дома, видел моего отца, они общались. Ну, что там, старик, никому в голову не приходило, что он какой-то контрреволюционер. В апреле 1949 года я готовилась к защите, у меня было много чертежей, диплом-то конструкторский. Борис активно помогал, брал у меня какие-то материалы, чертил у себя в общезжитии, потом приносил обратно — это было для него поводом для встречи. В один прекрасный апрельский день к нам в квартиру пришла дворничиха с двумя чеки-

стами, и отца увели под предлогом нарушения паспортного режима.

Мы решили, что его просто отправят в Переславль-Залесский.

То, что его арестуют снова, нам не могло прийти в голову.

На следующий день вечером, Борис как раз принес мне чертежи, в квартире снова появились два чекиста и со словами «оружие, золото на стол» начали обыск.

Уму непостижимо и даже смешно — хоть бы оглянулись, куда пришли! Они такой обыск устроили, будто у нас в квартире запас оружия. Все книжки вытащили, перетрясли, оторвали плинтусы....

Даже старенькое пианино вскрывали, это был ужас! Представьте состояние бедного Бориса. Ничего не нашли, и когда закончили, обратили внимание на него: «А вы кто?» Борис возьми да и скажи: «Я ее жених!» И тогда ему приказали раздеться. При мне ему пришлось снять брюки, рубашку.

Ему заглянули в трусы, потом проверили документы, — действи-

В один апрельский день к нам в квартиру пришла дворничиха с двумя чекистами, и отца увели под предлогом нарушения паспортного режима.

тельно ли он студент Бауманки, взяли на заметку и сказали: «Свободен».

Прежде чем уйти, Борис попросил у меня новые материалы для чертежей. До самой защиты диплома он мне помогал и даже после защиты подарил мне букет цветов. В августе я должна была уже начать работать по распределению в Москве, а до этого уехала в студенческий дом отдыха. За те 12 дней, что я там была, он, будучи на практике, написал мне 12 писем, я получила их, когда вернулась из дома отдыха. Все письма были с трагическим предчувствием, что нам придется расстаться. Но он все равно меня ждал. Когда я вернулась, я рассказала ему, что его со мной ждет. Если бы он настоял на своем, его бы с волчьим билетом отовсюду исключили. Больше я его не видела. У нас никогда не было с ним разговоров о женитьбе, и я переживала не об этом. Просто вдруг поняла,

что я прокаженная. Каждый раз, знакомясь с каким-то человеком, я должна была думать, а не испорчу ли я ему биографию?

Особым совещанием при МГБ СССР папа был осужден по той же самой статье, что и в первый раз, и отправлен на поселение в Игарку. Говорят, в 1948 году был такой приказ, которым решено было добить тех, кто выжил после довоенных арестов. Это была просто какая-то как месть. Слепой, беспомощный старик должен был сам снимать комнату, как-то заботиться о себе. Когда этап прибыл в место назначения, его просто выкинули на вокзале. Но поскольку город был заселен бывшими репрессированными, его пожалели — подобрали и отвезли в больницу. Он пролежал там с дистрофией 8 месяцев.

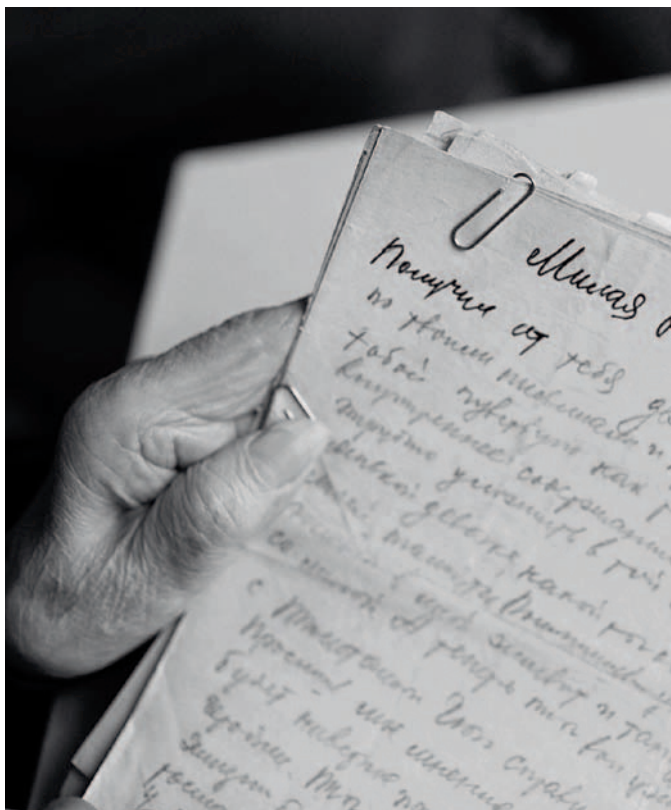
Папа был человеком невероятной энергии, и это при его-то жизни... Научился читать по Брайлю, вел дневник, подробно фиксировал

В 1955 году отца реабилитировали. Ему было жизненно важно доказать свою невиновность, восстановиться в партии.

свою жизнь. Я иногда сижу дома одна, мне очень тоскливо. При этом у меня рядом телефон, телевизор, радио. А представляете жизнь слепого человека, когда он не видит и не знает людей, которые его окружают, это ж с ума можно сойти! У меня была одна папина тетрадка, я ее даже не смогла дочитать, решила, что он помешался рассудком — это просто бред, ему все чудилось.

В 1955 году отца реабилитировали. Ему было жизненно важно доказать свою невиновность, восстановиться в партии. Он потратил на это все силы, добился своего, но счастье это ему не принесло. Однако отца восстановили в партии, и он стал пенсионером союзного значения.

Только на первый взгляд удивительно, насколько разными могут быть волонтеры. Казалось бы, идеология помощи нуждающимся, внимание к определенной категории подопечных — жертвам политических репрессий, находящимся в преклонном возрасте, — должны объединять какую-то предсказуемо определенную группу единомышленников. Ожидаемо, что участием в проекте могут заинтересоваться историки и культурологи, начинающие или состоявшиеся литераторы и журналисты. Однако опыт работы в проекте показывает, что в действительности проект объединяет людей с самыми разными интересами и судьбами.

В. Наумов.

Заметки психолога

Валерий Харламов:

«Погружение в частные истории жизней моих подопечных позволило мне больше узнать о репрессиях и их последствиях»

Я давно являюсь волонтером Музея истории ГУЛАГа. Руководитель волонтерского центра Варвара предложила принять участие в проекте «Психология заботы». Меня это заинтересовало, так как проект давал мне шанс поближе познакомиться с людьми, которые пострадали от репрессий, — сидевшими в лагерях, тюрьмах — или с их детьми.

До этого проекта мое общение с подопечными музея сводилось в основном к выполнению конкретных бытовых и хозяйственных поручений. Здесь же было совсем по-другому.

Я записывал воспоминания Гюльнар Аслямовны Мамлеевой, дочери «врага народа», а затем Ирины Михайловны Петренко (Крыжановской) — в ее семье от репрессий пострадало тринадцать человек.

Мои подопечные 1930 и 1921 года рождения. У них сохранились папки с документами и фотографиями, и мне было интересно знакомиться с ними.

В помощь волонтерам проводили психотерапевтические сессии, читали лекции. Сессию я посетил один раз, рассказал о себе, послушал других. Было интересно узнать, как складываются взаимоотношения с подопечными, какие характеры, какие проблемы возникают.

У меня с Ириной Михайловной и Гюльнар Аслямовной никаких особенных сложностей не возникло. Мы легко нашли общий язык. Моей задачей было внимательно слушать и записывать воспоминания, не упускать подробностей, задавать вопросы, чтобы лучше понять происходившие в их жизни события.

Обе подопечные — очень приятные собеседники, они всегда интересовались моими делами.

Погружение в частные истории жизней моих подопечных позволило мне больше узнать о репрессиях и их последствиях.

Частые переживания на тему, как именно говорить с подопечными, что говорить, собственная стеснительность — все это уходит уже после первых двух-трех встреч с подопечным, придавая волонтеру совершенную уверенность в себе и своей ценности. Быстро становится очевидным, что полезность волонтера не в отсутствии стеснительности, не в каких-то особых словах, которые «нужно обязательно найти», а в том самом обычном человеческом присутствии в жизни человека с трудной, но такой содержательной историей.

Многие волонтеры именно с приходом в проект могут найти то, чего им не хватает: друзей, единомышленников, собеседников, человека, который в них нуждается наконец.

В. Наумов.

Заметки психолога

«Я понимала, что папа — заключенный, но с самого начала верила в его невиновность»

Я училась в четвертом классе, во вторую смену. У меня был друг — Леня Марченко, он носил мой портфель. У нас был деревянный дом с терраской: крылечко, вход. Я поднялась, постучала в окно. Дверь открыл солдат. Позади него стояла бледная бабушка. Он говорит: «Девчонка ваша?» Бабушка отвечает: «Наша». Закрывает дверь, ключ — в карман. Вхожу в комнату: папа стоит, у него какая-то улыбка странная. А на полу валяется все, что из шкафа вывернуто. Я говорю: «Пап, что это?» А он мне: «Ну, это ошибка! Ты, пожалуйста, не волнуйся». Мама на работе, ее еще не было дома. Копались, копались, потом — отцу: «Одевайтесь!» Он меня поцеловал, говорит: «Все будет хорошо! Передай маме, что я очень скоро вернусь».

После этого мы папу видели в Бутырке. Нам разрешили свидание, и мама меня взяла с собой. Там такой большой зал, две проволочные

стенки. В коридорчике ходит часовая. И вот с одной стороны стоят заключенные, с другой стороны — посетители. Мы несколькими словами обменялись. Папа говорит: «Меня ссылают в Юргу — это возле Барнаула, не волнуйтесь, я все равно скоро... скоро вернусь». Это был тридцать третий год. Папа прошел три лагеря. Кстати, его отпустили в Москву. Он ехал в Тверскую область, в лагерь возле поселка Кесова Гора. Туда мы с мамой тоже ездили. Лагерь находился довольно далеко от железной дороги, так что за нами прислали телегу с заключенным возницей.

Едем, там деревни, окна — забытые. Мама спрашивает у возницы: «У вас эпидемия была?» Он говорит: «Что ты, милочка! Какая эпидемия! Здесь жили такие мужики, как я. Вот они за Урал высланы, а мы здесь!» Когда приехали, папа был страшно удивлен, что мама в такую даль со мной поехала. Мы прибыли уже ночью, и я заснула

Папа говорит: «Меня ссылают в Юргу — не волнуйтесь, я все равно скоро... скоро вернусь». Это был тридцать третий год. Папа прошел три лагеря.

на каких-то досках, укрытая маминим пальто. Папа пошутил: «Принцесса на горошине!» Он шутил еще!

Я понимала, что папа — заключенный, но с самого начала верила в его невиновность.

Я понимала, что я не такая как все. У нас жила девчонка в нашем поселке, папа у нее был квдэшник, делали вид, что с нами дружат. Они не отвернулись от мамы и не прерывали моей дружбы с этой девчонкой, тоже Ириной, но она мне говорила: «А я что про тебя знаю! А твой папа сидит!» А ее папа сажал моего отца.

А потом мы ездили в Икшу. Это уже был тридцать седьмой год. Тогда была премьера в Художественном театре — «Анна Каренина». И я уже была в театре, смотрела этот спектакль. И когда приехали мы туда с мамой в первый раз, у заключенных был черный репродуктор, и они

слушали новости о постановке. И вот они сидят и обсуждают этот спектакль. Они не говорили о том, какие они несчастные, как тяжело, а о том, что «наконец “Анну Каренину” поставили! Слава богу!».

Мы-то думали, папа отсидит и выйдет. В голову не приходило, что его могут убить! Однажды он сказал маме, что чувствует, как над ним сгущаются тучи. Видимо, он кому-то нагрубил там. Он маме рассказал, как это все делалось. И вот, когда папу уже во второй раз арестовали, потом у мамы не приняли передачу и сообщили, что «десять лет без права переписки». Мама еле-еле дошла домой, совершенно потеряв голос, и разговаривать не могла, но она все равно не верила, что... Потом, когда уже была реабилитация, поверила, что расстреляли. Он обвинялся в шпионаже в пользу Польши. К тому времени он уже пять лет просидел в лагере!

Диана Дзис:

«Не знаю, как можно объяснить, почему ты идешь помогать людям?»

В моей семье от политических репрессий никто не пострадал. Часть семьи всегда была связана с культурной сферой, другая — с инженерной. О ГУЛАГе я узнавала из книг. Когда поступила на театроведческий факультет в ГИТИС, наш мастер первым делом показала нам книжку Александра Эткинда «Кривое горе. Память о непогребенных» и сказала, что, пока мы ее не прочитаем, с нами не может быть диалога о современном искусстве. Я уже успела побывать к тому времени в Музее истории ГУЛАГа, еще в старом здании, поэтому очень заинтересовалась.

Не знаю, как можно объяснить, почему ты идешь помогать людям?

Изначально я собиралась помогать в архиве Музея и не собиралась работать с людьми. Но однажды понадобилась помощь, и я стала ездить к подопечным. Хорошо запомнила свой первый визит, потому что у меня с детства был страх старости. Но как только подопечная открыла дверь своей квартиры и радостно улыбнулась, я сразу почувствовала себя легко, мне было очень приятно, что для нее мой визит как праздник. Как-то незаметно я втянулась и стала регулярно навещать несколько наших бабушек.

Ситуации бывали разными.

Например, долгое время я навещала Александру Марковну (в своем рассказе имена некоторых подопечных я изменила). До меня у Центра была с ней уже довольно сложная история — дочь попросила женщину продать всю недвижимость в Казахстане, а саму Александру Марковну поселила в коммуналке с мужчинами-алкоголиками. Они периодически ее избивали и могли что-то украть из комнаты. Связку ключей от комнаты Александра Марковна носила у себя на шее под свитером. Наш волонтерский центр пытался ей как-то помочь, однажды даже благодаря волонтерам удалось найти

ей отдельную квартиру и переселить ее, но одна Александра Марковна жить не смогла. Я застала трагический финал этой истории.

Как-то зимой Александра Марковна пропала.

Я поехала в Фили проверять квартиру, было уже темно, январь, глухая пятиэтажка. Я со страхом стала открывать дверь. Захожу внутрь — слышен звук телевизора из соседней комнаты, но на мой визит никто не реагирует. Подхожу к ее комнате, с замиранием сердца открываю дверь — пусто, но все в комнате будто перевернуто. Я позвонила Варваре, прислала ей фотографии и с ужасом вышла из квартиры, столкнувшись в дверях с пьяным сожителем. На следующий день мы узнали, что Александра Марковна в психиатрической больнице № 14.

Мы поехали туда, взяв с собой какие-то гостинцы и вещи, чтобы оставить их Александре Марковне. Но врач запретил нам оставлять что-либо, потому что больные крадут друг у друга вещи.

Через неделю выяснилось, что она уже не в клинике, а в психосоматическом отделении Первой градской. Мы стали навещать ее там. За месяц человек просто угас. Перед Новым годом она еще со мной бодро разговаривала, а сейчас лежала, почти не шевелясь, и только

иногда издавала какие-то звуки... Однажды мы приехали в четверг, и она стала просить Варвару ее оттуда забрать. Мы уже обрадовались, что если она говорит, то ей стало лучше. Но в субботу позвонили из больницы и сказали, что Александра Марковна умерла.

Я навещала разных подопечных, кого-то чаще, кого-то реже, по мере того, какого рода нужна была помощь. С кем-то обменивалась книгами, слушала истории из жизни, и каждый раз, когда выходила из квартир подопечных, оказывалась в нашем XXI веке не сразу. Мне нужно было часа два погулять по городу, все осмыслить: и ситуации, в которых сейчас живут подопечные, и их жизненные перипетии, но в то же время вернуться в свою жизнь. Ведь каждая судьба — это история.

Недалеко от моей станции метро жила Ирина Степановна, другая подопечная нашего Центра, и я стала навещать ее. Первый раз, когда я зашла к ней в гости и она вела меня в свою комнату, я вдруг заметила, что кто-то сидит неподвижно как мумия. Оказалось, что это ее сестра, она практически парализована, совсем не двигается, а когда-то была музыкантом. Их в семье всего было три сестры (как у Чехова, подумала я). Ирина Степановна с нежностью рассказала мне о них, обо всех трех, и плакала, ей трудно переживать ту ситуацию, в какой они находятся сейчас. Одно время я покупала ее сестре лекарства, а потом она умерла. Я помогала на поминках.

Сейчас я работаю координатором Социально-волонтерского центра, многие из тех подопечных, кого я навещала, уже имеют регулярных волонтеров. Некоторые из моих знакомых даже стали выбираться к нам на мероприятия, о чем я долгое время мечтала и чего пыталась добиться.

А тут у меня новая довольно близкая дружба случилась...

К нам в музей на чаепития всегда приходила Инна Александровна Акдальдер. Для нас — и волонтеров, и некоторых сотрудников — это была женщина-загадка. Если вы один раз увидите Инну Александровну, вы вряд ли ее забудете: с гордой осанкой, аристократичным профилем, пышной прической и в необыкновенных нарядах, подчеркивающих фигуру, с пронзительно синими глазами...

Когда мы начали готовить книгу к изданию, я недоумевала, почему в ней нет Инны Александровны. Оказалось, что она не очень ладит с волонтерами, поэтому нужно было взять у нее интервью самой.

Когда мы с фотографом приехали к Инне Александровне домой (Инна Александровна страдает от того, что теперь живет не в центре), она встретила нас у подъезда, поскольку ходила в магазин, готовясь к нашему визиту. Наверх мы поднимались втроем.

— Это фотография моей бабушки — все, что у меня осталось... — проводя экскурсию по квартире, она указывает на большую фотографию женщины в старинном платье, — еще у меня осталось от нее платье с «тех времен». Но я его перешила, как-нибудь покажу.

«Пока живу, надеюсь»

Жили мы близ Патриарших прудов, на Малой Бронной (15, корпус 1), где после революции из казарм сделали коммуналки. В нашем бараке, например, жил главный аптекарь Москвы, певица из Большого театра. Мы занимали угловую комнату в первом этаже; она была большая, но ужасно сырая, на стенах росла плесень, около которой я прожила 23 года. Всего в квартире было шесть комнат, двадцать восемь человек, кухня восемь метров, печь-плита и керосинки. В 1947 году дом газифицировали, и это было чудо. Во всех домах была только холодная вода, никаких удобств: один туалет — сортир. Все дома кишели тараканами, клопами, крысами и вшами. В каждом дворе напротив барака были сараи для дров; наш — на втором этаже с прогнившей «галдарейкой». Зимой мы прыгали с нее в сугроб, а летом играли в дочки-матери, в магазин с продуктами. Однажды «поставили балет», и у меня была балетная пачка из Большого

театра, которую я разорвала о гвоздь.

Нашу, с позволения сказать, большую жилплощадь бабушка перегородила шкафами и половину сдавала слушателям военно-политической академии, офицерам, прошедшим войну. Воспоминания об этом жуткие, потому что по ночам они стонали, иногда кричали: «Ура! В атаку!» — за шкафами все было слышно. Но нам нужно было выживать.

Баракы сломали в 60-х годах, когда почти все «бывшие» вымерли, а молодежь рассеялась кто куда.

Судьба моих родственников (не только родителей) трагична, как и миллионов соотечественников. Ни отца, ни матери я не знала: отца репрессировали за два месяца до моего рождения, некоторое время спустя маму со мной на руках забрали

Как следовало по закону того страшного времени, нашлись «вредители» — сотни и сотни проектировщиков были объявлены «врагами народа».

на Лубянку, но каким-то чудом отдали бабушке, которая меня воспитала.

Мой отец — Александр Васильевич Кутиков, коренной москвич, родился в 1910 году, происходил из купеческой семьи, в свое время проживавшей в доме около «высотки» на площади Восстания, который сломали в 2000-х годах.

Отец работал преподавателем в академии им. М. В. Фрунзе. Он был одним из первых в Москве, у кого появился автомобиль. Отец очень любил театр и музыку, ухаживал за Фаиной Раневской, был знаком с Александром Цфасманом, дружил с Риной Зеленой. В 1934 году он познакомился с Алисой — моей мамой, и ввел ее в этот круг. Родители были молоды, часто встречались в саду «Эрмитаж» на знаменитой танцплощадке. В 1935 году родился первый ребенок — сын Владимир, а в 1939-м родилась я.

Недалеко от нашего дома было японское посольство. Однажды отец назначил встречу в своей машине около этого особняка. Это случилось за два месяца до моего рождения. Возможно, это повлияло на его арест. Особое совещание НКВД приговорило отца к восьми годам лагерей по обвинению в антисоветской агитации. Он отбывал срок наказания в Свободненском лагере в Амурской области, где и погиб в 1943 году. Родственники отца от нас отвернулись, от страха изменили фамилии и отчества. В 1959 году отца реабилитировал посмертно военный трибунал.

Мама — урожденная Алиса Александровна Акдальдер — родилась в 1915 году в Москве. После окончания школы и получения специального образования работала чертежницей в каком-то проектно-бюро, где проектировали Дом Советов. Этот грандиозный проект был обречен на провал. Первоначально на этом месте стоял храм

Особое совещание приговорило Алису к десяти годам лагерей за антисоветскую агитацию по статье 58 п. 10 — измена родине.

не на фундаменте, а на «подушке» из пророченных десятками лет злаковых культур, его разобрали и перенесли в другое место. Построенный к 1883 году храм Христа Спасителя простоял менее пятидесяти лет, до 1931 года; разобрать не удалось, его варварски взрывали дважды. Образовавшийся котлован заполняли огромными бетонными глыбами-«башмаками», которых было шесть этажей, и все это проваливалось в тартарары. Как следовало по закону того страшного времени, нашлись «вредители» — сотни и сотни проектировщиков были объявлены «врагами народа», репрессированы, многие расстреляны. В эту «мясорубку» попала Алиса.

Вскоре после начала войны, в июне 1941 года, ее арестовали со мной на руках; я какое-то время пробыла на Лубянке. Суда не было. То же Особое совещание приговорило Алису к десяти годам лагерей

за антисоветскую агитацию по статье 58 п. 10 — измена родине. Сначала заключенные, как правило, содержались в московских пересыльных тюрьмах, где бабушка и я, а иногда я одна, навещали ее. Затем ее этапировали в Воркуту, на лесоповале в Кемеровской области у нее обнаружился открытый туберкулез легких; в результате маму переправили в казахстанский Карлаг на выращивание овощей, что считалось облегченным трудом. Интересно, что впоследствии я семь месяцев была именно там, на целине, по первому призыву «целинников». Так было принято при поступлении в институт. Последний этап «тюремной карьеры» Алиса проработала в саратовской «шарашке» (конструкторское бюро, где заключенные выполняли оборонные госзаказы). Надеясь на амнистию, она родила в 1948 году ребенка и была отпущена. Но как только она переступила родной порог, сосед-милиционер поспешил донести,

Все бывшие политзаключенные были поражены в гражданских правах, им разрешалось селиться на 101-м километре от Москвы.

и тут же «черный ворон» водворил ее опять в тюрьму.

Алиса вернулась из заключения только в 1956 году. Все бывшие политзаключенные были поражены в гражданских правах, им разрешалось селиться на 101-м километре от Москвы. Таким образом, был выбран Покров, где она вышла замуж за Константина Александровича Кузнецова, такого же репрессированного, происходившего из рода Кузнецовых, тех самых, которые имели фарфоровые заводы. Он был хорошим интеллигентным человеком, видимо, так любил Алису, что не побоялся связать свою жизнь с женщиной с тремя детьми. В 60-х годах они вернулись в Москву, еще долго работали: он — линотипистом в типографии, она — чертежницей-копировщицей. До самой смерти они прожили в полном согласии.

Моя бабушка Эмма Яковлевна Акдальдер родилась в Вильно

в 1879 году. Лет в десять была привезена в Москву и воспитывалась в доме Шереметьевых. О степени ее родства со знаменитой династией мне ничего не известно, можно только догадываться. Во всяком случае, у них она получила воспитание, которое было принято в XIX веке. Судя по одежде на фотографиях и тому, что я видела сама — стеклярусные накидки, меха и бархат, — бабушка бывала в свете. Единственное, о чем она все-таки упоминала, об Останкинском дворце: там устраивались балы, был театр, и из Малой артистической гостиной ей был подарен необыкновенный мебельный гарнитур тончайшей резьбы по карельской березе: четыре стульчика, диванчик, ломберный столик из каррарского мрамора и буфетик.

В 36 лет она вышла замуж за офицера и в 1915 году родила дочь Алису. В 1917-м разразилась революция, а следом Гражданская война,

Никакие испытания жизни, горести, трудности и лишения не могли повлиять на стойкий характер и внешний облик бабушки.

муж сгинул, Шереметьевы покинули Россию, оставив кое-что бабушке, и она одна, с ребенком на руках, осталась в Москве. Выживала она рукоделием, день и ночь сидела за швейной машинкой: латала постельное белье, перелицовывала воротнички и манжеты мужских рубашек, чинила и штопала, так как вещи носили десятками лет; изредка шила что-то новое. Бабушка перешивала свои старые вещи и для нас. Особенно мне запомнилось одно розовое платье. Это был шелк с шерстью, что-то вроде букле. Такой ткани даже приблизительно я никогда не встречала, а розовый цвет до сих пор люблю. У меня сохранилось другое платье из ее гардероба, я его переделывала и надеваю до сих пор. И только с моей первой зарплатой было куплено новое полушерстяное синее платье.

Никакие испытания жизни, горести, трудности и лишения не могли повлиять на стойкий характер и внеш-

ний облик бабушки — каждый день она даже на кухню выходила со свежим воротничком и очередной брошечкой.

Первое яркое воспоминание — это крещение в церкви Воскресения Слоущего в Брюсовом переулке. Когда опускали в купель, надо мной где-то в вышине светились разноцветные звезды — лампы. Помню вкус и запах миро. И с этих пор Господь Бог и Ангел-Хранитель ведут меня по жизни, несколько раз спасали меня от угроз и насилия, от болезней, от зла и помогают перенести все невзгоды.

А второе воспоминание жуткое, уже военное. 1941 год. Бабушка куда-то ушла и меня оставила одну. По полу бегали крысы, и я забралась на стул. В это время началась бомбежка: грохот, яркие вспышки взрывов сквозь маскировку из старых тряпок на окнах. Очень страшно. Стул покачнулся на 45 градусов, но я не упала. Это тоже чудо.

Мне запомнились алюминиевые миски с печеньями, пряниками и карамелью — это было что-то невиданное!

Нас хотели эвакуировать, военные принудительно собрали вещи, а наша соседка, работающая на военном заводе, в этот момент буквально влезла в окно и закричала: «Это мои родные, я их обеспечиваю, я не могу без них». Таким образом мы остались в Москве.

Однажды во время бомбежки мы втроем бежали в бомбоубежище с ведром, в котором лежал кусок хлеба и что-то самое необходимое. Ведро упало, я — на ведро, на меня — бабушка, а сверху — наша соседка. «Ой-ой, Инка жива или нет? Мы задавили ее!..» Но ничего, я выжила.

Всю войну мы прожили в Москве: я у бабушки, а брат — в детском доме. Бабушка была уже пожилой и не могла содержать двух внуков, поэтому моего брата отправили в детский дом. Он располагался в особняке архитектора Ф. Шехтеля, и курировала этот детдом жена

Молотова, ее потом тоже репрессировали. Там бывали праздники, и однажды меня пустили в столовую; мне запомнились алюминиевые миски с печеньями, пряниками и карамелью — это было что-то невиданное! Меня, конечно, никто не угощал. В отличие от меня, брат всегда был одет — вельветовый костюм и ботинки. В начале войны детдом эвакуировали на Урал, и на какое-то время брат исчез из моей жизни.

А еще я помню салют. Вечером на крыше соседнего дома запустили трассирующие снаряды, они составляли очень красивые разноцветные дорожки, это было удивительно!

Потом был уже настоящий салют. И радость, разлитую в воздухе, забыть невозможно.

Конечно, детство у меня было убогое. Я даже не помню, чтобы я играла в куклы — их у меня

Серебро и украшения были снесены в Торгсин, чтобы купить передачу в тюрьму для Алисы.

просто не было. Как-то бабушка, заработав немного денег, спросила меня: «Инночка, что купить — сто граммов масла или куклу?» И я ответила: «Куклу!» Куклу продавала соседка. Она занимала комнату репрессированной и расстрелянной семьи Шашаловских. Ресницы у куклы были наклеены и быстро отвалились, а платице было истлевшее и расползлось по швам. А потом моя подружка, играя со мной, махнула куклой и разбила ее вдребезги о спинку шереметьевского стула. Естественно, я долго рыдала, единственная в жизни кукла погибла безвозвратно.

Все, что было возможно продать, бабушка продала: огромную фарфоровую напольную вазу с girляндами из розочек и ангелов отдала за дрова, очень красивый сервиз — за банку отрубей. Серебро и украшения были снесены в Торгсин, чтобы купить передачу в тюрьму для Алисы.

Нам есть было почти нечего. В войну рядом с нами жила более обеспеченная семья, они получали пайки и не бедствовали. Я ходила к ним за картофельными очистками. А другая соседка, Фрида Марковна, аптекарша, иногда приносила нам бутылочку рыбьего жира. Бабушка готовила очистки с рыбьим жиром, но это было нечасто.

До 1947 года продукты выдавались по карточкам. По такой карточке мне выдавали пол-литра молока, и я ходила сама, одна, в 5 лет, в молочную на Спиридоновку. Однажды по дороге какой-то мальчишка вырвал у меня из рук карточку с талончиками на 30 дней. Конечно, я ревела, а бабушка мне тогда сказала: «Раз ты не смогла уберечь карточку, иди и стой у прилавка». Я ходила в молочную целый месяц без карточки, некоторые люди капали мне в бидончик чуть-чуть молока от своей нормы. Таким образом я приносила домой немного молока.

В школу я пошла в 1946 году. Бабушка из каких-то остатков тканей соорудила коричневое платьишко и черный фартук.

В школу я пошла в 1946 году. Бабушка из каких-то остатков тканей соорудила мне коричневое платьишко и черный фартук, вместо портфеля у меня был мешок, который затягивался на веревочку, в нем лежала одна тетрадка и карандаш. В первом классе девочка из детдома подарила мне ярко-голубой дерматиновый портфель.

Мне было семь лет, когда знакомый знакомого, то есть чужой человек, взял меня на елку. Помимо подарка вручил целый пакет мандаринов, я никогда их прежде не видела. Они пахли так, что у меня закружилась голова. Человек, который меня туда привел, сказал: «Ты меня прости, я на работе, домой иди сама». Темно, а у меня пакет мандаринов и подарок, и я не знаю, как мне попасть домой. Но каким-то образом добралась.

В 1946 году к нам вернулся брат. Он пришел с Урала пешком, его

детдом был в эвакуации, а он сбежал. Чтобы выжить, просил милостыню, карточек на него не давали. Ходил в хлебную лавку, где на прилавке крепился огромный нож, которым от буханок отрезали куски и взвешивали на весах норму, оставались маленькие довески, и кто-то отдавал их брату. Не всегда он доносил их до дома, частично съедал сам, а частично у него отбирали по дороге старшие мальчишки.

Мыться мы ходили в Палашевские бани. Каждый раз я заражалась там вшами, и мои волосы обрабатывали керосином, а волосы у меня были ниже пояса, все девочки заплетали косы, с короткими волосами ходили только после болезни.

Я училась в элитной 125-й школе. У нас полкласса были еврейские дети, мы все дружили. Меня прикрепили к отличнице Вере Минкиной. Я ходила к ней делать уроки и меня кормили обедом, а иногда

Учителя мне советовали: «Когда тебя спрашивают, где твой отец, говори — пропал без вести». Я так и отвечала.

даже давали с собой ситник — домработница мазала его маслом и поливала вареньем. Я сберегала ситник до вечера, приносила домой бабушке. Я в жизни не съела без нее ни одной конфеты.

Однажды моя подруга Оксана Кузнецова, дочь адмирала, пригласила меня в гости. Они жили на Тверской (улице Горького). Боже, как я собиралась! Незадолго до этого бабушка получила красную вигоневую кофту. Нарядилась в нее и пошла. Тогда я в первый раз в жизни попробовала красную икру. В то время многие дети недоедали, и в школах на большой перемене давали пирожок с повидлом или булочку и чай — это подкрепляло силы.

Доброта окружающих учителей и подруг спасли меня от озлобления, и я не была изгоем. Ко мне люди относились все-таки благожелательно, без страха, принимали в домах. Учителя мне советовали:

«Когда тебя спрашивают, где твой отец, говори — пропал без вести». Я так и отвечала. Старший брат учиться не хотел, хотя был способным и отлично рисовал. Мы с бабушкой пытались таскать его в школу за уши, но бесполезно. Иногда у бабушки он крал пенсию, и тогда мы оставались на голодном пайке. От Шереметьевых ей досталась серебряная изящная подставка в виде пьедестала с богиней, которая когда-то держала хрустальное блюдо. Блюдо, конечно, было давно разбито. Однажды брат схватил ее и убежал из дома, чтобы продать. Бабушка хотела задержать его, упала и сломала ключицу. После этого у нее стал расти горб.

Я уже тогда ходила в райисполком за помощью и советом, и мне помогли определить брата в ремесленное училище, чтобы он получил специальность. Училище он все-таки окончил и какое-то время

После смерти Сталина мои родители и я реабилитированы полностью.

работал слесарем, а потом освоил шоферскую профессию и до конца жизни был водителем.

Я получила среднее образование, окончив семь классов, и была вынуждена из школы уйти, чтобы получить профессию и зарабатывать. Я любила читать, и мне посоветовали Московский городской библиотечный техникум, он располагался напротив сада «Эрмитаж». Я поступила туда. И началась совсем взрослая жизнь. Я получала стипендию, на которую мы с бабушкой жили.

В техникуме был преподаватель литературы — Анатолий Иванович Сосновский, репрессированный. У него были отморожены ноги, он ходил в бурках летом и зимой. Когда объявили, что умер Сталин, он вел у нас урок. Помню, он был натянут как струна, напряжен... Должен был сказать патриотическое слово, а не мог. Как-то выдавил: «Мы все скорбим». Честно

говоря, я не скорбела, но в растерянности, как и все, я тоже была.

После смерти Сталина мои родители и я реабилитированы полностью.

Жизнь трудна, но интересна и прекрасна. Впереди была другая жизнь — учеба в МГУ им. Ломоносова (который я и строила на субботниках), целина, спорт, путешествия, семья и дети.

Вместо послесловия.
Работа первого набора
проекта «Психология заботы»
Социально-волонтерского
центра Музея истории
ГУЛАГа завершена.

На память нам останется
эта книга и фильм
«Свободные дни».

Если у вас возникло
желание воспользоваться
опытом нашего проекта,
появились вопросы,

пишите нам,
мы обязательно ответим:
help@gmig.ru.

Надеемся, что эта книга
вам поможет.

Вместо послесловия

Дорогой читатель, если ты читаешь эти строки, значит, ты прочел нашу книгу до конца. Спасибо тебе за это. Проект был сложный, но очень увлекательный. Мы очень хотели помочь пожилым одиноким людям, пережившим репрессии. Наверное, поэтому все и получилось. А когда всем сердцем хочешь помочь кому-то, то для этого всегда находятся возможности и, главное, люди, готовые их реализовать.

Я благодарна моим коллегам, волонтерам и подопечным Социально-волонтерского центра за их доверие и безоглядное понимание друг друга. Ведь непросто соединить два настолько далеких друг от друга поколения так, чтобы это сотрудничество было эффективным и комфортным для его участников. Но у нас это получилось!

Большое спасибо директору Музея истории ГУЛАГа Роману Владимировичу Романову за его абсолютную веру в наш проект и предоставленную возможность самостоятельно принимать решения!

Отдельная благодарность — психологу проекта Валерию Наумову за в высшей мере профессиональную помощь и поддержку. Без опытного психолога мы бы точно не справились!

Кроме организации помощи пожилым друзьям Музея нам удалось получить еще один «синергетический» результат. С помощью психотерапевтических сессий лучше узнали друг друга сотрудники Музея и волонтеры. Мы стали настоящей командой, или даже большой семьей! Кроме того, по словам волонтеров, среди опекаемых ими жертв политических репрессий они нашли родственные души,

и многие продолжают общаться уже вне проекта.

Поэтому с уверенностью могу сказать, что задача максимум проекта осуществилась. Мы очень хотели, чтобы наши подопечные и те, кто о них заботится, стали близкими людьми. Чтобы волонтеры помогали им настолько, насколько это возможно, получая чувство сопричастности с серьезным нужным делом, человеческое тепло и благодарность.

В ближайшее время появится документальный фильм, основанный на материалах проекта, в котором мы покажем, насколько увлекательным и полезным может быть такого рода общение. Ведь наши подопечные не просто свидетели эпохи, действующие лица одного из самых ярких и страшных периодов в истории нашей страны. Они были и остаются недюжинным примером сохранения воли к жизни и человечности, внутренней культуры и твердости духа в чудовищных условиях тоталитарной системы уничтожения, которой и был ГУЛАГ.

Надеюсь, что те из читателей, кто захочет воспользоваться опытом нашего проекта, найдут ответы на все свои вопросы в этой книге. А если нет — пишите нам в музей на электронный адрес help@gmig.ru, мы обязательно ответим.

Центр 4-й этаж документации Музея истории ГУЛАГа

Фото из архива
А. Родченко
и В. Степановой

Помощь в поиске информации
о репрессированных
родственниках

Научная библиотека

Архив видеопроинтервью проекта
«Мой ГУЛАГ»

Вт, Ср, Чт, Пт, Сб 12 — 21:00

Вход бесплатный

1-й Самотёчный переулк, 9с1

doc@gmig.ru

Дорогие друзья!
Музей истории ГУЛАГа открыт
со вторника по воскресенье
с 12:00 до 21:00
Музей закрыт по понедельникам
и в последнюю пятницу месяца.

МОСКВА, 1-Й САМОТЁЧНЫЙ ПЕР., Д. 9, СТР. 1
GMIG.RU

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГУЛАГА — РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ РОМАНОВ
ПРИЕМНАЯ ДИРЕКТОРА: +7 495 621 73 10, INFO@GMIG.RU
ЗАКАЗ ЭКСКУРСИЙ: + 7 495 681 88 82, OBRAZ@GMIG.RU
ПРЕСС-СЛУЖБА: +7 495 681 29 90, PR@GMIG.RU

ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ НАШУ ПОСТОЯННУЮ ЭКСПОЗИЦИЮ

Постоянная экспозиция Музея знакомит с историей репрессивной системы в СССР в период 1920—1950-х годов, начиная с создания первых концлагерей и до закрытия лагерей системы ГУЛАГ после смерти Сталина.

ЛЕКЦИИ, СПЕКТАКЛИ, КОНЦЕРТЫ, КИНОПОКАЗЫ, ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА В МУЗЕЕ

В Музее проводятся лекции, спектакли, концерты, кинопоказы, творческие вечера и перформативные акции, предлагающие образное осмысление темы репрессий. С афишей можно ознакомиться на сайте музея gmig.ru. По вопросам организации мероприятий: +7 495 681 88 82, events@gmig.ru.

ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ

Если вы хотите узнать, как найти информацию о репрессированных родственниках, обратитесь в Центр документации Музея: +7 495 681 61 89 доб. 22-23, doc@gmig.ru.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

С собранием книг по истории ГУЛАГа и политических репрессий можно поработать в Научной библиотеке Музея. Каталог и режим работы библиотеки опубликованы на сайте Музея: gmig.ru. По вопросам работы библиотеки: +7 495 681 61 89, biblio@gmig.ru.

ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Отделом Музея истории ГУЛАГа является музей «Дом на набережной», размещенный в знаменитом Доме правительства на улице Серафимовича. Сайт музея: dnpmuseum.ru.

КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ

Музей с благодарностью принимает в дар фотографии, мемуары, письма и документы, личные вещи репрессированных и лагерные артефакты. По вопросам передачи предметов в коллекцию Музея можно обратиться в Отдел учета и хранения фондов: +7 495 681 15 29, fond@gmig.ru.

МОЙ ГУЛАГ

Музею важны и устные свидетельства участников событий и их родственников, поэтому с 2013 года Студия визуальной антропологии записывает видеоинтервью с людьми, прошедшими через репрессии и ГУЛАГ. Если Вас или членов Вашей семьи коснулись репрессии сталинского времени, и вы не хотите, чтобы память об этих событиях ушла в небытие, — пожалуйста, свяжитесь с нами: +7 495 621 73 46, mygulag@gmig.ru.
Записанные видеоинтервью опубликованы на сайте проекта «Мой ГУЛАГ»: mygulag.ru.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Научно-исследовательский отдел Музея изучает историю советских массовых репрессий, принимает участие в международных и всероссийских конференциях и круглых столах. Для связи с сотрудниками отдела: +7 495 681 61 89, наука@gmig.ru.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Взаимодействие со школьниками, студентами и педагогами — одно из приоритетных направлений работы Музея. С предложениями Образовательного центра Музея можно ознакомиться на сайте gmig.ru. По вопросам работы центра: +7 495 681 88 82, obraz@gmig.ru.

СОЦИАЛЬНО-ВОЛОНТЕРСКИЙ ЦЕНТР

В Музее работает Социально-волонтерский центр, оказывающий поддержку жертвам политических репрессий. Волонтеры Музея сопровождают пожилых людей в медицинские учреждения, помогают по дому, оказывают юридическую помощь, организуют досуг и поддерживают морально. Чтобы стать волонтером, достаточно заполнить анкету на сайте Музея. По вопросам работы центра: +7 495 681 64 18, help@gmig.ru.

ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ

Музей организует стационарные и передвижные выставки на основе фондовой коллекции и в сотрудничестве с другими музеями, архивами, институтами, издательствами, общественными организациями, культурными и образовательными центрами. Для связи с Экспозиционно-выставочным отделом Музея: +7 495 621 73 35, expozition@gmig.ru.

АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ ПАМЯТИ

Музей истории ГУЛАГа инициировал создание Ассоциации российских музеев памяти, в которую входят 32 музея из 27 городов страны. Узнать о работе Ассоциации можно на сайте memorymuseums.ru.

ИНТЕРАКТИВНАЯ КАРТА ГУЛАГА

Музей истории ГУЛАГа разработал Интерактивную карту ГУЛАГа — пополняющуюся базу данных по истории и географии исправительно-трудовых лагерей, действовавших в СССР с 1918 по 1960 год. С картой можно ознакомиться на сайте gulagmap.ru.

Над книгой работали:

Анна Стадинчук,

заместитель директора по развитию

Музея истории ГУЛАГа

Варвара Усаневич,

руководитель Социально-волонтерского центра

Музея истории ГУЛАГа

Кристина Танис,

PR-специалист Музея истории ГУЛАГа

Диана Дзис,

координатор Социально-волонтерского центра

Музея истории ГУЛАГа

Елена Жолобова,

литературный редактор

Мария Нестеренко,

литературный редактор

Татьяна Полянская,

научный редактор, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник Музея истории ГУЛАГа

Вера Полякова,

корректор

Илья Яблонский,

фотограф

Игорь Гурович,

дизайн, arbreitskollektiv

Дмитрий Криворучко,

верстка, arbreitskollektiv

Светлана Пухова,

руководитель издательской программы

Музея истории ГУЛАГа

Музей истории ГУЛАГа

123473, Москва

1-й Самотечный переулок, д. 9, стр. 1

+7 495 681 88 82

+7 495 621 73 10

Отпечатано в типографии

«Август Борг»

+7 495 787 06 77

www.augustborg.ru

Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОПЫТЕ СОЦИАЛЬНО-ВОЛОНТЕРСКОГО ЦЕНТРА МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГУЛАГА.

«ПСИХОЛОГИЯ ЗАБОТЫ» – ЭТО ВОЛОНТЕРСКАЯ ПОМОЩЬ ЛЮДЯМ, ПЕРЕЖИВШИМ МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В СССР: ОТ РАБОТ ПО ДОМУ И ПОКУПКИ ПРОДУКТОВ ДО РЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ И ПОХОДА В ТЕАТР.

ДЛЯ ВОЛОНТЕРОВ ОБЩЕНИЕ С ЖЕРТВАМИ РЕПРЕССИЙ – ВОЗМОЖНОСТЬ УЗНАТЬ ОБ ИСТОРИИ СВОЕЙ СТРАНЫ ИЗ ПЕРВЫХ УСТ, ДЛЯ ПОДОПЕЧНЫХ – ПРИОБРЕСТИ НЕОБХОДИМУЮ ПОДДЕРЖКУ И ПОДЕЛИТЬСЯ ОПЫТОМ.

НА ВСЕХ ЭТАПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА С ВОЛОНТЕРАМИ РАБОТАЕТ ПСИХОЛОГ, КОТОРЫЙ ОБУЧАЕТ ТОНКОСТЯМ ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ОСНОВНЫМ АСПЕКТАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОДОПЕЧНЫМИ, МЕТОДАМ БОРЬБЫ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ ВЫГОРАНИЕМ.

ПРОЕКТ СТАРТОВАЛ В ОКТЯБРЕ 2018 ГОДА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПАМЯТИ, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ИЗ БЮДЖЕТА ГОРОДА МОСКВЫ, ВЫДЕЛЕННЫХ В КАЧЕСТВЕ ГРАНТА МЭРА МОСКВЫ.